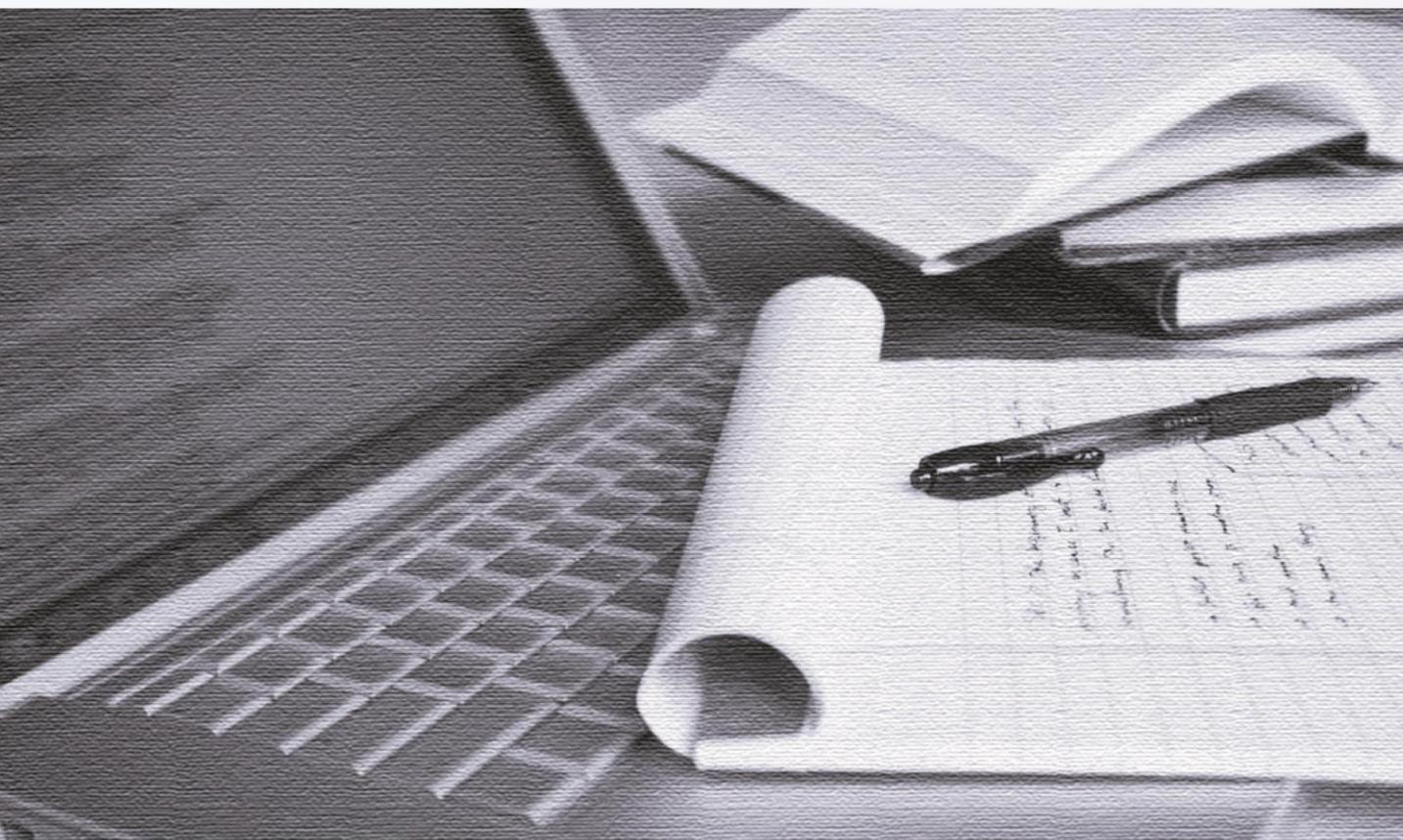

16+

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ISSN 2500-1795

№1 / 2022

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК №1

ISSN 2500-1795

16+

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартровский государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77 - 80962 от 30.04.2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1>

Периодичность издания: 2 раза в год (1 раз в полгода).

Форма распространения: сетевое издание

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки: русский, английский

Индексируется и размещается: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks, ЭБС «Лань».

Главный редактор: О.М. Култышева

Редакционная коллегия: Л.Ф. Алексеева, А.Н. Безруков, М.Р. Галиева, Е.В. Киричук, Л.В. Кушнина,
Л.А. Нефёдова, Д. Мэтякубов, Н.С. Саньярова.

Адрес редакции: Россия, 628609, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул.
Мира, д. 3 Б, каб. 305.

Адрес издательства: Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4. Тел./факс: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Подготовлено в издательстве НВГУ.

Подписано в печать 30.04.2022

Гарнитура Times. Объем 2,55 МБ, 6,83 п.л.

Заказ 2251. Цена: «Бесплатно»

© Нижневартровский государственный университет, 2022

NIZHNEVARTOVSKY PHILOLOGICAL BULLETIN №1

ISSN 2500-1795

16 +

Founder: FGBOU VO "Nizhnevartovsk State University"

The Journal is Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Registration certificate EL No. FS 77 - 80962 dated 04/30/2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1>

Frequency of publication: 2 issues per year.
Distribution form: online edition
Distribution territory: Russian Federation, foreign countries
Languages: Russian, English

Indexed and placed: Russian Science Citation Index (RSCI),
Electronic and library system IPRbooks, the Electronic and library system Lanbook, CyberLeninka.

Editor-in-chief: O. M. Kultysheva.

Editorial Board: L.F. Alekseeva, A.N. Bezrukov, M.R. Galieva, E.V. Kirichuk, L.V. Kushnina,
L.A. Nefedova, D. Matyakubov, N.S. Sanyarova.

Editorial office address: Russia, 628609, Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra, Nizhnevartovsk,
st. Mira, 3 B, office. 305.

Publisher's address: Russia, 628616, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra,
Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4. Tel./fax: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

CC license type supported by the journal: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Prepared by the publishing house NVGU.
Signed to print: 04. 30.2022
Times typeface. Volume 2.55 MB, 6.83 pp
Order 2251. Price: "Free"

© Нижневартровский государственный университет, 2022

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Безруков А.Н.
КОГЕРЕНТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ЛИРИКЕ ДМИТРИЯ БЫКОВА: ОПЫТ РЕЦЕПЦИИ6

Брызгалова В.В.
МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ШЛЕМ УЖАСА: КРЕАТИФФ О ТЕСЕЕ И
МИНОТАВРЕ»19

Иванова Т.А.
ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО РОДНЫМ
ЯЗЫКАМ И ЛИТЕРАТУРЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ХАНТЫ-
МАНСКИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ30

Кульшишева О.М.
ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В. МАЯКОВСКОГО: «ДВОЙНИЧЕСТВО», «МНОГОЛИКОСТЬ»
ИЛИ «ИГРА»?43

Марков А.В.
МАНДЕЛЬШТАМ И АЛОИЗИУС БЕРТРАН: ЗАМЕТКА К ТЕМЕ61

Митрофанов В.В.
ТВОРЧЕСКИЕ УВЛЕЧЕНИЯ С.Ф. ПЛАТОНОВА-ГИМНАЗИСТА70

Терехова З.С.
ТЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПОЭМЕ А.А. АХМАТОВОЙ «РЕКВИЕМ»79

Хомиченко О.В.
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ86

ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Емельянова С.А.
ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ: НОВАЦИИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ)99

Филистова Н.Ю., Позднякова С.Д.
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «PANDEMIC» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ (НА ОСНОВЕ СТАТЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)108

CONTENT

DOMESTIC PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

- Bezrukov A.N.*
COHERENT EXPERIMENT IN THE LYRICS OF DMITRY BYKOV: RECEPTION EXPERIENCE6
- Bryzgalova V.V.*
MANIPULATION OF HUMAN CONSCIOUSNESS IN THE INFORMATION
AND COMMUNICATION SPACE IN V. PELEVIN'S NOVEL "HELMET OF HORROR:
CREATIFFF ABOUT THESEUS AND THE MINOTAUR"19
- Ivanova T.A.*
FROM THE EXPERIENCE OF HOLDING THE REGIONAL OLYMPIAD OF SCHOOLCHILDREN IN
NATIVE LANGUAGES AND LITERATURE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN
THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG - YUGRA30
- Kultysheva O.M.*
LYRICAL HERO OF V. MAYAKOVSKY: "DOUBLE", "MANY-FACE" OR "GAME"?43
- Markov A.V.*
MANDELSTAM AND ALOYSIUS BERTRAND: A QUESTION OF INTERPRETATION61
- Mitrofanov V.V.*
CREATIVE HOBBY S.F. PLATONOV-SCHOOL STUDENT70
- Terekhova Z.S.*
THE THEME OF HISTORICAL MEMORY IN A POEM A.A. AKHMATOVA "REQUIEM"79
- Khomichenko O.V.*
THE CONCEPT AND ESSENCE OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE86

FOREIGN PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

- Emelyanova S.A.*
TEACHING ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES: INNOVATIONS AND PERSPECTIVES
(USING ONLINE PLATFORMS)99
- Filistova N. Yu., Pozdnyakova S.D.*
LINGUISTIC PECULARITIES OF THE CONCEPT "PANDEMIC" IN THE
ENGLISH-LANGUAGE NEWSPAPER DISCOURSE (BASED ON MEDICAL ARTICLES)108

УДК 82.93

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/01>

Безруков А.Н.

КОГЕРЕНТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ЛИРИКЕ ДМИТРИЯ БЫКОВА: ОПЫТ РЕЦЕПЦИИ

Аннотация. Современная лирика в разверстке основных имен многолика и многообразна. Основные ориентиры данной литературной формы направлены на эстетическое преодоление диалога с непререкаемой классикой, однако, ряд авторов создают и оппозиционную версию, формируют новый, альтернативный взгляд на действительность. Оригинально, по-своему, в режиме трансформации смыслов выглядит лирика Игоря Губермана, Владимира Степанова, Игоря Иртеньева, Ольги Седаковой, Дениса Осокина, Веры Павловой, Дмитрия Быкова. Лирический нарратив указанных авторов становится сферой редуPLICATION. Помимо смысла, тяготеющего к трансцендентной канве, возникает и имманентная магистраль, ориентированная на более тонкую манифестацию авторской позиции. Контрастным из представленного ряда поэтов является имя Дмитрия Быкова, поднимающего острые социальные вопросы, ставящего оппозиционно крайности настоящего. Методология анализа текстов в данной работе соотносится с принципами эмпирической оценки, рецептивной эстетики. Выпущенный в 2021 году сборник Дмитрия Быкова «Ничья. 20:20» становится литературной базой статьи. Д. Быков создает некий когерентный эксперимент в этом сборнике, ибо большая часть форм есть «отклик на события современности», «слово оппозиционного толка», «предполагаемый диалог / контакт», «созданная мыслимая перспектива», «духовное перерождение», «история по-настоящему». Думается, что формальная составляющая лирики Дмитрия Быкова не заслоняет смысловой параллелизм. Напротив, голос поэта звучит неравнодушно, страстно, целостно, конвергентно. Материал может быть полезен при изучении литературного процесса начала XX века, новейшей поэзии, творчества Дмитрия Быкова. Целевая составляющая работы направлена на определение ряда эстетических, идейных, литературных предпочтений указанного автора. Таким образом, статья есть попытка верифицировать художественные маркеры современности, совместить их с незыблемым полем классической лирики.

Ключевые слова: новейшая русская поэзия; рецепция текста; герменевтика; Дмитрий Быков; поэтическая структура; семантика; дискурс.

Сведения об авторе: Безруков Андрей Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет (Бирский филиал), Россия, г. Бирск, in_text@mail.ru

Bezrukov A.N.

COHERENT EXPERIMENT IN THE LYRICS OF DMITRY BYKOV: RECEPTION EXPERIENCE

Abstract. Modern lyrics in the unfolding of the main names are many-sided and diverse. The main guidelines of this literary form are aimed at aesthetically overcoming the dialogue with the indisputable classics, however, a number of authors create an oppositional version, form a new, alternative view of reality. The lyrics of Igor Guberman, Vladimir Stepanov, Igor Irtenyev, Olga Sedakova, Denis Osokin, Vera Pavlova, Dmitry Bykov look original, in their own way, in the mode of transformation of meanings. The lyrical narrative of these authors becomes the sphere of reduplications. In addition to the meaning, which tends to the transcendent canvas, there is also an internal highway, focused on a more subtle manifestation of the author's position. Contrasting from the presented series of poets is the name of Dmitry Bykov, who raises acute social issues, oppositional puts the extremes of the present. The methodology of text analysis in this work correlates with the principles of empirical evaluation, receptive aesthetics. Released in 2021, Dmitry Bykov's collection "Draw. 20:20" becomes the literary base of the article. It seems that D. Bykov creates a kind of coherent experiment in this collection, because most of the forms are "response to modern events", "an oppositional word", "supposed dialogue / contact", "created conceivable perspective", "spiritual rebirth", "real story". It seems that the formal component of Dmitry Bykov's lyrics does not obscure the semantic parallelism. On the contrary, the poet's voice sounds indifferent, passionate, holistic, convergent. The material can be useful in the study of the literary process of the early twentieth century, the latest poetry, the work of Dmitry Bykov. The objective component of the work is aimed at determining a number of aesthetic, ideological, literary preferences of the specified author. Thus, the article is an attempt to verify the artistic markers of modernity, to combine them with the unchanging sphere of classical lyrics.

Keywords: modern Russian poetry; receptive aesthetics; hermeneutics; Dmitry Bykov; poetic structure; semantics; discourse.

About the author: Bezrukov Andrei Nikolaevich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology, Bashkir State University (Branch in Birs), Russia, Birs, in_text@mail.ru

Безруков А.Н. Когерентный эксперимент в лирике Дмитрия Быкова: опыт рецепции // Нижневартровский филологический вестник. 2022. №1. С. 6-18. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/01>

Bezrukov, A.N. (2022). Coherent Experiment in the Lyrics of Dmitry Bykov: Reception Experience. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 6-18. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/01>

События пандемии 2019-2021 года достаточно вариативно получили свое отображение в разных пластах мировой культуры и искусства. Литература, в частности, также осталась небезучастна к данной проблеме, определив значимость и сложность т.н. «изоляционной процедуры». Романские и повествовательные конструкты, драматические тексты, лирический нарратив поднимают вопрос распространения вируса, манифестируют трагедию последствий его влияния на жизнь человека, в целом общества, глобально – мира. Причем, это не буквальная фактор оценки вирусной атаки, но и предел изменений ценностных координат, так как общество должно выработать новую версию организации порядка. Вариант, предлагаемый художниками слова помимо аккумуляции информации, становится импульсом к действиям. Следовательно, сферично проявляется альтернативная версия разрешения событий, планомерное прогнозирование, оценка мотивировки значимости новых пределов, формулирование задач и целей.

Лирика, пожалуй, наиболее действенно реагирует на социально-исторические изменения: это было в XIX веке, активно представлено в XX-ом, заслуживает внимания и в веке XXI. Стоит отметить, что поэты (Агеносов 2006) пристальное внимание обращают на особое оформление художественного полотна, при этом они должны точно передать особый эмоциональный тон (Иртенев 2020), особое – сложное – переживание. Сюжетная (Безруков 2019) реальность лирического объекта есть сфера, которая как модель испытывает человека, далее же маркирует особый накал чувств, доходящий до предела. Можно констатировать, что общество потеряло контроль над реальной действительностью, а человек заблудился в системе социальных взаимоотношений. Рушится старый мир (Вознесенский 2000), традиция подвергается серьезной критике, а оппозиция декларирует массовую агонию и дозволенный властный произвол. Думается, что переосмысление становится тем ведущим принципом, который массово допускается художниками, пестуется как когерентная составляющая эстетики.

Отечественная литература, как и мировая – европейская, американская, евразийская, вопрос социальной нестабильности и политических (Постникова 2018) противоречий поднимает открыто и беспристрастно. Ряд современных русских авторов социально-тематический пласт возводят в ранг магистрали, корректирующего вектора своего творчества. Заметим, что апелляция подобного рода исторически объяснима (Зайцев 2009; Плеханова 2015). Кодирование указанного порядка имеет место быть, однако, литература должна не только уличать власть в позиционной нестабильности (Губерман 2019) и догматике ошибки, но и способствовать разрешению (Седакова 2017) сложившихся противоречий.

Яркость оппозиции в формате словесного творчества на современном этапе встречаем у Марии Арбатовой, Виктора Ерофеева, Максима Кантора, Людмилы Улицкой, Виктора Шендеровича, Дмитрия Быкова. Номинация проблемы в текстовых (Безруков 2015а) вариациях указанных авторов разнообразна. На уровне поэтики вариант представлен и в жанрово-родовых приоритетах, и в выборе средств манифестации, и в критической разверстке диалога с классикой. Для писателей данной направленности суть текста заключается в смысловой разрядке, ориентированной на полярность чувств. С одной стороны – обличение дикой, едкой, социально неправильной реальности, с другой же – призыв к реализации открытого бунта, замещения старых, изжитых себя ценностей, новейшими, пока только разрабатываемыми. Наиболее открыто, пропагандистски свободно в формате лирике об этом, на наш взгляд, говорит Дмитрий Быков.

Творческая деятельность Дмитрия Быкова достаточно разнообразна и продуктивна: он прозаик, публицист, литературный критик, журналист, теле- и радио-ведущий, преподаватель. Его объемные литературоведческие исследования посвящены таким классикам отечественной литературы как Борис Пастернак, Максим Горький, Владимир Маяковский, Булат Окуджава. Тексты Дмитрия Быкова востребованы читательской публикой, его признает общественность, он лауреат ряда серьезных премий – Международной литературной премии им. А. и Б. Стругацких, «Бронзовая улитка», «Национальный бестселлер», «Большая книга», «Портал». Правда, прозаический формат читается и изучается больше, нежели стихотворный. Ввиду этого и хотелось бы остановиться на лирических экспериментах Дмитрия Быкова, определить приоритеты его эстетической картины мира, по возможности дешифровать способ художественного мышления посредством анализа поэтического языка. Литературной основой данной работы является сборник «Ничья. 20:20», который, на наш взгляд, конденсирует точку зрения Д. Быкова на окрест сформированную реальность, действительный / наличный состав современности.

Сборник «Ничья. 20:20», как отмечает в предисловии автор, сложился из стихов, написанных в 2020 году и несколько ранний период. **Первый раздел** – «Письма счастья» – это иронические стихи из «Новой газеты», которые, все меньше отличаются от лирики. Размещение данного блока вполне понятно, ибо он становится пред-вступлением, играющим роль манифестации основных тем и проблем, поднимаемых далее. Причем, поэтическая структура текстов Дмитрия Быкова также будет варьироваться, ибо острота и актуальность вопроса для автора, несомненно, имеет значение, следовательно, поиск жанра / типа организации наличного полотна также будет иметь маркировку поиска. **Второй раздел** – это стихи разных лет, с оговоркой, что они давно не печатались или редко читались на вечерах. Вариация «редко», конечно же, есть эпатажный шаг Д. Быкова, некая протестная версия, «чтобы напомнить». Отмечу, что поэт-оппозиционер Быков использует для усиления внимания жанр «песни», столь близкий для отечественного слуха (обозначая при этом и маркированный подзаголовок «Из цикла «Русские песни»»). И, наконец, **третий раздел**,

который имеет явную соотнесенность с 2021 годом, временем кризисных настроений, годом «открытой изоляции», периодом «активных размышлений о реалиях и создании новых горизонтов». Таким образом, композиция сборника «Ничья. 20:20» представляет собой трехчастный конструкт, объединенный общей магистралью изменений противоречивых / контрастных настроений автора. Замечу, что для Дмитрия Быкова вступать в диалог с литературной классикой является нормой, однако, диалог в данном случае имеет не прямой / продуктивный вид, но вид с акцентом на разночтение, несогласие, некое негодование.

Экспериментальная (Безруков 2020) природа сборника «Ничья. 20:20» Д. Быкова заключается в трансформации жанровых форм, отчасти сделанных с отсылкой к первоисточникам. Однако, для автора принципиальным становится не соблюдение последовательной, стадийной парадигмы изменений, сколько сознательное ее разрушение. Деформируя жанр, Быков, таким образом, в режиме формальной игры выражает собственно «свое», индивидуальный ценз обретает статус протестного клитика. Тексты Дмитрия Быкова это также и манипуляционные конструкты, в них много противоречивого и неровного. Художественная реальность, порой, смешивается с живым настоящим событием, однако и оно трансформировано до мифа. Окололитературность проявляет себя и в апелляции автора к знаковым именам – Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Александр Блок, Нина Берберова. Непрямая связь, вероятно, становится для Дмитрия Быкова аргументом оправдать несправедливый, неровный, противоречивый тон настоящего, при этом низвергнуть принципы современной жизни, принципы организации современного российского общества, критически осудить, нивелировать их концептуальность.

Первый раздел книги открывается «Релятивистской балладой». Общая эмоциональная тональность этого текста начинается с глубокой «депрессии» лирического героя, заканчивается же некоей эпитафией по «настоящему». Для автора становится важным обратить внимание читателей на разносторонний взгляд на Россию. Сначала языковая, далее и пространственная констатация происходит «от выбора точки» – «снаружи», «изнутри», «извне», «внутри». Физиологическая составляющая, видимо, дает возможность поэту изведать пространство / время современности полновесно, в нужном объеме. Однако, взгляд всегда ломается, искажается за счет субъективных факторов, становится неровным, неправильным. Критическая составляющая оценки топоса – Россия – некоего апогея достигает в финале баллады:

Если смотреть на Россию снаружи –
Трудно придумать чего-нибудь хуже.
Так что смотри на нее изнутри –
Или, пожалуй, совсем не смотри (Быков 2021: 11).

Исторические эмблемы и знаки, топографические объекты, нарочитые жанровые / типы формы, общекультурные символы становятся в первой части сборника импульсивными, функциональными точками, ориентирующими читателя на вероятностное переосмысление,

переложение их значимости в новую семантическую (Безруков 2014; Безруков 2018) плоскость. Например, «Москва», «сон», «баллада», «Христос», «Иуда», «Книга Бытия», «Пасха», «Магдалина», «ВЛКСМ», «Сталин», «Спарта», «Бессмертный полк», «Пушкин», «Дантес», «Мартынов», «Родина», «Мамай», «Крым», «Европа», «карантин», «ТВ», «РФ», «COVID» и т.д. Художественная точка зрения Дмитрия Быкова сводится, на наш взгляд, к масштабной критике практически всего. В стихах нет единственно верной радости, которую мог бы актуализировать автор. Версия с угасанием действительности, по Быкову, созвучна ряду мотивов апокалиптического толка. В современной российской прозе это наблюдаем у Дмитрия Глуховского, Михаила Шишкина, Алексея Слаповского и ряда других писателей. Но для оценки настоящего все же архаику истории нужно поднять на должную высоту и это делается так:

С чего начинается Родина?
 С Велесовых бычьих рогов,
 Иль с бога варяжского Одина,
 Иль старых славянских богов?
 С моченой орловской антоновки,
 С ядреной кирзовой крупы,
 Со старой отцовской буденовки
 И дедовской древней кипы? (Быков 2021: 79).

Сюжетика первого раздела сводится к реинтерпретации истории; ситуативное, фактическое смещается в условное видимое прошлое. Для Д. Быкова время – категория значимая, но **время** в тексте представлено не контрастными полюсам, а единым «поток», даже точкой, принятия всего, что уже происходило в России, эффект едино-моментной плоскости налицо. Думается, что такой план в литературно-художественном ключе нельзя оценить сверх положительно, тем более, что обобщения / типизации в текстах сборника «Ничья. 20:20» явно мало. Одной из тем, затрагиваемых Д. Быковым в указанном сочинении, является тема правды. Но жизненная правда и правота суждений со стороны лирического героя разнятся, последняя выглядит в настоящем неискренней. Однако, позиция автора, на наш взгляд, несколько «размыта», ибо он не хочет и сам говорить откровенно о «случившемся». Неслучайно в стихотворении «Мандельштамовское» встречаем:

С рождения им искажает черты –
 Простые, как каша из полбы, –
 Такое сознание своей правоты,
 Что ангел глаза бы отвел бы.

Уместна ли Родине бедной хула?
 Прогноз мой размыт и неточен.
 Не смею сказать, что она умерла,

Но как-то ей очень не очень (Быков 2021: 53, 55).

В рамках рецептивной (Безруков 2015б) эстетики режим чтения допускает т.н. сложно-семантическую игру. Литературное произведение онтологически стремится к реализации варианта, дискурсивная парадигма (Безруков 2018), следовательно, не только фиксирует мыслительный художественный поток, но и приращивает допустимые значения. Для сборника Дмитрия Быкова «Ничья. 20:20» данный факт наличен, при этом разность позиций присутствует контрастом. Например, в стихотворении «Прививка» первое четверостишие противоположно второму, третий катрен – четвертому и т. д. Смысловая дисгармония строф ролевую суть героя раскрывает в пределах допущения:

Антипрививочник – кретин.
С рожденья не люблю ретивых.
Пусть он ярится – мы хотим
Все пережить в паллиативах.

Прививка свыше нам дана.
Что день грядущий нам готовит?
Замену ковиду она:
И как бы фейк, и как бы ковид... (Быков 2021: 93).

Принцип когерентного эксперимента действительно наблюдаем во втором разделе сборника Дмитрия Быкова, данная часть ориентирована на переложение жанра «песни». Трансформация жанра в данном случае есть вербальное сращение / соединение с народной стихией, а также возможность свой взгляд нарочито обозначить в запоминаемом, доступном мелодико-ритмизованном ключе:

Вот и Родина, шелестя, вроде старой скамьи:
Уж и так процентов на сто – все свои, все твои!
Где подобный монолит, не припомню я:
Если что и заболит, то фантомное (Быков 2021: 196).

Игровое начало для лирики Д. Быкова фантомный горизонт, поэту достаточно трудно нивелировать две своих крайности – личностную и условную / художественную. Либо это некое желание проиграть одновременно несколько ролей в одной ситуации. Схожий вариант претворения уже был нами назван применительно ко времени и художественным координатам сборника. Наблюдательность, ирония, порой надменность, возвышенное «я», сопричастие «над» – вот что формирует имманентный, чувственный срез героя:

Серым мартом, промозглым апрелем,
Миновав турникеты у врат,
Я сошел бы московским Орфеем

В кольцевой концентрический ад... (Быков 2021: 118).

Соприсутствие бытию, масштабность «своего», некая личностная трагедия, от которой горько и страшно, рождение эффекта жалости только себя, мотив грусти «по себе». Это ярко слышим в следующих строчках:

Распался новый мир, а с прежним я расстался.
Везде, куда ни глянь, –
Кожзам, гипсокартон, развилка, хрящ пространства,
Соединительная ткань.

Рай для покинутых, бессолнечный Элизий,
Ни тьма, ни полусвет, –
И выучился я бродить по этой слизи,
И тут мне равных нет (Быков 2021: 132-133).

Таким образом, форма для Дмитрия Быкова есть преломление взгляда, некий эстетический маневр, извод перспективы. Протестное отношение практически ко всему выражается в таких жанровых нео-номинациях как «отклик на события современности», «слово оппозиционного толка», «предполагаемый диалог / контакт», «созданная мыслимая перспектива», «духовное перерождение», «история по-настоящему». Формальная составляющая лирики Дмитрия Быкова не заслоняет при этом и смысловой параллелизм, напротив, голос поэта звучит равнодушно и страстно, но несколько не целостно, либо конвергентно.

Метафизическая гибель безрадостно прорисовывает пространство сборника «Ничья. 20:20». Внешнее описание, оттенки живой жизни, предметный мир не так характерны для стиля Д. Быкова, но если картинка начинает рисоваться, то она будет доведена до высокого разрешения. Например:

Проснешься – и видишь, что праздника нет
И больше не будет. Начало седьмого,
В окрестных домах зажигается свет,
На ясенях ключья тумана седого... (Быков 2021: 137).

Новая жизнь поэтом в данном случае мыслится, но выстраивается она лишь в условность, как таковой серьезной оппозиционной цели / идеи здесь нет.

Синкретическая гипотеза в актуальном мире не может противостоять классической, монополярной. Да и вдумчивый читатель понимает, что формальных рассуждений, и даже риторики натиска не хватает:

Ну что же, попробуем! В новой поре,
В промозглом пространстве всеобщей подмены,
В облепленном листьями мокром дворе,

В глубокой дыре, на краю Ойкумены,
Под окнами цвета лежалого льда,
Под небом оттенка дырявой рогожи
Попробуем снова. Играй, что всегда:
Все тише, все глуше, все строже – все то же (Быков 2021: 139).

Достаточно знаково заканчивается второй раздел сборника – это «Колыбельная». Сон – есть форма достижения гармонии. Умиротворение позволяет приблизиться к созвучиям внешнего и внутреннего, трансцендентного и имманентного. Языковые концепты – «ночь», «путь», «Бог», «Родина», «пустырь», «детство», «жизнь», «рай», «яблоко» – слагаются в устойчивую форму общебытийной картины жизни. Следовательно, как таковая истина раскрывается с помощью ветхозаветных номинаций, пейзажных отсылок к родной природе. Индивидуальный фактор, безусловно, значим, однако, естественный / онтологический миропорядок не нарушить, сколько бы ни хотелось это сделать человеку.

Последний – третий блок – это «Новые стихи». Он значительно меньше по объему, а эмоциональная тональность данной части сродни унынию и депрессии. Выстраивая последний фрагмент сборника «Ничья. 20:20», Дмитрий Быков включает сюда, на наш взгляд, два знаковых текста. Собственно они и задают вектор восприятия всей книги, формируют оценочную сетку авторской активности, откровенно раскрывают **лирического героя**. Примечательны: «Подражание Блоку» с эпиграфом «Опять, как в годы золотые...» и «Два сонета о Поэте и Поэзии» с авторским объяснением выбора жанра: «что есть «сонет-акrostих с кодою» (Быков 2021: 165).

Бытийное назначение поэта в «строю рабочем», по Быкову, точно не определено. Вновь творческая фигура нивелирована, заботы касаются настоящей действительности, чего-то не совсем значимого, слишком простого, низменного. Выведенная в акrostихе формула – «КРУГОМ ВСЕ МУДАКИ» – дистанцирует лирического героя от остальных, отделяет его точку зрения от актуальной, своевременной. Перечисляя пороки таких поэтов как Тютчев, Ахматова, Языков, Жуковский, Есенин, Кузьмин и т. д. Быков доминантно завершает: «А все же мы гораздо лучше вас» (Быков 2021: 166). Риторически стоит спросить: «кого именно?». Версия критической оценки дается в «Подражании Блоку». Здесь автор проводит параллель со стихотворением «Родина», написанным 18 октября 1908 года. Блок искренне верит, что Россия «не пропадет» и «не сгинет», ее прекрасные черты «может затуманить лишь забота...» (Блок 1955: 498). Лирическая наррация наполнена особой эмоциональностью, особым трагизмом, тем настоящим чувством, которое конденсатором предает поэт-символист. Иначе выглядит все у Дмитрия Быкова:

Опять, как при советской власти,
Ночами улицы пусты,
Бушуют кухонные страсти,
Пророчат новые Христы.

Опять несутся причитанья,
Опять мы пьем и чушь несем,
И роковое сочетанье
Весны и гибели во всем» (Быков 2021: 161).

Вера полностью утрачивается, надежда теряет свою опору, даже «Господь как будто потерял нас», прописывает поэт. Художественная реальность искажает некую правду жизни, при этом правдоподобие имеет ироничный тон. Философское понимание изменений мира, которое было у Блока, видоизменено у Дмитрия Быкова. Культурная парадигма, символика и концептология прошлого не обретают уже значимости и смысловой тверди. Гибель, крушение, закат и крах миропорядка обозначается как протест. Танатологические мотивы правят в тексте «Подражания Блоку», причем это распространяется на вертикаль и горизонталь, социальное, личностное, общественное, вечное. Создается это нарочито, с дублированием умолчания, с использованием символической маркировки знака – тире и многоточия:

Как Бог – с юродивым Корейшей,
Багрец заката – с кирпичом...
Зато надежды – ни малейшей,
И сожаленья – ни о чем (Быков 2021: 164).

Координаты художественного мира в сборнике Д. Быкова нарушены, цели как таковые не имеют фактической направленности, эстетическая парадигма деформирована. Лирический герой с его явно недосказанной позицией фаталистически оказывается одиноким. Молчание маркирует финал данного свода текстов. Последним стихотворением сборника становится «Мертвые языки». Язык – это, пожалуй, то первое, что объединяет и связывает народ, этнос, общество. В данном же случае, это то, что франкирует конец и безысходность всего:

Обширна была страна, грамматика мудрена,
Лексика разветвлена, но подвел носитель.
Забылись слова, понятия, имена,
Гавань подернулась тиной, пуста обитель... (Быков 2021: 186).

Подводя итог, можно констатировать, что сборник Дмитрия Быкова «Ничья. 20:20» это довольно слабая версия противостояния т.н. реальной действительности. Если ранее, в предшествующие годы поэту удавалось сказать сложно, интересно, критически верно о ситуации, как в России, так и мире, то сейчас удается лишь пессимистически грустить о «золотых годах». Время для Быкова параметр, не имеющий четкой дифференциации, либо оно сознательно сжимается в некую точку. Дистанция периодов позволяет оценивать событийный пласт истории объективно, фактурно, беспристрастно. Модель, выбранная

поэтом, низводит самостоятельность до предела мелкой иронии (Печетова, Михайлова 2020), частного ехидства, самозабвения, немотивированного самолюбования. Причем, пространственные пределы – пределы жизни, которые созданы в сборнике, – значительно шире и крупнее.

Суть позиции Дмитрия Быкова можно свести к недовольству лишь формальным, вещным и материальным: это «границы», «закрытые рестораны», «ржавеющая Держава» и т. д. Личная же «беспомощность» почему-то не признается и не констатируется? Следующие строчки выглядят эпитафией, но потенциальный читатель может спросить: собственно ... «по кому / чему?»:

Тот помнит облик безобразный
Весны, в которой вырос я,
Необязательный и праздный
Дух пробужденья и гнилья,

И ту беспомощную дерзость,
И понимания клеймо,
Что ничего не можешь сделать –
Все будет сделано само (Быков 2021: 163).

Таким образом, современная российская поэзия явление сложное и противоречивое, окончательной точки в оценке авторов поставить просто не получается, а это показатель настоящего искусства. Поиск новых форм, новых идей, новых синкретически реализованных образов, выработка приемов художественного рисования – вот цели и задачи лирики (Безруков 2017), ибо она первая из литературных типов активно реагирует на злобу дня. Исследовательские же ориентиры должны быть направлены на объективный анализ и рецепцию актуальных вариаций в рамках истории, культуры, классики, продолжающегося диалога мнений и точек зрения.

ЛИТЕРАТУРА

Агеносов В.В. Современные русские поэты: справочник-антология. М.: Вербум-М, 2006.

Безруков А.Н. Дифференциация текста и дискурса с позиций современной лингвистической теории // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2015а. С. 8-19.

Безруков А.Н. Интертекстуальные вариации в границах постмодернистского письма // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2014. №2(4). С. 129-134.

Безруков А.Н. Поэтика парадокса в системе литературных экспериментов Игоря Губермана // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2020. №2. С. 15-21.

Безруков А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход. СПб.: Гиперион, 2015б.

Безруков А.Н. Структурный анализ лирического текста как модель репрезентации эстетических координат // *Studia Humanitatis*. 2017. №3. С. 19.

Безруков А.Н. Сюжетология поэтических конструкторов // *Studia Humanitatis*. 2019. №3. С. 24.

Безруков А.Н. Факторы семантической изотопии литературно-художественного дискурса // Нижневартровский филологический вестник. 2018. №2. С. 81-86.

Блок А. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1955.

Быков Д.Л. Ничья. 20:20: стихотворения. М.: Эксмо, 2021.

Вознесенский А. www. Девочка с пирсингом.ru. Стихи и чаты третьего тысячелетия. М.: Terra, 2000.

Губерман И. Гарики на каждый день: стихи. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019.

Зайцев В.А. О художественно-стилевых течениях в русской поэзии XXI века // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. №4. С. 16-38.

Иртенев И.М. Из жизни Петровых. М.: Эксмо, 2020.

Печетова Н.Ю., Михайлова М.В. Приемы создания иронического эффекта в политическом стихотворении (на примере стихотворения Дмитрия Быкова) // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2020. №6 (80). С. 87-94. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.80.6.006>

Плеханова И.И. Русская поэзия рубежа XX-XXI веков: учебное пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015.

Постникова Е.Г. Архетип «Родины-Матери» в современном политическом дискурсе (Александр Проханов VS Дмитрий Быков) // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. №4. С. 1174-1187. <https://doi.org/10.15826/qr.2018.4.353>

Седакова О. Стихотворения шаги. Избранные стили. М.: Арт Волхонка, 2017.

REFERENCES

Agenosov, V.V. (2006). *Sovremennye russkie poety: spravochnik-antologiya*. Moscow. (in Russian).

Bezrukov, A.N. (2015a). *Differentsiatsiya teksta i diskursa s pozitsii sovremennoi lingvisticheskoi teorii*. In *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse*, Orel, 8-19. (in Russian).

- Bezrukov, A.N. (2014). Intertekstual'nye variatsii v granitsakh postmodernistskogo pis'ma. *Vestnik Dimitrovgradskogo inzhinerno-tekhnologicheskogo instituta*, (2(4)), 129-134. (in Russian).
- Bezrukov, A.N. (2020). Poetika paradoksa v sisteme literaturnykh eksperimentov Igorya Gubermana. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta*, (2), 15-21. (in Russian).
- Bezrukov, A.N. (2015b). Retseptsiya khudozhestvennogo teksta: funktsional'nyi podkhod. St. Petersburg. (in Russian).
- Bezrukov, A.N. (2017). Strukturnyi analiz liricheskogo teksta kak model' reprezentatsii esteticheskikh koordinat, *Studia Humanitatis*, (3), 19. (in Russian).
- Bezrukov, A.N. (2019). Syuzhetologiya poeticheskikh konstruktov. *Studia Humanitatis*, (3), 24. (in Russian).
- Bezrukov, A.N. (2018). Faktory semanticheskoi izotopii literaturno-khudozhestvennogo diskursa. *Nizhnevartovskii filologicheskii vestnik*, (2), 81-86. (in Russian).
- Blok, A. (1955). *Stikhotvoreniya*. Moscow. (in Russian).
- Bykov, D.L. (2021). *Nich'ya. 20:20: stikhotvoreniya*. Moscow. (in Russian).
- Voznesenskii, A. (2000). *www.Devochka s pirsingom.ru. Stikhi i chaty tret'ego tysyacheletiya*. Moscow. (in Russian).
- Guberman, I. (2019). *Gariki na kazhdy den': stikhi*. St. Petersburg. (in Russian).
- Zaitsev, V.A. (2009). O khudozhestvenno-stilevykh techeniyakh v russkoi poezii XXI veka. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, (4), 16-38. (in Russian).
- Irtenev, I.M. (2020). *Iz zhizni Petrovykh*. Moscow. (in Russian).
- Pechetova, N.Yu., & Mikhailova, M.V. (2020). Priemy sozdaniya ironicheskogo effekta v politicheskom stikhotvorenii (na primere stikhotvoreniya Dmitriya Bykova). *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, (6 (80)), 87-94. (in Russian). <https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.80.6.006>
- Plekhanova, I.I. (2015). *Russkaya poeziya rubezha KhKh-XXI vekov: uchebnoe posobie*. Irkutsk. (in Russian).
- Postnikova, E.G. (2018). Arkhetip «Rodiny-Materi» v sovremennom politicheskom diskurse (Aleksandr Prokhanov VS Dmitrii Bykov). *Quaestio Rossica*, 6(4), 1174-1187. (in Russian). <https://doi.org/10.15826/qr.2018.4.353>
- Sedakova, O. (2017). *Stikhotvoreniya shagi. Izbrannye stili*. Moscow. (in Russian).

© Безруков А.Н., 2022

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/02>

Брызгалова В.В.

**МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ ЧЕЛОВЕКА
В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ШЛЕМ УЖАСА:
КРЕАТИФФ О ТЕСЕЕ И МИНОТАВРЕ»**

Аннотация. В отечественной культуре начала XXI века обострился кризис ценностных установок современного человека, сознание которого подвержено манипуляции. Феномен манипуляции сознанием имеет свою историю, но особенную силу приобрел в XX веке, когда главными проводниками власти стали СМИ, искусство, реклама. А к началу XXI века основным инструментом манипуляции сознанием человека становится информационно-коммуникативное пространство. Расцвет технологий и форм манипуляции сознанием в виртуальном пространстве становится ведущей темой романа В. Пелевина «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре» (далее: «Шлем ужаса»). В данной статье роман интерпретируется через сопоставление с технологией манипуляции. Такой подход к интерпретации авторского замысла романа помогает раскрыть особенности явления манипуляции сознанием в истории и отечественной культуре начала XXI века, проследить в тексте романа отражение технологии манипулирования, проанализировать признаки и методы манипуляции, которые описывает автор. В. Пелевин разоблачает технологию манипуляции сознанием человека, побуждающую его делать выбор, выгодный для власти. Манипуляционные технологии, описанные в романе, вытесняют традиционные ценности человека. Автор не только отражает данную социокультурную проблему эпохи начала XXI века, но и ставит нравственную проблему сохранения личностью собственной идентичности и свободы выбора в условиях тотального воздействия информационно-коммуникационных технологий на отдельного человека и общество в целом. Роман В. Пелевина «Шлем ужаса» актуален, он вызывает бесконечные споры: есть ли будущее у поколения, которое пытается найти выход из Лабиринта современной кризисной эпохи.

Ключевые слова: В. Пелевин; информационно-коммуникационные технологии; идентичность личности; манипуляция массовым сознанием; технология манипулирования сознанием человека.

Сведения об авторе: Брызгалова Вероника Владимировна, учитель русского языка и литературы, МБОУ «Средняя школа №10» г. Нижневартовска, Россия, г. Нижневартовск, bryzgalova.tel89129364243@yandex.ru

*Bryzgalova V.V.***MANIPULATION OF HUMAN CONSCIOUSNESS IN THE INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE IN V. PELEVIN'S NOVEL "HELMET OF HORROR: CREATIFF ABOUT THESEUS AND THE MINOTAUR"**

Abstract. In the domestic culture of the beginning of the 21st century, the crisis of value attitudes of a modern person, whose consciousness is subject to manipulation, has aggravated. The phenomenon of manipulation of consciousness has its own history, but it gained particular strength in the 20th century, when the media, art, and advertising became the main conductors of power. And by the beginning of the 21st century, the information and communication space becomes the main tool for manipulating human consciousness. The flourishing of technologies and forms of manipulation of consciousness in the virtual space becomes the leading theme of V. Pelevin's novel "The Helmet of Horror: Creatiff about Theseus and the Minotaur" (hereinafter: "The Helmet of Horror"). In this article, the novel is interpreted through a comparison with the technology of manipulation. Such an approach to interpreting the author's intention of the novel helps to reveal the features of the phenomenon of manipulation of consciousness in the history and national culture of the early 21st century, to trace the reflection of manipulation technology in the text of the novel, to analyze the signs and methods of manipulation that the author describes. V. Pelevin exposes the technology of manipulation of human consciousness, which encourages him to make a choice that is beneficial for the authorities. The manipulative technologies described in the novel displace traditional human values. The author not only reflects this socio-cultural problem of the early 21st century, but also poses the moral problem of preserving a person's own identity and freedom of choice in the context of the total impact of information and communication technologies on an individual and society as a whole. The novel by V. Pelevin "The Helmet of Horror" is relevant, it causes endless debate: is there a future for the generation that is trying to find a way out of the Labyrinth of the modern crisis era.

Keywords: V. Pelevin; information and communication technologies; identity of the individual; manipulation of mass consciousness; technology of manipulation of human consciousness.

About the author: Bryzgalova Veronika Vladimirovna, teacher of the Russian language and literature, Municipal Budgetary Educational Institution "School No. 10" in Nizhnevartovsk, Russia, Nizhnevartovsk, bryzgalova.tel89129364243@yandex.ru

Брызгалова В.В. Манипуляция сознанием человека в информационно-коммуникативном пространстве в романе В. Пелевина «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и минотавре» // Нижневартковский филологический вестник. 2022. №1. С. 19-29. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/02>

Bryzgalova, V.V. (2022). Manipulation of Human Consciousness in the Information and Communication Space in V. Pelevin's Novel "Helmet of Horror: Creatiff About Theseus and the Minotaur". *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 19-29. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/02>

В отечественной культуре начала XXI века резко обострился кризис ценностных установок сознания современного человека, информационно-коммуникативное пространство становится основным инструментом манипуляции. Именно в виртуальном пространстве сети Интернет манипулирование позволяет формировать сознание людей, подчиняя их тем, кто управляет процессом. Понятие «манипуляция» (от лат. “manipulus” – пригоршня, горсть, от “manus” – рука и “ple” – наполнять) толкуется как обращение с объектами с определенными намерениями, целями. Отсюда происходит и современное переносное значение слова, которое сегодня трактуется как «программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» (Кара-Мурза, Смирнов 2009: 17).

Феномен манипуляции сознанием в истории и отечественной культуре XX-XXI веков рассматривается в статьях А.А. Данилова, Е.Л. Доценко, С.Г. Кара-Мурзы. Данные авторы подробно описывают историю и специфику технологии манипулирования сознанием человека в современном обществе. Феномен манипуляции сознанием имеет свою историю. Применялся он еще в древней Греции, в древнем Риме; древние риторы могли увлечь своими речами сотни людей и тем самым заставить их делать то, что они не собирались делать ранее, например, принять всенародное решение о казни или помиловании преступника. Особенную силу манипуляция приобрела в XX веке, известном как эпоха тоталитарных режимов. Ярким примером могут служить публицистические тексты А.И. Солженицына (Чернопиская, Себелева 2019: 56-60). Риторические приемы манипулирования, воздействующие на широкую аудиторию, использовали Гитлер, Дуче, Сталин. Помимо этого, в XX столетии расширяют свое влияние или появляются новые СМИ (периодические издания, радио, телевидение). Часто они становятся инструментом идеологии, а не поставщиком информации. Главное в их сообщениях – идеи, внедряемые в сознание (Доценко 2003: 122). Начиная примерно со второй четверти XX века огромное значение в этом плане приобретает искусство (кино, фотография, театр, литература и т.д.), оно также становится проводником идеологии господствующей власти (Шипова 2007: 38). В конце XX века начинается рекламный бум, это еще один способ манипуляции массовым сознанием. К началу XXI века основным инструментом манипуляции становится уже информационно-коммуникативное пространство. Именно в виртуальном пространстве сети Интернет

«манипулирование позволяет погрузить аудиторию в состояние иллюзорности, ведь само активное информационное поле обладает способностью форматировать сознание людей, подчиняя их тем, кто управляет процессом» (Шипова 2007: 37).

Таким образом, в отечественной культуре начала XXI века резко обострился кризис ценностных установок сознания современного человека, который находит отражение в романе В. Пелевина «Шлем ужаса». Виктор Олегович Пелевин – один из самых ярких и неоднозначных современных писателей. Его произведения вызывают бурную полемику на страницах печатных изданий и на сайтах сети Интернет. Творчество В. Пелевина не уместается в жанровые границы. Тематика его творчества разнообразна, заурядные явления действительности в его произведениях получают оригинальную интерпретацию. Его проза – удачное сочетание несоединимых качеств, характерных, впрочем, для литературы постмодернизма: массовости и элитарности, современности и интертекстуальной погруженности в прошлое, игры с читателем и вместе с тем серьезной попытки заглянуть в будущее. Видимо, всё это и является оставляющими невероятного успеха его произведений.

Краткий перечень произведений В. Пелевина (романы «Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Чапаев и пустота», «Generation «П»» и др.) доказывает, что автор сосредоточен на экспериментах с формой, писатель находит новые способы и приемы организации текста. «Шлем ужаса» является одной из книг, написанных по заказу британского издательства «Канонгейт» для серии «Мифы». Это современное переложение мифа о Тесее и Минотавре, оформлено оно в форме гипертекста, возникшего в пространстве интернет-чата. Основа сюжета романа «Шлем ужаса» – общение восьми существ в виртуальном чате. Каждый из них неизвестным образом попал в одну из однотипных комнат с монитором и клавиатурой. Вскоре они понимают, что стали участниками мифа о Тесее и Минотавре, и пытаются найти выход из лабиринта и разгадать его тайну.

Критики сразу же откликнулись на выход книги. Есть разные интерпретации образа лабиринта в романе. Большинство критиков сопоставляют лабиринт с виртуальной реальностью. Так, например, П. Басинский считает, что «роман-миф Пелевина написан об Интернете» (Басинский). По его мнению, интернет – это лабиринт, в котором обитает Минотавр, способный нас уничтожить, но на самом деле Минотавр живёт в нас самих. Стоит избавиться от своего Минотавра, и Интернет станет обычным информационным и коммуникативным инструментом.

Похожее мнение у О. Лебедушкиной, она сравнивает World Wide Web с лабиринтом, где каждый сам себе Минотавр, Тесей и Ариадна, что давно уже стало составной частью интернет-культуры (Лебедушкина 2006: 4).

Д. Бавильский пишет: «Восемь юзеров, запертых в автономных помещениях, сообща решают загадки, которые им подбрасывает виртуальная реальность» (Бавильский). По его мнению, В. Пелевин точно передал важнейшую тенденцию последнего времени: виртуальная реальность меняет саму человеческую природу, которая «мутирует» в неизвестном для нас направлении.

М. Кучерская полагает, что «в новой пьесе Пелевина, как и в предыдущих его сочинениях, очень много места уделено манипуляции сознанием, особенно во время предвыборных кампаний. Кажется, что весь текст – это предвыборные дебаты, после которых читатель должен выбрать, кто из восьми персонажей один настоящий» (Кучерская 2012: 23).

Итак, практически все критики отмечают, что основное внимание автор уделяет феномену возможности информационно-коммуникационных технологий целенаправленно манипулировать сознанием людей, изменять их идентичность, лишать свободы выбора. Основная задача В. Пелевина в романе «Шлем ужаса» – проанализировать технологию манипуляции массовым сознанием, которая изменяет ценностные установки современного человека. Расцвет технологий и форм манипуляции сознанием в виртуальном пространстве становится ведущей темой произведения, раскрывая которую, автор ставит проблему сущности манипуляции сознанием, применяемую в интернет-пространстве, о чем свидетельствует форма текста. Неслучайно роман написан в форме интернет-чата, в котором происходит общение восьми персонажей. Они обмениваются информацией, которая проходит специальные фильтры, а затем обработанные установки усваиваются и воспринимаются героями как свои собственные.

Манипуляция общественным сознанием посредством сети Интернет в романе изображена как технология власти. Основной признак манипуляции как технологии – ее массовость. В романе в манипулятивное взаимодействие вовлечены люди разных социальных групп, отличающиеся по уровню образования, достатка, этнической принадлежности, профессии, возрасту, мировоззрению: циничный политтехнолог Щелкунчик (Nutscracker), романтичный Ромео-и-Кохиба (Romeo-y-Cohiba), аскетичная христианка Угли (UGLI 666), brutальный Организм (Organizm(-:), простодушная Изольда (IsoldA), книжный Монстрадамус (Monstradamus). Иерархия в этом случае определяется по критерию обладания главным средством манипуляции – Шлемом ужаса. «Шлем ужаса» – интертекстуальная аллюзия к руническому защитному символу «ægishjalmr» («aegishjalmr»), знаку дракону Фафнира – персонажа скандинавской мифологии.

Условно участников манипулятивного взаимодействия в романе можно разделить на три категории: манипуляторы, исполнители и объекты манипуляции. Манипуляторы – это те, кто владеют средством манипуляции, Шлемом ужаса. «Манипулятор для управления толпой использует её социальные, религиозные, культурные, этнические и гендерные предпочтения и убеждения, служащие основой общей самоидентификации группы» (Доценко 2003: 125). В романе это Тесей, по его воле все герои оказались запертыми в своих помещениях. Целью Тесея является лишение героев свободы выбора: способности критически мыслить и делать рациональный выбор. Он мягко подводит их к заданному извне выбору как единственно возможному. Этот выбор является несвободным и неосознанным. Кроме того, мы видим, что в романе присутствует образ врага, это еще одно необходимое условие манипуляции,

организующего толпу как целое. В романе это образ Минотавра, символ угрозы, страха, именно против него объединяются участники чата.

Автор четко прорисовывает образы исполнителей манипулятивных действий. Одним из исполнителей является Ариадна (Ariadna), которая порционно выдает информацию о Минотавре под видом сновидений, подогревая страхи участников чата. К исполнителям можно отнести и Щелкунчика, он имеет опыт использования технологии манипуляции. Щелкунчик подробно описывает приемы манипуляции на примере интерактивной компьютерной игры, в которой игрок выбирает одну вазу из трех, при этом думая, что делает самостоятельный выбор; на самом деле этот выбор делает создатель игры, используя ряд приемов (Пелевин 2005: 90-98):

- «Липкий Глаз»: во время игры при поворотах головы одна из ваз как бы заливает в поле зрения и находится там дольше, чем должна.

- Другой прием называется «Гиря». Когда игрок пытается уйти от вазы, программа замедляет его движение, а когда он приближается к ней, – ускоряет. Поэтому игрок окажется перед ней довольно быстро.

- Еще один прием – «Павловская Сука», это условно-рефлекторный редактор, при применении которого игрок смотрит на понравившуюся ему вазу, но, так как этого не хочет манипулятор, у игрока начинает рябить в глазах, возникает неприятный гул в ушах или даже бьет током.

- Прием «Солнечный Поцелуй». Та ваза, которую игрок должен выбрать, получает положительную эмоциональную характеристику путем использования общепринятых эстетических кодов: на нее падает солнечный луч или долетает трогательная мелодия, когда эта ваза попадает в поле зрения.

- Обратный прием – «Туман и Мрак»: игрок смотрит на ту вазу, которую «не любит» манипулятор, солнце уходит за тучи, спускается серый туман, раздаются неприятные звуки.

- Еще есть прием под названием «Седьмая Печать»: ваза, которую следует выбрать, выделяется с помощью таинственных знаков, будящих воображение или интерес.

- Обратный прием – «Ле Пен Клуб»: вазы, которые манипуляторы хотят исключить, оказываются густо исписаны самым грязным матом.

Третью группу персонажей составляют те, чьим сознанием манипулируют, то есть объекты манипуляции: это Изольда, Ромео, Слив, Организм. Автор доказывает, что условие успешной манипуляции заключается в том, что большинство современных людей служит пассивным объектом информационного воздействия: не тратит ни душевных, ни умственных сил на то, чтобы усомниться в сообщениях СМИ, виртуальной реальности. В. Пелевин считает, что всякая манипуляция сознанием – это взаимодействие, и жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как соавтор, соучастник. Объекта манипуляций в романе автор называет «шлемилем», то есть человеком в виртуальном шлеме, в «Шлеме ужаса», поэтому этот человек, глядя в зеркало, видит не себя, а Минотавра. Так происходит смена идентичности посредством манипуляции в виртуальной действительности.

Шлемиль находится в искусственном измерении и перемещается по нему. Вернее, думает, что перемещается, ведь виртуальное измерение – это искусственное измерение, оно и представляет собой площадку, где стоят три одинаковые мраморные вазы, и, чтобы сюжет развивался нужным образом, задача манипулятора – подвести Шлемиля к нужной ему вазе. Щелкунчик объясняет: «Никакой интерактивности не бывает – она кажущаяся. Главная проблема как раз в том, чтобы избавиться от свободы выбора, жестко подвести к нужному решению, сохранив уверенность, что выбор свободный. По-научному это называется принудительным ориентированием» (Пелевин 2005: 93).

Автор говорит об отсутствии у человека свободы выбора в интернет-пространстве при кажущемся его наличии, при этом использует ряд приемов. Один из них – разного рода удвоения: двое карликов, топор с двумя лезвиями, два рога, двое каноников, двойная клюшка, два полушария мозга; «В комнате две двери...» (Пелевин 2005: 10); «На этом шлеме было два рога» (Пелевин 2005: 26). Каждое удвоение, то есть простейшее разветвление, автоматически провоцирует путешествующего по лабиринту на выбор, имитируя наличие этого выбора, поэтому неудивительно, что чаще всего существа обсуждают проблему выбора, выборов и вообще свободы воли.

Смысловые разветвления в «Шлеме ужаса» бесконечны, поэтому так же часто, как раздвоения, возникают и различные предметы с загибом: части шлема ужаса, выпукло-вогнутые ромбы, шляпы с загнутыми полями, знак доллара, якорь, рога быка, струи фонтана и так далее: «Его нижняя часть уходила внутрь шлема через прорезь посередине лица, здесь были еще рога. Они выходили из верхней части шлема и загибались назад» (Пелевин 2005: 67). Вот и крест в основе лабиринта окружен искривленными линиями, которые сначала расходятся и уводят в бесконечность, а затем загибаются и возвращаются «на кресты своя». Именно по этой схеме герои рассказывают о своих персональных лабиринтах, то есть они все время ходят по кругу, и бесконечное разветвление оборачивается не бесконечным разнообразием, а тотальным однообразием, отсутствием выбора.

Для иллюстрации этой ситуации автор применяет еще один прием, основанный на серии повторений: «У меня такая же ситуация, похожая комната и наряд. Тоже не помню, как сюда попал» (Пелевин 2005: 14); «Стоило мне его увидеть, как он шмыгал за угол, словно чувствуя спиной мой взгляд. Так повторялось много раз» (Пелевин 2005: 19). Совет Щелкунчика по выходу из лабиринта также основан на серии повторений: «надо поворачивать два раза вправо и один раз влево, потом опять два раза вправо и один раз влево, и так до самого конца» (Пелевин 2005: 165). В образах героев романа автор изобразил неразрывную взаимосвязь между обезличиванием человека, потерей им свободы выбора и технологией манипуляции сознанием, основанной на создании ложного ощущения возможности выбора своего пути объектами манипуляции.

Анализируя технологию манипуляции массовым сознанием, которая изменяет ценностные установки современного человека, В. Пелевин изображает систему методов манипуляции сознанием, используемых в сети Интернет. Многие из них описаны в статье

С.К. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» (Кара-Мурза 2009). Среди них есть грубые, примитивные формы манипуляций и тонкие, основанные на знании психологии и социальных механизмов. Наиболее распространенным и очевидным является использование метода вербального внушения. Образно В. Пелевин говорит так: «...лабиринт – это Интернет. В нем живет некая сущность, которая врывается в сознание» (Пелевин 2005: 32). Продвигая свою идею, манипулятор организует масштабное обсуждение проблемы, кто такой Минотавр и как от него избавиться. Для этого использует выступления «аналитика» Щелкунчика, высказывания «авторитетного мнения» начитанного Монстрадамуса, образные сны Ариадны. Иными словами, объекта манипуляции в прямом смысле «убеждают» принять нужную точку зрения.

Еще один метод – внедрение в аудиторию синдрома приобретенной беспомощности. Участники чата обсуждают невозможность найти выход из лабиринта, невозможность встретиться. Подобная информационная обработка постепенно вырабатывает у героев ощущение, что они живут в «мире зла», вокруг них только негатив. Это придает им пассивность и послушание, лишает воли к переменам, стремления к свободному выбору. На красивые слова UGLI 666 о том, что «Господь не заставляет нас себе молиться. Мы сами выбираем свой путь, поскольку он сотворил нас со свободной волей», Щелкунчик отвечает: «Свободы воли не существует. Жизнь – это как падение с крыши. Можешь остановиться? Нет. Можешь вернуться назад? Нет» (Пелевин 2005: 157). Таким образом, объекта манипуляции подготавливают к отказу от свободного выбора.

Писатель демонстрирует, как действует метод фрагментации, при котором информация подается кусками, порционно. Такое искусственное дробление единой цепочки событий на отдельные факты мешает видеть картину в целом. Так, в романе распадаются, теряют связь не только явления внешнего мира, но и само человеческое сознание, поэтому так достоверно в романе воспринимается образ сна и сновидений. Начинает беседу, то есть «нить» чата, Ариадна. Она рассказывает, нагнетая чувства страха и безысходности, свой сон о встрече с Минотавром, который не позволит им вырваться из замкнутого мифологического пространства, куда участники чата попали не по своей воле.

Автор демонстрирует, как манипулятор использует метод намеренного искажения действительности. Все участники чата находятся в похожих комнатах, у каждого персонажа есть бронзовая дверь с узором. Таким образом, первоначально общее пространство, в котором находятся герои, одинаково для всех. Однако одни и те же герои видят узор по-разному. Например, по мнению Щелкунчика, это фигура, похожая на прямоугольник, у которого верхняя и нижняя стороны вогнуты внутрь, а бока выгнуты наружу. Организм видит в нем летучую мышь или эмблему Бэтмана. Для Ромео и Монстрадамуса это обоюдоострый топор, какие были на Крите (Пелевин 2005: 16).

Кроме этого, каждый герой по-своему представляет реальность за дверью, у каждого – свой лабиринт. У Изольды и Ромео – парк, в котором они пытаются встретиться. У Угли 666 – собор. У Ариадны это большая комната с кроватью. Матрац такой, что «когда на него

ложишься, кажется, что прыгнул с парашютом и паришь в воздухе» (Пелевин 2005: 151). У Организма за дверью – «Скрин-сэйвер из Windows, только не из пикселей, а из досок», у Слива – «халадильник синьки» (орфография автора сохранена. – В.Б.) (Пелевин 2005: 155). У Щелкунчика – что-то вроде монтажной комнаты на телевидении, профессиональная аппаратура (Пелевин 2005: 163). У Монстрадамуса – коридор, заканчивающийся тупиком (Пелевин 2005: 175).

Так и Шлем ужаса в восприятии героев трансформируется в различные предметы: в бронзовый шлем гладиатора (Пелевин 2005: 26), в черную каску Дарта Вейдера (Пелевин 2005: 100), в Железную Маску (Пелевин 2005: 100), в шляпу-сомбреро, вратарскую маску из белой пластмассы (Пелевин 2005: 132), в маску в виде золотого солнца (Пелевин 2005: 134). Таким образом, действительность отражается намеренно противоречивой, недостоверной, что приводит в заблуждение участников чата.

В романе персонажи, транслирующие выгодную манипуляторам точку зрения, возвеличиваются, активно продвигается их образ как экспертов, признанных авторитетов в данном вопросе, например, образ Щелкунчика. Этот метод создания ложных авторитетов и экспертов подразумевает, что существуют разные «истины» и «правды», пока еще недоступные нам из-за ограниченности наших познавательных возможностей. Поэтому кто бы что ни говорил, ни писал, он лишь частично отражает «истинную суть предмета», выражает лишь долю истины. Это порождает ложный плюрализм, напоминающий философию лоскутного одеяла. В романе это ярко проявляется в объяснении понимания, что есть лабиринт. Монстрадамус считает, что лабиринт представляет «мир, в котором живет человек, широкий у входа, но узкий у выхода» (Пелевин 2005: 112). Этому мнению близко Угли 666: «закоулки и тупики лабиринта символизируют грех, в котором безысходно блуждают падшие души» (Пелевин 2005: 113). Профессор истории утверждал, что «лабиринт – символ мозга. Открытый мозг и классический лабиринт похожи даже внешне. Минотавр – это животная часть ума, а Тесей – человеческая. Животная часть, естественно, сильнее, но человеческая в конечном счете побеждает, и в этом смысл эволюции и истории» (Пелевин 2005: 165). Мнение врача-психиатра в том, что лабиринт – это «допаминовые цепи наслаждения, замыкающиеся у человека в мозгу. Правильно поворачивать в лабиринте просто, руководствоваться надо не страхами и суевериями, а тем, куда зовет здравый смысл» (Пелевин 2005: 170). Данные примеры доказывают, что принципиальное отсутствие истины, единого мнения – это еще одна возможность манипулировать сознанием человека.

Таким образом, в романе «Шлем ужаса» В. Пелевин анализирует и разоблачает технологии манипуляции сознанием человека, побуждающие его при кажущейся свободе самоопределения делать выбор, выгодный для власти. Манипуляционные технологии, описанные в романе, работают на вытеснение традиционных ценностей человека, на разрушение самоидентичности. Автор не только отражает важную социокультурную проблему эпохи начала XXI века, но и ставит нравственную проблему сохранения личностью собственной идентичности и свободы выбора в условиях тотального воздействия

информационно–коммуникационных технологий на отдельного человека и общество в целом. В. Пелевин утверждает, что использование информационно-коммуникативных технологий позволяет целенаправленно манипулировать сознанием людей, изменять их идентичность, лишая свободы выбора.

ЛИТЕРАТУРА

- Бавильский Д. «Шлем ужаса» Виктора Пелевина: книга и спектакль // ВЗГЛЯД.РУ. 13 декабря 2005. <https://clck.ru/gvzCх>
- Басинский П. Ужас шлема // Литературная газета. 12 октября 2006. <https://clck.ru/gvzЕ6>
- Верницкий А. Пелевин В. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре // Новая карта русской литературы. 24 марта 2008. <https://clck.ru/gvzED>
- Визель М. Нитки Ариадны // Полит.ру. 23 октября 2005. <https://clck.ru/hCLMN>
- Даниленко В. Есть хаос – есть постмодернизм // Литературная газета. № 5 от 8 февраля 2012. <https://clck.ru/hCL2t>
- Данилкин Л. Рецензия // Афиша Индастриз. 13 февраля 2009. <https://goo.su/0YXWu5>
- Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, КДУ, 2009. 234 с.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, МГУ, 1997. 344 с.
- Кара-Мурза С.Г., Смирнов С.В. Манипуляция сознанием-2. М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. 528 с.
- Кучерская М. Дуновение чумы // Ведомости. 2012. №82 (3098). С. 23.
- Лебедушкина О. Про людей и нелюдей // Дружба народов. 2006. №1 (80). С. 43-45.
- Пелевин В.О. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре. М.: Изд. Открытый мир, Мир детства Медиа, 2005. 224 с.
- Чернопиская К.А., Себелева А.В. Причины успешного воздействия публицистики А.И. Солженицына на общественное сознание // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижевартовск, 2019. С. 56-60.
- Шипова А.В. Манипулирование сознанием и его специфика в современном обществе: Дис. ... канд. философ. наук. Ставрополь, 2007. 156 с.

REFERENCES

- Bavil'skii, D. (2005). "Shlem uzhasa" Viktora Pelevina: kniga i spektakl'. *VZGLYAD.RU*, 13 dekabrya 2005. (in Russian). <https://clck.ru/gvzCх>
- Basinskii, P. (2006). *Uzhas shlema. Literaturnaya gazeta*, 12 oktyabrya 2006. (in Russian). <https://clck.ru/gvzЕ6>

- Vernitskii, A. (2008). Pelevin V. Shlem uzhasa: Kreatiff o Tesee i Minotavre. *Novaya karta russkoi literatury*, 24 marta 2008. (in Russian). <https://clck.ru/gvzED>
- Vizel', M. Nitki Ariadny. *Polit.ru*, 23 oktyabrya 2005. (in Russian). <https://clck.ru/hCLMN>
- Danilenko, V. (2012). Est' khaos – est' postmodernism. *Literaturnaya gazeta*, (5), ot 8 fevralya 2012. (in Russian). <https://clck.ru/hCL2t>
- Danilkin, L. Retsenziya. *Afisha Indastriz*, 13 fevralya 2009. (in Russian). <https://goo.su/0YXWu5>
- Danilova, A.A. (2009). Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii. Moscow. (in Russian).
- Dotsenko, E.L. (1997). Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. Moscow. (in Russian).
- Kara-Murza, S.G., & Smirnov, S.V. (2009). Manipulyatsiya soznaniem-2. Moscow. (in Russian).
- Kucherskaya, M. (2012). Dunovenie chumy. *Vedomosti*, (82 (3098)), 23. (in Russian).
- Lebedushkina, O. (2006). Pro lyudei i nelyudei. *Druzhba narodov*, (1 (80)), 43-45. (in Russian).
- Pelevin, V.O. (2005). Shlem uzhasa: Kreatiff o Tesee i Minotavre. Moscow. (in Russian).
- Chernopiskaya, K.A., & Sebeleva, A.V. (2019). Prichiny uspeshnogo vozdeistviya publitsistiki A.I. Solzhenitsyna na obshchestvennoe soznanie. In *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy. Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Nizhnevartovsk, 56-60. (in Russian).
- Shipova, A.V. (2007). Manipulirovanie soznaniem i ego spetsifika v sovremennom obshchestve: Dis. ... kand. filosof. nauk. Stavropol'. (in Russian).

© Брызгалова В.В., 2022

УДК 373.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/03>*Иванова Т.А.*

ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО РОДНЫМ ЯЗЫКАМ И ЛИТЕРАТУРЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ

Аннотация. Данная статья представляет собой аналитический обзор основных этапов организации и проведения региональной олимпиады школьников Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов Севера. Цель – акцентировать внимание не только педагогов, специалистов в области образования, но и всей общественности в целом на проблеме сохранения родных языков в современных условиях через различные формы деятельности, в частности – проведение олимпиады школьников по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов Севера. Показать роль олимпиады как одно из средств работы школы и педагогов по выявлению одаренных обучающихся, которые стремятся к большему познанию своего родного языка, культуры и его сохранению. В статье представлены информационно-аналитические материалы олимпиады школьников по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре за три года (2019, 2020, 2021 г.). Акцентируется внимание на формате проведения олимпиады. С 2017 года региональный этап олимпиады школьников по родным языкам и литературе проводится в очном формате с использованием дистанционных технологий. При написании статьи использована отчетная документация по результатам проведения олимпиад (итоговые протоколы с приложением рейтинговых таблиц, сводные оценочные листы, аналитические отчеты жюри), включая результативность выполнения олимпиадных заданий участниками, анализ разработанных заданий и анализ качества выполнения олимпиадных заданий по родным языкам. Рассматриваются причины снижения качества выполнения олимпиадных заданий по родным языкам и пути и методы повышения качества выполнения заданий и вовлечения большего количества обучающихся в олимпиаду.

Ключевые слова: олимпиады; Югра; школьники; аналитический отчет; качество.

Сведения об авторе: Иванова Татьяна Анатольевна, научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Россия, г. Ханты-Мансийск, ilem210@mail.ru

Ivanova T.A.

**FROM THE EXPERIENCE OF HOLDING THE REGIONAL OLYMPIAD
OF SCHOOLCHILDREN IN NATIVE LANGUAGES AND LITERATURE
OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH
IN THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG - YUGRA**

Abstract. This article is an analytical review of the main stages of organizing and holding a regional Olympiad for schoolchildren of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in native languages and literature of the indigenous peoples of the North. The goal is to focus the attention of not only teachers, specialists in the field of education, but also the entire public as a whole on the problem of preserving native languages in modern conditions through various forms of activity, in particular, holding an Olympiad for schoolchildren in native languages and literature of the indigenous peoples of the North. To show the role of the Olympiad as one of the means of the work of the school and teachers to identify gifted students who strive for greater knowledge of their native language, culture and its preservation. The article presents information and analytical materials of the Olympiad for schoolchildren in native languages and literature of the indigenous peoples of the North in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra for three years (2019, 2020, 2021). Attention is focused on the format of the Olympiad. Since 2017, the regional stage of the Olympiad for schoolchildren in native languages and literature has been held in full-time format using distance technologies. When writing the article, the reporting documentation on the results of the Olympiads was used (final protocols with rating tables attached, summary evaluation sheets, analytical reports of the jury), including the effectiveness of the participants in the Olympiad tasks, analysis of the developed tasks and analysis of the quality of the Olympiad tasks in native languages. The reasons for the decline in the quality of the performance of Olympiad tasks in native languages and ways and methods to improve the quality of assignments and involve more students in the Olympiad are considered.

Keywords: Olympiads; Ugra; schoolchildren; analytical report; quality.

About the author: Ivanova Tatiana Anatolyevna, Researcher at the Research Department of Khanty Philology, Ob-Ugric institute of Applied researches and Projects, Russia, Khanty-Mansiysk, ilem210@mail.ru

Иванова Т.А. Из опыта проведения региональной олимпиады школьников по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Нижневартовский филологический вестник. 2022. №1. С. 30-42. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/03>

Ivanova, T.A. (2022). From the Experience of holding the Regional Olympiad of Schoolchildren in Native Languages and Literature of the Indigenous Peoples of the North in

the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 30-42. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/03>

С 2019 года в стране реализуется Национальный проект «Образование» – это инициатива, направленная на достижение двух ключевых задач. Первая – обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования. Вторая – воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций. Сформировать эффективную систему выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодёжи, основанную на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся – одно из важных мероприятий Национального проекта «Образования».

Инструментами реализации этих задач являются ряд нормативно-правовых документов, принятых в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и которые определяют основные меры по поддержке способной и талантливой молодежи Югры.

Среди различных форм, методов и приемов работы с одаренными талантливыми детьми необходимо отметить всероссийскую олимпиаду школьников. Участие в них дает возможность обучающимся проверить свои знания, умения, способности, сравнить свои достижения со своими сверстниками, определиться в будущей профессии, получить возможность для поступления в профильный ВУЗ.

В 2003 году список предметных олимпиад, проводимых на территории автономного округа, по решению Департамента образования и молодежной политики автономного округа пополнился олимпиадой по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС). Основная цель олимпиады – повышение интереса обучающихся из числа КМНС к изучению родного языка, литературы и культуры и его сохранение.

Наряду со Всероссийской олимпиадой школьников региональная олимпиада школьников в Югре по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов Севера (далее – олимпиада) стала популярной среди обучающихся из числа КМНС. По Положению о проведении олимпиады по родным языкам и литературе, обучающиеся общеобразовательных организаций ежегодно принимают участие в трех этапах – школьном, муниципальном и на региональном уровне. В основном в олимпиаде принимают участие дети народов Севера: ханты, манси и лесных ненцев, которые являются носителями языка, культуры своего народа.

Вот уже 5 лет в автономном округе региональный этап олимпиады проводится в очном формате с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в местах проведения олимпиады. Такой формат проведения олимпиады прежде всего обусловлен особенностями автономного округа – сложная транспортная инфраструктура

(зимние переправы через реки, расстояние между муниципалитетами в среднем от 400 до 600 км) и климатические условия (ежегодно в январе – феврале температура воздуха ночью до – 37, –42°C, днем до – 31, – 35°C) и согласовывается с Министерством просвещения Российской Федерации в целях предотвращения возможных чрезвычайных ситуаций и происшествий.

Проведение регионального этапа олимпиады в очном формате с использованием дистанционных технологий имеет свои преимущества:

- оптимизирует систему работы проведения олимпиады в очной форме с использованием дистанционных технологий;

- налажена технология организационно-методического сопровождения муниципальных координаторов, работы ответственных в местах проведения олимпиады, жюри олимпиады;

- в местах проведения состязательных туров регионального этапа олимпиады в образовательных организациях определены аудитории, по оснащению приближенные к местам проведения ЕГЭ (наличие видеофиксации, изолированность; наличие современной оргтехники, защищенного канала связи и т. д.);

- разбор олимпиадных работ, проводимых с использованием информационно-коммуникационных технологий, позволяет выстраивать диалог жюри с участниками олимпиады, что дает возможность выяснить недопонимание в вопросах по заданиям;

Отрицательные стороны проведения регионального этапа олимпиады в очной форме с использованием ИКТ следующие:

- в отдельных территориях возможны технические сбои со скоростью интернета, что может нарушить Регламент проведения олимпиады;

- смена муниципальных координаторов и организаторов в местах проведения олимпиады;

- незапланированный карантин в муниципальном образовании и пр.

Необходимо отметить, что опыт проведения подобной олимпиады впервые в России принадлежит именно Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре. Применение такого формата проведения олимпиады очень кстати оказалось и в условиях санитарно-эпидемиологической ситуации в России, сложившейся с 2020 года и вызванной новой коронавирусной инфекцией (COVID-19).

Компетентная команда, состоящая из ученых-исследователей родных языков и литературы бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» разрабатывает задания для олимпиады с учетом возрастных особенностей участников, всех требований к содержанию заданий, а также анализа и рекомендаций членов жюри после уже проведенных олимпиад.

Разработчики готовят пакеты заданий отдельно для каждого класса (9, 10, 11 классы – по 3 пакета на каждый язык/диалект). Для каждого класса задания состоят из двух групп – в первой группе представлены задания по языку, во второй – задания по литературе.

Максимально возможная общая сумма баллов за две части составляет 100 баллов (50 баллов за языковой блок заданий и 50 баллов за задания по литературе).

Работы участников олимпиады оцениваются в соответствии с утвержденными критериями и методикой оценки. Проверяются записи ответов, выполненные на чистовике (сканах).

По результатам проверки олимпиадных работ выявляются 2 победителя по каждому из родных языков (хантыйскому и мансийскому). Также определяются 4 призера. После завершения проверки работ участников и выставления предварительных результатов жюри в обязательном порядке проводит анализ каждого задания, обращает внимание на ошибки и затруднения. Этот вид работы проводится с использованием дистанционных технологий (в формате вебинара на платформе Zoom). В случае отсутствия технических возможностей анализ записывается и направляется в места проведения олимпиады. Участники имеют возможность подать заявление на апелляцию в случае несогласия с выставленными баллами. Однако за прошедшие годы ни одного заявления на апелляцию не было подано. Об этом свидетельствует и анкетирование участников олимпиады об удовлетворенности качеством ее проведения, которое проводится после завершения олимпиадных состязаний. В анкете участнику необходимо дать оценку трём организационным аспектам, поставив отметку у одного из 3-х вариантов ответа – «удовлетворен», «частично удовлетворен» и «не удовлетворен».

Первым предметом оценки является организация регистрации участников в пунктах проведения олимпиады.

Вторым предметом для оценки было создание условий проведения состязаний (подготовленность аудитории, доброжелательность организаторов, медицинский кабинет, дежурство на этажах).

Третьим предметом оценки было соответствие мероприятия программе – проведение олимпиады согласно составленной заранее программе (соблюдение временных рамок пунктов программы).

Анкетирование показало, что за последние 3 года качеством предоставляемой услуги по организации олимпиады были удовлетворены все участники – 100%.

Итогом проведения олимпиады являются протоколы с приложением рейтинговых таблиц, аналитические отчеты жюри о проведенном мероприятии, выполнении заданий участниками. Алгоритм анализа проведенной олимпиады включает следующие моменты:

- анализ количественного, гендерного, возрастного состава участников (по классам);
- анализ качественного выполнения заданий;
- выявление основных ошибок и трудностей при выполнении заданий участниками;
- основные выводы и предложения.

Анализ численности участников олимпиады по родным языкам показывает, что за 3 года (2019, 2020, 2021 гг.) приняли участие в олимпиадах по мансийскому языку и литературе 24 человека и по хантыйскому языку и литературе 35 человек. Из них: по

мансийскому языку 19 девушек (79,2%) и 5 юношей (20,8%), по хантыйскому языку 29 девушек (82,9%) и 13 юношей (17,1%).

Стабильно в олимпиаде по мансийскому языку и литературе принимают участие обучающиеся трёх муниципалитетов (Берёзовский, Кондинский, Октябрьский районы), по хантыйскому языку и литературе ежегодно принимают участие обучающиеся трёх муниципалитетов (Белоярский, Сургутский, Нижневартовский районы), которые показывают знания казымского, ваховского, сургутского и шурышкарского диалектов хантыйского языка. Это территории с наибольшей численностью проживания носителей родных языков и литературы.

По статистическим данным, за три года наблюдается снижение общей численности участников олимпиады с 22 человек в 2019 году до 18 человек в 2021 году (на 4 чел.) Возможные причины снижения численности можно назвать следующие: отсутствие системной подготовки обучающихся в образовательных организациях к олимпиаде, отсутствие мотивации у обучающихся к участию в олимпиаде, проводимой с использованием ИКТ, и др.

Проводимый сравнительный анализ качества выполнения олимпиадных заданий регионального этапа олимпиады по родным языкам (хантыйский, мансийский) и литературе коренных малочисленных народов Севера показал, что в 2018-2019 уч. году общий средний балл среди участников составил 40,9%; в 2019-2020 уч. году – 26,3%, в 2020-2021 уч. году общий процент качества выполнения олимпиадных заданий (средний показатель по всем предметам от 50% и более) составил 22,2% (4 чел. из 18 чел.). Это намного ниже показателей выполнения заданий предыдущих лет.

Нижеследующие данные свидетельствуют о снижении качества выполнения заданий по уровням набранных баллов в сравнении с 2019 годом:

– доля участников, набравших менее 50% от максимально возможного количества баллов (100 б.), увеличилась на 21,8%, доля участников, набравших более 50% баллов, снизилась на 18,7% (22,2%);

– доля участников, выполнивших 75% и более заданий, снизилась на 4,5% и оказался равен 0(0%), при этом участников, набравших менее 25% баллов, стало больше на 3,1%.

По мансийскому языку и литературе общая численность участников регионального этапа олимпиады за 3 года составило 24 человека, в том числе по классам: 9 класс – 10 чел.; 10 класс – 8 чел.; 11 класс – 6 чел.

В 2021 году участниками олимпиады по мансийскому языку стали 5 человек (небольшая численность участников объясняется тем, что носителей мансийского языка в автономном округе проживает меньше, чем носителей хантыйского языка).

Средний балл и процент выполнения заданий по мансийскому языку составил в 9 классе 51 или 51% от 100 максимально возможных баллов, в 10 классе – 26 б. (26%), в 11 классе – 48 б. (48%). Качеством выполнения заданий считается показатель от 50% и более. В разрезе возрастных групп по мансийскому языку выявлено, что в 9 классе 2 участника

набрали от 50% и более (40% от общего числа участников олимпиады по 9-м классам), в 10 классе данный показатель составил 0 чел. (0%), в 11 классе – более 50 баллов набрал 1 человек (20% от общей численности участников 5 человек).

Максимально возможное количество баллов (от 75% и более) никто из участников не набрал.

Наибольшее количество баллов (%) по предмету: в 9 классе составило 63 (63% из 100 максимально возможных), в 10 классе – 33,5 (33,5%), в 11 классе – 58 (58%).

Наименьшее количество баллов (%) по предмету: в 9 классе – 34 (34% из 100 максимально возможных), 10 классе – 26 (26%), 11 классе – 48 (48%). Все участники справились с олимпиадными заданиями.

По хантыйскому языку и литературе общая численность участников олимпиады за 3 года составила 35 человек, в том числе по классам: 9 класс – 17 человек; 10 класс – 12 человек; 11 класс – 6 человек.

В 2021 году в олимпиаде по хантыйскому языку приняло участие 13 человек.

Средний общий балл и процент выполнения заданий по классам составил:

9 класс – 36,5 (36,5% из 100 максимально возможных баллов), 10 класс – 42,3 (42,3%), 11 класс – 43,5 (43,5%).

Ни один участник олимпиады по хантыйскому языку не показал высокий процент выполнения заданий (более 75%).

Самый высокий балл по хантыйскому языку набрал один ученик 10 класса – 62,5 (62,5%) из 100 максимально возможных. В 9 классе данный показатель составил 48 баллов (48%), в 11 классе – 56 баллов (56%).

По хантыйскому языку низкий балл (%) по предмету в 9 класс составил 20 (20% из 100 максимально возможных баллов), в 10 классе – 25 (25%), в 11 классе – 31 (31%).

Статистические данные о качестве выполнения заданий показывают отрицательную динамику выполнения участниками олимпиадных заданий как по хантыйскому, так и мансийскому языкам. Отрицательную динамику качества выполнения олимпиадных заданий жюри объясняет высокой сложностью самих заданий, слабой подготовкой участников педагогами-наставниками и др.

Анализ олимпиадных заданий. При составлении олимпиадных заданий разработчиками учитываются основополагающие принципы методики преподавания языка и литературы – связь теории и практики, доступность, последовательность.

По каждому из родных языков участникам олимпиады предлагается 10 заданий, куда включаются темы по фонетике, морфологии, лексике, синтаксису. По хантыйскому языку разрабатываются отдельно задания по диалектам – сургутский, казымский, ваховский и, при наличии заявок, – по шурышкарскому диалекту. Ежегодно разработчики стремятся разнообразить состав заданий по языку, использовать произведения югорских авторов, народного фольклора, чтобы повысить интерес у участников, дать возможность более глубоко изучать родной язык и литературу.

Предлагаем для ознакомления один из вариантов заданий по хантыйскому языку (ваховский диалект) для 11 класса. Задания взяты из Сборника олимпиадных заданий по хантыйскому языку и литературе, составленного сотрудниками БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок». Лингвистический анализ текста.

Пәхэмэ Тәхти ими

(1) Кәт кәнтәх ниңкән вәлләхән, вәлләхән. (2) Эй ниңэ төхтәл йәмә тәялы, эй ниңэ төхтәл әтмә тәялы. (3) Пани том ниҳәл төхта тю кол әтвәл.

(4) – Мә типа ньәхи чөхсәң вәрләм. (5) Ниңэ чәкә мәнт әтмә тәявәл.

(6) Том ни төхәт ос лоха тю кол әтвәл.

(7) Мә ниҳәм ол пәни әңәх ал ньөхалты. (8) Ниңэ мәнт мунка еләв отәкәв, литотә кәв мәйхиләвәл.

(9) – А-ка, мәтам әнтотлым.

(10) Тюты пәни том ниҳәл тох йумәлнә мәрәм ол пәни әңхәл тот әләвәлт. (11) Әсат эйнам тохәнә нух лихи.

(12) Тютаты ольлә йахнә әнтәли төхәт әтмә кәткәлатә. (13) Төхәнә мәти мәнә тәявәл.

1. Произведите морфемный разбор глагола әләвәлт в десятом (10) предложении.
2. Произведите морфологический разбор имени существительного мә ниҳәм в седьмом (7) предложении.
3. Определите лицо и число лично-притяжательных суффиксов в слове ниҳәл (3 предложение)
4. Во втором (2) предложении выпишите антонимы.
5. Определите падеж имени существительного мохәнә в одиннадцатом (11) предложении.
6. Выпишите из восьмого (8) предложения местоимение, определите его разряд и падеж. н х х
7. Найдите во втором предложении числительное, определите его разряд.
8. Какое сочетание слов является грамматической основой в одном из предложений?
 Төхтәл әтмә тәялы (предложение 2)
 Типа чөхсәң вәрләм (предложение 4)
 Ниңэ әтмә тәявәл (предложение 5)
 Әңәх ал ньөхалты (предложение 7)
9. Найдите в одиннадцатом (11) предложении глагол и определите его спряжение.
10. Определите тип спряжения глагола кәткәлатә в двенадцатом (12) предложении.

Выполняя задания и отвечая на вопросы, участники олимпиады должны продемонстрировать свои знания: по морфемному анализу; морфологическому анализу слова; семантической системы; синтаксической системы языка.

Критерии оценивания входят в состав пакета документов по предмету для жюри. В них прописаны оценочные баллы по каждому вопросу, в зависимости от сложности; сумма баллов составляет оценку за ответ. Итоговой оценкой считается сумма баллов за полученные баллы по родному языку (50 баллов) и по родной литературе (50 баллов). Общая максимальная сумма баллов составляет 100. Ни один участник за все годы проведения олимпиады по родным языкам максимальное количество баллов (100) не набрал.

Подводя итоги, жюри отмечает, что при выполнении определенных видов заданий участники испытывали трудности, не справились или допустили ошибки.

В таблице приводятся наиболее часто встречающиеся вопросы, которые, по мнению жюри, оказались трудными для участников олимпиады в 2019-2021 годы:

Таблица

Вопросы, вызвавшие наибольшие затруднения при выполнении заданий олимпиады школьников по родным языкам

класс	2018-2019 уч. год	2019-2020 уч. год	2020-2021 уч. год
Хантыйский язык			
9 кл.	<ul style="list-style-type: none"> – определение разряда количественных числительных; – определение основ наречий; – ЛСГ группы глаголов; – определение грамматических разрядов частей речи; – с подбором омонимов и составление предложений; – в определении суффиксов числа имен существительных; – в составлении связного текста; – выполнение развернутого анализа поэтического текста 	<ul style="list-style-type: none"> – в описании категории времени глагола; – в описании имени прилагательных от имени существительных; – в определении слов с лично-притягательными суффиксами; – в составе диалога 	<ul style="list-style-type: none"> – затруднения в определении семантики антонимов, синонимов; – в определении грамматических категорий имен существительных и прилагательных; – в определении спряжения глагола; – в постановке глагола в нужном спряжении; – в выполнении синтаксического разбора предложения; – в понимании смысла текста и его переводе на другой язык
10 кл.	<ul style="list-style-type: none"> – постановка послелога в нужной лично-числовой и падежной форме; – перевод фразеологических сочетаний; определение семантических групп фразеологических сочетаний; – составление связного текста на родном языке; – выполнение развернутого анализа поэтического текста 	<ul style="list-style-type: none"> – в выборе послеслога; – в определении спряжения глагола; – в постановлении глагола в нужном спряжении; – в определении семантики фразеологизма 	<ul style="list-style-type: none"> – затруднения в определении семантики антонимов, синонимов; – в определении грамматических категорий имен существительных и прилагательных; – в определении спряжения глагола; – в постановке глагола в нужном спряжении; – в выполнении синтаксического разбора предложения; – в понимании смысла текста и его переводе на другой язык

класс	2018-2019 уч. год	2019-2020 уч. год	2020-2021 уч. год
11 кл.	– определение признаков текста; – определение типа речи; – в определении количества звуков и букв; – в определении временных и лично-числовых суффиксов глагола; – суффикса деепричастия; – определение морфологических признаков местоимений и разрядов местоимений; – выполнение творческого задания	– в определении признаков текста; – в выполнении фонетического разбора; – в выполнении синтаксического разбора предложения; – в пояснении знаков препинания; – в выполнении творческого задания	– затруднения в лингвистическом анализе текста; – в понимании смысла текста и его переводе на другой язык; – в синтаксическом анализе предложений; – в составлении связного текста
Мансийский язык			
9 кл.	не выявлено	– формы передачи категории времени глагола; – творческое задание.	не выявлено
10 кл.	– вставка послелогов в предложении в нужной форме; – угорская группа языков	– определение грамматических категорий слов	– устойчивые сочетания слов (фразеологизмы); – перевод текста на русский язык; – ответы на вопросы
11 кл.	– фонетический разбор слов. – творческое задание	– морфемный разбор; – творческое задание	– творческое задание

Данные таблицы по затруднениям можно сгруппировать по следующим типам: в объяснении фразеологизмов; в анализе синтаксического порядка предложения; в определении частей речи; фонетический анализ слова; морфемный и морфологический разборы.

На протяжении трех лет участники олимпиады испытывали трудности при выполнении творческого задания как по хантыйскому, так и мансийскому языкам. Ранее к творческому заданию прилагался алгоритм выполнения. Члены жюри считают, что это и вызывает затруднения при выполнении творческого задания у участников.

Подводя итоги по олимпиаде, жюри рекомендует:

Региональной предметно-методической комиссии:

- при составлении заданий для олимпиады учитывать форму проведения олимпиады – очная, с использованием дистанционных технологий;
- увеличить количество творческих заданий, в том числе по грамматике и синтаксису;
- для выполнения аналитического задания предоставлять примерный алгоритм его выполнения.
- предусмотреть организацию и проведение практического тура олимпиады (выполнение заданий, предусматривающих устную речь), с использованием дистанционных технологий в режиме вебинара.

Педагогам-наставникам:

- использовать в своей практике при подготовке к олимпиаде индивидуальную работу с одаренными детьми;
- улучшить качество работы по устранению пробелов в знаниях обучающихся, выявленных по итогам олимпиады;
- развивать связную речь учащихся на родном языке (хантыйском, мансийском).

Организаторам олимпиады:

- систематически проводить разбор итогов регионального этапа олимпиады по хантыйскому и мансийскому языкам и родной литературе на заседаниях методического объединения учителей родного языка.
- продолжить совместную работу педагогов-наставников и жюри в методических семинарах (вебинарах) по обмену опытом работы с талантливыми детьми из числа КМНС.

Выявление проблем при проведении олимпиады является важным механизмом оптимизации в ее организации, проведении и подведении итогов.

Ежегодное проведение региональной олимпиады школьников по родным языкам и литературе малочисленных народов Севера свидетельствует о том, что цель по выявлению наиболее одаренных, талантливых детей, стремящихся к дальнейшему развитию своих способностей, саморазвитию – достигается.

В Югре утверждена система поощрения победителей и призеров Олимпиады на региональном уровне. Победители получают денежное вознаграждение (5000 рублей), призер (2 место) – 4000 и призер (3 место) – 3000 рублей соответственно. Также участники, набравшие наибольшее количество баллов, следующие в рейтинговой таблице за призерами, решением оргкомитета награждаются благодарственными письмами организатора. Все участники получают сертификаты об участии. Олимпиада имеет информационную поддержку. Вся информация о проведении олимпиады и ее результатах размещается на сайте образовательной организации, органов управления образованием в муниципалитете, организатора, а также освещается в средствах массовой информации.

Таким образом, участие в региональной олимпиаде дает возможность школьникам из числа коренных малочисленных народов Севера получать новые знания, стимулирует к дальнейшему личностному и интеллектуальному развитию, получению опыта участия в подобных состязаниях и в будущем – приобретении профессии.

ИСТОЧНИКИ

Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 01.07.2013 №68-оз «Об образовании в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». <https://clck.ru/hDuuW>

Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 04.12.2001 №89-оз «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». <https://clck.ru/hDvud>

Итоговые протоколы об утверждении результатов регионального этапа олимпиады школьников Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов Севера. <https://clck.ru/hDwRF>

Итоговый протокол по мансийскому языку и литературе за 2019-2020 гг., Итоговый протокол по хантыйскому языку и литературе за 2019-2020 гг. <https://clck.ru/hDwrZ>

Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 05.10.2018 №338-п «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Развитие образования». <https://clck.ru/hDxMc>

Приказ Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 01.06.2015 №3-нп «Об утверждении Порядка проведения олимпиады школьников Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов Севера». <https://clck.ru/hDxnN>

Приказ Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 01.03.2019 №267 «О ведомственном проектноном офисе в сфере образования в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре». <https://clck.ru/hDyBC>

ЛИТЕРАТУРА

Герасимова С. А. Олимпиада школьников ХМАО-Югры по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов Севера: опыт Югры // XVIII Международной науч.-практ. конф., посвященной. 2018. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, С. 228-233.

Герасимова С. А., Динисламова С. С., Кумаева М. В. Сборник олимпиадных заданий по мансийскому языку и литературе. Ч. 1: Мансийский язык. Ч. 2: Мансийская литература. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2016. 120 с.

Герляк Н. А., Лельхова Ф. М., Филатова Л. В. Сборник олимпиадных заданий по ненецкому языку и литературе. Ч. 1: Ненецкий язык (лесной диалект). Ч. 2: Ненецкая литература. Тюмень: Формат, 2017. 106 с.

Динисламова С.С., Косинцева Е.В. Сборник олимпиадных заданий по ненецкому языку и литературе. Часть 1: Ненецкий язык. Часть 2: Ненецкая литература. Тюмень: Формат, 2016. 36 с.

Косинцева Е. В., Сопочина А. С. Сборник олимпиадных заданий по хантыйскому языку и литературе. Ч. 1: Хантыйский язык (сургутский диалект). Ч. 2: Хантыйская литература. – Тюмень: Формат, 2016. 118 с.

Косинцева Е.В., Лельхова Ф.М., СОЛОВАР В.Н., ШИЯНОВА А.А. Сборник олимпиадных заданий по хантыйскому языку и литературе. Ч. 1: Хантыйский язык (казымский диалект). Ч. 2. Хантыйская литература. Тюмень: Формат, 2016. 112 с.

REFERENCES

Gerasimova S. A. Olimpiada shkol'nikov KhMAO-Yugry po rodnym yazykam i literature korennykh malochislennykh narodov Severa: opyt Yugry // XVIII Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi. 2018. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, S. 228-233.

Gerasimova S. A., Dinislamova S. S., Kumaeva M. V. Sbornik olimpiadnykh zadaniy po mansiiskomu yazyku i literature. Ch. 1: Mansiiskii yazyk. Ch. 2: Mansiiskaya literatura. Khanty-Mansiisk: Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk, 2016. 120 s.

Gerlyak N. A., Lel'khova F. M., Filatova L. V. Sbornik olimpiadnykh zadaniy po nenetskomu yazyku i literature. Ch. 1: Nenetskii yazyk (lesnoi dialekt). Ch. 2: Nenetskaya literatura. Tyumen': Format, 2017. 106 s.

Dinislamova S.S., Kosintseva E.V. Sbornik olimpiadnykh zadaniy po nenetskomu yazyku i literature. Chast' 1: Nenetskii yazyk. Chast' 2: Nenetskaya literatura. Tyumen': Format, 2016. 36 s.

Kosintseva E. V., Sepochina A. S. Sbornik olimpiadnykh zadaniy po khantyiskomu yazyku i literature. Ch. 1: Khantyiskii yazyk (surgutskii dialekt). Ch. 2: Khantyiskaya literatura. –Tyumen': Format, 2016. 118 s.

Kosintseva E.V., Lel'khova F.M., SOLOVAR V.N., ShIYaNOVA A.A. Sbornik olimpiadnykh zadaniy po khantyiskomu yazyku i literature. Ch. 1: Khantyiskii yazyk (kazymskii dialekt). Ch. 2. Khantyiskaya literatura. Tyumen': Format, 2016. 112 s.

© *Иванова Т.А., 2022*

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/04>

Култышева О.М.

**ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В. МАЯКОВСКОГО:
«ДВОЙНИЧЕСТВО», «МНОГОЛИКОСТЬ» ИЛИ «ИГРА»?**

Аннотация. Разные литературные критики в разные времена указывали на один и тот же факт – многосторонность проявлений лирического героя В. Маяковского, открыто заявленную в его поэзии. Одиночество, неразделенная любовь, автобиографичность, личностная конкретность лирического героя, противопоставление «толпе» чуждых ему людей и тут же – сосредоточенность на судьбе народа России, боль за судьбу миллионов и желание слить свое «я» с многомиллионным «мы» ... На «разносторонность» поэта как на реальную черту Маяковского в русском литературном процессе указывали и постоянный оппонент Маяковского П. Пильский, и эмигрант Р. Якобсон, и советский критик В. Альфонсов, считавший характерным для поэта многократно и настойчиво повторяемый «двойной» образ-формулу его лирического героя. Все трое, говоря о многообразии творческих проявлений Маяковского, в то же время имели в виду разные причины подобного разнообразия. Р. Якобсон почитал его природой свойственную Маяковскому-поэту и Маяковскому-человеку многоликость (по другой терминологии – многообразность), Пильский возводил его не к личностной (качественной) особенности Маяковского, а к стремлению его к игре, театральности, смене, по разным терминологиям, поз, ролей, масок; к демонстративности созданного им образа. «Двойная» же формула лирического героя Маяковского, выдвинутая В. Альфонсовым, подобно защищаемой Якобсоном концепции многоликости, выводила разносторонность поэтического образа Маяковского из особенностей его личности, полагая ее, однако, не многоликой, а всего лишь двойственной. В статье рассматривается каждая из трех концепций в отношении лирического героя Маяковского (двойничество, многоликость, игра), приводятся аргументы «за» и «против» в отношении каждой теории.

Ключевые слова: Маяковский; литературная критика; лирический герой; двойничество; многоликость; игра.

Сведения об авторе: Култышева Ольга Михайловна, ORCID: 0000-0002-3916-9896, д-р филол. наук, профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода, Нижневартковский государственный университет, Россия, г. Нижневартовск, kultisheva@inbox.ru

Kultysheva O.M.

**LYRICAL HERO OF V. MAYAKOVSKY:
“DOUBLE”, “MANY-FACE” OR “GAME”?**

Abstract. Different literary critics at different times pointed to the same fact - the versatility of the manifestations of the lyrical hero V. Mayakovsky, openly declared in his poetry. Loneliness, unrequited love, autobiography, personal specificity of the lyrical hero, opposition to the “crowd” of people alien to him and then - focus on the fate of the people of Russia, pain for the fate of millions and the desire to merge his “I” with the multi-million “we” ... The “versatility” of the poet as a real feature of Mayakovsky in the Russian literary process was pointed out by P. Pilsky, the constant opponent of Mayakovsky, and the emigrant R. Jakobson, and the Soviet critic V. Alfonsov, who considered the repeatedly and persistently repeated “double” image-formula to be characteristic of the poet his lyrical hero. All three, speaking of the diversity of Mayakovsky's creative manifestations, at the same time had in mind different reasons for such diversity. R. Jakobson revered his nature for the many-sidedness inherent in Mayakovsky the poet and Mayakovsky the man (in other terminology - diversity), Pilsky erected him not to the personal (qualitative) features of Mayakovsky, but to his desire for play, theatricality, change, on different terminologies, poses, roles, masks; to the demonstrativeness of the image he created. The “double” formula of Mayakovsky's lyrical hero, put forward by V. Alfonsov, like the concept of many-sidedness defended by Jacobson, deduced the versatility of Mayakovsky's poetic image from the features of his personality, believing it, however, not many-sided, but only dual. The article discusses each of the three concepts in relation to Mayakovsky's lyrical hero (doubling, diversity, play), and provides arguments for and against each theory.

Keywords: Mayakovsky; literary criticism; lyrical hero; duplicity; diversity; a game.

About the author: Kultysheva Olga Mikhailovna, ORCID: 0000-0002-3916-9896, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Linguistics and Translation, Nizhnevartovsk State University, Russia, Nizhnevartovsk, kultisheva@inbox.ru

Култышева О.М. Лирический герой В. Маяковского: «двойничество», «многоликость» или «игра»? // Нижевартовский филологический вестник. 2022. №1. С. 43-60. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/04>

Kultysheva, O.M. (2022). Lyrical Hero of V. Mayakovsky: “Double”, “Many-Face” or “Game”? *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 43-60. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/04>

В. Маяковский как поэт и как человек всегда воспринимался неоднозначно. В частности, «в восприятии «комического «я» Маяковского литературными современниками не было единодушия. Разброс мнений велик: от полного неприятия его «рыночного» юмора и

даже отказа Маяковскому в чувстве юмора до одобрения социальной окрашенности смеха и оправдания в связи с этой окраской преобладания иронии и сатиры в произведениях поэта» (Култышева 2018: 43).

На «разносторонность» поэта как на реальную черту Маяковского в русском литературном процессе указывали и постоянный оппонент Маяковского П. Пильский («В своем стремлении вечно позировать это актер-блужник... Несколько раз менял он свои роли» (Пильский 1927: 3)), и эмигрант Р. Якобсон («Я поэта не исчерпано ... эмпирической реальностью. Маяковский проходит в одной из своих «бесчисленных душ» – о поэме «150.000.000» (1919-1920) (Якобсон 1975: 11)), и советский критик В. Альфонсов, считавший характерным для поэта многократно и настойчиво повторяемый «двойной» образ-формулу его лирического героя (Альфонсов 1984: 59):

1) «Знаете что, скрипка?

Мы ужасно похожи:

я вот тоже

ору –

а доказать ничего не умею!»

«Скрипка и...» (1914) (Маяковский 1955 Т. I: 69)

2) Я – равный кандидат

и на *царя* вселенной

и на

кандалы.

«Флейта-позвоночник» (1915) (Маяковский 1955 Т. I: 204)

3) Какими Голиафами я зачат, –

такой *большой*

и такой *ненужный*?

«Себе, любимому...» (1916) (Маяковский 1955 Т. I: 127)

Перечень примеров можно продолжать до бесконечности, но факт остается фактом: все трое, говоря о многообразии творческих проявлений Маяковского, в то же время имели в виду разные *причины* подобного разнообразия. Р. Якобсон почитал его природой свойственную Маяковскому-поэту и Маяковскому-человеку *многоликость* (по другой терминологии – *многообразность*), Пильский возводил его не к личностной (качественной) особенности Маяковского, а к стремлению его к *игре*, театральности, смене, по разным терминологиям, *поз, ролей, масок*; к *демонстративности* созданного им образа. «Двойная» же формула лирического героя Маяковского, выдвинутая В. Альфонсовым, подобно защищаемой Якобсоном концепции многоликости, выводила разносторонность поэтического образа Маяковского из особенностей его личности, полагая ее, однако, не многоликой, а всего лишь двойственной.

Каждая из трех концепций в отношении лирического героя Маяковского (двойничество, многоликость, игра) имела своих сторонников (их мнения составляют целые

блоки в защиту той или иной теории) и противников, отрицавших не только какую-либо одну из них, но даже сам факт разносторонности поэта. Рассмотрим все «за» и «против» в отношении каждой теории.

Концепция «двойничества» (раздвоенности, двойственности, двоякости, двусмысленности) лирического героя Маяковского в своей основе имеет разветвление еще на *три группы* мнений. Каждая из этих групп, в целом поддерживая убеждение в двойственности образа поэта, вырастающей из состоящих в оппозиции друг к другу двух антиномий в личности поэта, сами эти антиномии характеризовали по-разному. Чаще всего встречались точки зрения, усматривавшие эту оппозицию в двух противоположных качествах характера самого поэта – условно назовем их «грубость (жесткость, властность)» и «мягкость (нежность, застенчивость)». Вследствие их постоянной взаимозаменяемости в реальном человеке – самом поэте - Маяковскому удается совмещать в своем лирическом герое несовместимое: силу и бессилие, пафос и трагизм, взлет и падение. Альфонсов считал, что сочетание крайних черт, составляющих сущность характера героя Маяковского, проявляется даже на уровне «композиции его вещей – как заявка и финал» (Альфонсов 1984: 59).

Эти две взаимоположенные черты лирического героя иногда определялись как неравнозначное соотношение в пользу той или другой. Так, уже упоминавшийся П. Пильский считал основной чертой героя Маяковского озлобление против мира, выражающееся в его жестокости и грубости по отношению к – явному ли, воображаемому ли – адресату его стихов. В своей статье «Самоубийца – самоубийце» (Сегодня. 1930. №112 (23 апреля)) в ответ на появившиеся в печати после смерти поэта «оправдательные» статьи, в которых показывался миру «настоящий» Маяковский – романтически мягкий, застенчиво скрывающий свое действительное лицо под давлением обстоятельств, – Пильский настаивал на природной твердости поэта: «Маяковский был резким. Он и хотел казаться резким» (Пильский 1930: 6). Однако, по мнению критика, резкость эта не переступала в реальности границ жестокости, принимая таковые формы только в виде поэтического приема («Он играл в безжалостность. Прикидывался циником» (там же)).

В противовес точке зрения Пильского, советская критика вступалась за «нежного Маяковского», утверждая это качество основополагающим в его действительном и поэтическом «я». Сочувствием к необходимости постоянно поддерживать созданный Маяковским имидж «волевого и непримиримого борца», «хулигана-крикуна», в то время как реальный Маяковский-человек был легко ранимым и мягким, проникнуты отзывы Л. Кассиля, А. Бромберга, Ю. Либединского, В. Ховина, В. Шершеневича, А. Луначарского. Приведем некоторые из них.

«Он был ... нежным, скромным и застенчивым человеком, – писал в статье «Сплошное сердце» (Известия. Дата не установлена (Кассиль РГАЛИ Ф. 336)) Л. Кассиль. Предвосхищая недоумение большинства читателей, знающих Маяковского только как «агитатора, горлана,

главаря», автор пояснял, что это «в борьбе с обывателями и мещанами от искусства ... Маяковский был резок», а на самом деле он был «сплошное сердце» (там же).

Мысль Кассиля о «разности» Маяковского в зависимости от собеседника (его отношения к поэту, делаемому им искусству) развивал Ю. Либединский. Рассказывая об одном из выступлений Маяковского, выросшем в «дикий скандал», он вспоминает, что поэт, отвечая на реплики каких-то хулиганов, «и сам хулиганил» (Либединский РГАЛИ Ф. 1099: 3). Однако каково же было его удивление, когда, придя домой к Маяковскому, он застал в поэте поразительную перемену: «страшную его мягкость, ... даже некоторую застенчивость» (там же). Завершает картину замечание А. Бромберга: «Нельзя себе представить улыбку нежнее и мягче, чем та, что ... на губах поэта» (Бромберг РГАЛИ Ф. 336: 4).

Итак, два разных мнения: 1) Маяковский груб и 2) Маяковский нежен. Какое из них вернее? Думается, что ответом может служить точка зрения В. Шершеневича, высказанная им в своих поэтических воспоминаниях 1910-1925-х годов «Великолепный очевидец» (1932). Шершеневич считал, что Маяковский как никто подходит под известную формулу Анатоля Франса: «Развязные люди всегда застенчивы». В его воспоминаниях поэт предстает «неутомимым тружеником с очень часто смущавшейся душой» (Шершеневич РГАЛИ. Ф. 2145: 107). Откуда же взялся имидж грубияна, часто воспринимаемый как действительное лицо поэта? Оказывается, «Маяковский блестяще использовал свои внешние данные.., чтоб создать легенду о сильном волевом человеке. Он сам нарисовал себе портрет, каким он, Маяковский, должен казаться миру» (там же). Усугубили ситуацию и критики, которые так усердно муссировали в прессе образ «горлана-главаря» и «твердокаменного бойца», что после этого сменить свое амплу Маяковскому было уже почти невозможно.

В рамках концепции двойственности Маяковского и его лирического героя, помимо мнений, усматривающих в ее основе оппозицию «грубость – мягкость», существовал ряд точек зрения, выводивших раздвоенность образа поэта из противоречий между «Маяковским-поэтом» и «Маяковским-человеком». Мнения эти отказывались искать причину двоякости в личностных качествах поэта и находили ее в принимаемой им установке на социальную значимость собственного поэтического дара. Ю. Анненков находил слишком глубокой пропасть между двумя сущностями Маяковского – поэтом и человеком, ощущавшуюся настолько явно, что даже рядовой слушатель мог уловить искусственность первой. «Маяковский-поэт шел рядом с Маяковским-человеком, – писал Анненков, – они шли бок-о-бок, почти не соприкасаясь друг с другом. ... Это ощущение становилось порой настолько реальным, что, разговаривая с Маяковским, я не раз искал глазами второго собеседника» («Путь Маяковского» (1960) (Анненков 1960: 78)).

Также находя источник раздвоения сознания Маяковского в социальной установке, Ал. Михайлов, однако, не подразумевал разницы между человеческой сущностью и творческим амплуа поэта. Критик считал основой двойственности два направления, на которые разделилась уже *после Октября* поэзия Маяковского: «Разрушительная энергия революционера, футуриста ... находила выход в сатире; энтузиазм строителя новой жизни

воплощался в декларациях и лозунгах, в прославлении коммунистических идеалов» («Восстание против «отдохновенной пантомимы» (Перечитывая «Баню»))» (Михайлов 1993: 5)).

Думается, что во всех трех точках зрения на суть оппозиции, заключенной в основу двойственности поэтического образа Маяковского, есть своя правда. Но какова бы ни была природа этого противоречия, по словам В. Альфонсова, подобные крайности в характере лирического героя не предполагают взаимоисключаемости, поскольку принимаемые «мягким «я»» Маяковского «черты титанического и эпатирующего самоутверждения» (как-то: «он уникален, непримирим, беспрекословен, агрессивен»), по сути, и являют собой «все то же русское стремление достучаться до всех, ...преодолеть расщепление, достичь абсолютного всемирного единства, коллективного преображения» (Альфонсов 1984: 113). И если для этой цели необходимо подавить в себе от природы «симпатичные» (термин Луначарского (Луначарский 1988: 140)) черты и стать грубым и «отвязным» – что ж, Маяковский идет на такую жертву.

Но жертва эта предполагала риск «внутреннего излома» поэта, надрыва его вследствие непосильно тяжелой ноши, принятой им, – говорить «за всех», а значит, быть ответственным за всех. М. Горький, вспоминая в письме своему биографу И. А. Груздеву о встрече с Маяковским в Мустамяках в феврале 1915 года, как позднее В. Альфонсов, указывал на двойственность Маяковского. По его словам, поэт «жаловался на то, что человек делится горизонтально по диафрагме» и вообще вел себя «очень нервозно», чем вызвал ощущение, что «он говорит как-то в два голоса, то – как чистейший лирик, то – резко сатирически. Чувствовалось, что он не знает себя и чего-то боится» (Переписка... 1966: 227)). Горький писал, что его «не поразило самоубийство В. В. Маяковского. Это – не потому, что я считал его фигурой трагической, а потому что с первой встречи он вызвал у меня... впечатление: человек надломленный» (Переписка... 1966: 224).

Понятие о *жертвенной природе* сознательного раздвоения Маяковского – чуткого человека, тонкого лирика – на грубияна-воротилу, едкого сатирика, прочно входит в размышления критиков. Так, В. Шершеневич, указывая на факт добровольного раздвоения поэта, утверждал, что решение это явилось непосильным для него. «Маяковскому особенно трудно быть *плакатистом*, потому что по своей сути он *график*. Эмоция в нем была всегда сильнее разума», - писал Шершеневич («Великолепный очевидец» (Шершеневич РГАЛИ. Ф. 2145: 107)). Мало того, что критик в официальном издании «Великолепного очевидца» (1932) указывал на трудность для Маяковского той социальной роли, которую он принимал на себя; неизмеримо большего внимания, думается, заслуживает тот факт, что в рукописи «Очевидца», хранящейся в РГАЛИ в фонде Шершеневича (№2145, опись 1, ед. хр. 73), есть указание на более серьезные последствия творческого раздвоения поэта, впоследствии аккуратно вычеркнутые при подготовке к изданию. Вот оно: «Маяковский стыдился Маяковского, и, может быть, этот конфликт между двумя Маяковскими и был зерном, из

которого вырос стальной стебель револьвера с ... цветком пули?!» (Шершеневич РГАЛИ. Ф. 2145: 110).

Трагизм ситуации жертвования собой ради «других» заключался в том, что в процессе достижения поставленной цели Маяковскому приходилось бороться с самим собой, подчас расправляясь с личным *слишком жестоко*. Р. Якобсон в статье «О поколении, растратившем своих поэтов» (1930) писал, анализируя постоянную в произведениях поэта тяжбу лирического героя с «Повелителем Всего», «Великим Пошляком», обозначенным Якобсоном как «вселенский враг», так: «Если ... перевести мифологию Маяковского на язык спекулятивной философии, точным соответствием этой вражды (Маяковский – вселенский враг. – О. К.) была бы антиномия «я» и «не-я». Более адекватного имени врага не найти» (Якобсон 1975: 13-14). Если же соотнести эту точку зрения с концепцией Бахтина, в которой категории «не-я» соответствует понятие «другой», к слиянию с которым стремится «я» автора в процессе достижения цели сделать свое существование *эстетически значимым* для других (Бахтин 1979: 54), то этим самым «вселенским врагом» «Не-я» оказывается для себя сам поэт.

Р. Якобсону вторил А. В. Луначарский, считавший подлинным несчастьем для Маяковского то обстоятельство, что у него был *двойник* (термин «двойник, двойничество» в отношении Маяковского принадлежит в такой именно формулировке Луначарскому), поскольку «это был *симпатичный* двойник, и симпатичность его пугала Маяковского больше всего, потому что если бы у вас ... оказался антипатичный двойник, то от него можно было бы отмахнуться... Симпатичность двойника доказывает, что он – *настоящий*, что он вобрал в себя некоторые ваши же собственные черты, - вы гоните их из своего сознания...» (Луначарский 1988: 140). *Симпатичный двойник* в случае Маяковского – это, думается, сам, естественный Маяковский, которого он пытался преодолеть в себе в процессе воплощения в жизнь программы переустройства мира, первым кирпичиком в основание которой и явилась жертва «я» в пользу «мы», отказ от себя настоящего, попытка «наступить на горло собственной песне». Трагизм подобного противоборствующего «двойничества» Маяковского усиливался тем фактом, что «симпатичный двойник» Маяковского, которого он не хотел впустить в *новую жизнь*, состоящий из всего, что в Маяковском оставалось «мещанского» (жажды нежности и любви, участия, жалости к окружающим, желания «мягкого и нежного»), именно потому, что поэт сознательно изгонял его из своей личности, «сгущался рядом в другую, призрачную личность, которая на самом деле не ходит за плечами, а живет в вас самих в виде подсознательной, полусознательной, дополнительной личности» (там же). Маяковский, измученный тщетной борьбой с этой ставшей вполне самостоятельной половиной своей личности, даже внешне производил впечатление человека «надломленного» и говорящего «в два голоса» (см., например, высказывание Горького (Переписка... 1996: 227). Луначарский считал, что две личности, поселившиеся в Маяковском, не являются каким-то из ряда вон выходящим явлением, но означают его

«изумительную характерность для нашего переходного времени» (кризис периода первой мировой войны) (Луначарский 1988: 143).

Помимо представления о двойственности поэтического образа Маяковского как о социальной жертве существовали другие точки зрения по данному вопросу, разной степени убедительности. Так, Н. Гумилев в своей статье «Читатель» (1923) выводил причину частого говорения поэтов «в два голоса» из идейного одиночества, недостатка «слушателей», внимающих поэту и, самое главное, понимающих его. «Выражая себя в слове, поэт всегда обращается к кому-то, - размышлял Гумилев. – Часто этот слушатель – он сам, и здесь мы встречаемся с естественным раздвоением личности» (Гумилев 1990: 61). Но причина эта вполне годится для объяснения двойственности героя раннего Маяковского, когда налицо было противостояние его враждебно настроенной толпе.

Более убедительной по отношению к творчеству Маяковского кажется концепция двойничества, разработанная М.М. Бахтиным в книге «Эстетика словесного творчества» (раздел «Пространственная форма героя»). Основываясь на монистичности идеи человека как такового, Бахтин пришел к выводу, что человек ради воплощения данной идеи в жизнь всегда стремится преодолеть дуализм «я» и любого «другого», встречаемого личностью в окружающем пространстве в процессе жизнедеятельности. Бахтин считал, что «действительное, конкретное ценностное переживание человека в замкнутом целом... жизни носит *двоякий характер*, я и другие движемся в разных планах, ...и чтобы перевести нас в одну... плоскость, я должен стать ценностно вне своей жизни... Только в так воспринятой жизни, в категории другого мое тело может стать *эстетически значимым*, но не в контексте моей жизни для меня самого...» (Бахтин 1979: 54). Думается, Маяковский, стремившийся предстать перед читателем в разных амплуа, руководствовался желанием таким образом реализовать свою поэтическую программу - слиться с общественным «мы», выразить массу, *сказать ее* и сделать вследствие этого свою жизнь и поэтический дар значимыми для страны.

Приведенным позитивным мнениям в отношении раздвоенности Маяковского противоречат точки зрения, высказанные идейными оппонентами поэта – критиками-эмигрантами. Анализ ряда высказываний позволяет предположить, что основной причиной, которую усматривали эмигранты в «двойственности» Маяковского, было его *корыстолюбие*. Так, критик Я. Горбов, рецензируя книгу С. Космана «Маяковский. Миф и действительность», находил в ней яркую иллюстрацию своим размышлениям о корыстном «хамелеонстве» советского поэта. С. Косман писал, что социальная окраска стихов послеоктябрьского периода была обусловлена стремлением «маскировать неуверенность в себе», возникшую якобы из-за страха, что его «скандальная, дутая слава ... должна лопнуть, как мыльный пузырь» (Цит. по: Горбов 1969: 146).

Созвучно выводу эмигрантов о развенчивающей миф о социальной жертве Маяковского корыстной подоплеке мнение критика-эгофутуриста В. Ховина, считавшего, что за второй своей сущностью поэту легко было спрятать истинное лицо, и таким образом обмануть всех, не дать проникнуть в недра своей души. «Не быть самим собой, – писал

Ховин, – вот императив театральности Маяковского» (ст. «Великолепные неожиданности» // Очарованный странник. Альманах зимний. 1915» (Ховин РГАЛИ Ф. 2577). Однако высказывание Ховина относится к раннему творчеству Маяковского, когда не могло быть и речи о «корыстной подоплеке» его «раздвоения».

Позднее Ю. Карабчиевский в своей напумевшей книге «Воскресение Маяковского» (1990) развил мысль Ховина о театральности поэта следующим образом. Иронически называя двойкость Маяковского «двусмысленностью», Карабчиевский указывает на тот, по его мнению, очевидный факт, что Маяковский не был искренен в своей двойственности, но «достаточно рано научился ее использовать» (Карабчиевский 1990: 55). Уже в ранней статье «О разных Маяковских», пишет Карабчиевский, Маяковский предварял публикацию поэмы «Облако в штанах» заявлением, что «это другой Маяковский, не тот, что известен публике, а если она подумает, что такое-то место в поэме означает то-то и то-то, так нет, оно означает вот что...» (там же). Карабчиевский считает, что расплывчатость облика работала на пользу Маяковскому, – так он мог остаться безответствен за свои слова: «Если все, что он говорит, – как бы не всерьез, не вполне так и может означать иное или ... ничего не означать, – то выходит не так уж и страшно» (там же).

Учтя – в целях объективности – мнения, негативно трактующие двойственность Маяковского, можно признать более близкими к истине точки зрения о ее жертвенной природе и гражданском начале.

Помимо мнений о «двойничестве» (двойственности, двойкости) Маяковского существует блок мнений, принципиально избегавших называть ситуацию с лирическим героем поэта двойственной и предпочитавших термин В. Перцова «многоликость» термину А. Луначарского «двойничество». Перцов выдвигал новое понятие – «многоликость» – и считал, что никаких «двойников» у «я» Маяковского нет. Существует же «многоликий, но единый образ главного героя. Многоликий, потому что таков прием, помогающий (читателю. – О. К.) эмоционально воспринимать эту борьбу с самим собой» (Перцов 1971: 213).

Различие терминов «двойничество» и «многоликость» Перцов усматривал не только в количестве проявлений автора, а в самом значении этих понятий. Слово «двойник» подразумевает сходство вплоть до тождества, а в случае с лирическим героем Маяковского перед нами прямо противоположное – борьба с собственными недостатками, с «симпатичным» («удобным»), «мещанским» в себе. Потому кажется более оправданным говорить о «многоликом» образе главного героя, то есть о разных проявлениях все же *единого* целого.

Н. Бердяев в своей философии творчества, культуры и искусства, опираясь на теософическое учение о *складном человеке*, делал вывод о естественности «многосоставной» человеческой природы. Современный человек как нельзя лучше подходит под критерии многосоставности, поскольку, как считал Бердяев, в нем, «состоящем из ряда наслоений, из осколков планетарных эволюций» все более «трудно узнать цельного и неповторимого человека-творца – образа и подобия Бога» («Творчество и мистика. Оккультизм и магия»

(Бердяев 1994: 289 – 290)). Философ считал, что «многосоставность» современного человека – явление, очевидное и характерное времени, поэтому ее никто не может отрицать.

По мнению О. Холмеса, явление многоликости человека – не есть проявление влияния кризисного времени, а естественное, необходимое следствие восприятия одного человека другим: «Когда беседуют двое, Хуан и Томас, то в разговоре участвуют 6 человек, а именно: три Хуана: 1) реальный Хуан, известный только его творцу; 2) идеальный Хуан этого реального Хуана, ... часто очень отличный от него; 3) идеальный Хуан Томаса: он никогда не похож на реального Хуана; три Томаса...» (Holmes O. W. Complete Writings. Boston, 1892. Т. 1, р. 52-54) (Цит. по Борев 1989: 12).

Вопрос, может ли *многоликий* (по другой терминологии многообразный) образ автора подразумевать в себе все же *единое* начало, волновал многих критиков, и мнения их охватывали самый широкий диапазон. Так, П. Пильский в статье «Снова заговорили о Маяковском» (Сегодня. 1931. №158 (9 июня)) отказывал поэту в цельности («у Маяковского не было никакой цельности. Внутренне он был противоречив» (Пильский 1931: 8)), а Р. Якобсон, напротив, считал залогом цельности Маяковского «диалектическое развитие одной темы («Поймите ж – / лицо у меня одно – / оно лицо, а не флюгер»)» на протяжении всего – «раннего» и «позднего» – творчества Маяковского (Цит. по: Володин 1977: 278).

Так же, как селекционер, работающий над новым сортом яблок, отсекает все мешающие, паразитирующие на стволе деревца, не приносящие пользы побеги, добиваясь гармонии вкуса и формы, Маяковский, преодолевая внутренние противоречия, стремился к цельности личности своего героя. Особенно очевидно эта борьба со своими проявлениями прослеживается на материале поэмы «Про это» (1923), где у лирического героя Маяковского насчитывается 5 «двойников» (продолжим употребление этого термина наряду с понятиями «лик, проявление» по причине его удобства и принимая во внимание поправку В. Перцова относительно его семантики). Выводя напоказ неприглядные стороны своей души, он хочет, заручась читательской поддержкой, от них избавиться. Состояние лирического героя раскрывается по принципу *зеркальной композиции* (понятие употребляется А. Лурье (Лурье 1972: 23)), когда он оказывается окруженным «двойниками» – персонажами сходного состояния.

Что же это за «двойники»? Во-первых, это *поэт-медведь*, олицетворяющий собой инстинкт ревности, любовного собственника, который отравляет герою жизнь и отбрасывает его к «временам троглодитским». Герою стыдно признаться, что он, борец за новую любовь, отвергает право любимой женщины на свободу чувства:

Красивый вид.

Товарищи!

Взвесьте!

В Париж гастролировать едущий летом,

поэт,

почтенный сотрудник «Известий»,

царапает стул когтем из штиблета.

(Маяковский 1957 Т. IV: 146)

Во-вторых, это *покончивший с собой* парень из Петровского парка, которого поэт принимает за Спасителя:

До чего ж
на меня похож!
Ужас

(Маяковский 1957 Т. IV: 156).

Образ этот олицетворяет проявление душевной слабости, неустойчивости духа героя (ср. с мнением о Маяковском Горького: «...Человек надломленный. ...М<аяковский> скоро доломает себя...» (Переписка... 1966: 227)). Качество это не соответствовало программе Маяковского сделать из себя «провозвестника будущего», а потому носитель его на страницах поэмы гибнет.

Третьим и четвертым «двойниками» лирического героя явился *близнец*, увиденный в «обывательской семейке» у Феклы Двидны, – воплощение ненавидимого Маяковским в себе «мещанского», обывательски-уютного

(Но самое страшное:
по росту,
по коже,
одеждой,
сама походка моя! –
в одном
узнал –
близнецами похожи –
себя самого –
сам
я)

(Маяковский 1957 Т. IV: 161),

и, соответственно, «сам я», идущий в «Пресненских миражах» навстречу поэту «с подарками подмышками» (Маяковский 1957 Т. IV: 159) – образ, созвучный по значению предыдущему.

Наконец, «двойником» героя стал неоднозначный образ «Человека из-за 7-ми лет» (или «Человека с моста»), перекочевавший на страницы «Про это» из поэмы «Человек» (1916-1917). Помимо высоких этических принципов совести, в образе этом сконцентрирован трагизм любовной муки героя. Его бессмертие мучительно. Он несет страдания за всю «обезлюбленную» землю. Этот «двойник» поэта не является подверженным искоренению, являясь скорее связанным с мотивом жертвенности, присущим произведениям Маяковского, и представляя собой идеал для поэта: ту сторону своей личности, которую он хотел оставить без изменений.

Каков итог противостояния лирического героя Маяковского с самим собой? Нельзя утверждать, что оно завершилось победой гармонии над раздробленностью и разбросанностью. Герой настолько «измотан» враждой с самим собой, что у него не хватает духа признать поражение в этой борьбе; признать, что подсознательно он во что бы то ни стало стремится «сохранить, какими бы они ни были, старую любовь, старую семью, личное счастье» (Машбиц-Веров 1963: 304), не укладывающиеся в рамки задуманного «общественно-личного симбиоза». «Человек с моста» бросает герою обвинение:

Ты, может, к ихней примазался касте?

Целуешь?

Ешь?

Отпускаешь брюшко?

Сам

в ихний быт,

в их семейное счастье

намереваешься пролезть петушком?!

(Маяковский 1957 Т. IV: 151)

Это обвинение тяжело для героя, так как в нем – *правда*, которую приходится признать. Борясь, в частности, за новую форму семьи («Исчезни, дом, / родимое место!» (Маяковский 1957 Т. IV: 159)), он чувствует не только облегчение от этого гипотетического исчезновения, но и *опустошенность*:

Будь проклята,

опустошенная легкость! (там же)

Эксперимент по «самопереустройству» привел к печальному финалу. Сами за себя говорят стихи Маяковского, которые, по словам К. Чуковского, казались «раньше всего выражением боли» (Маяковский в воспоминаниях... 1963: 120).

Помимо концепции «многоликости» поэтического образа Маяковского, нашедшей обобщение в трудах В. Перцова, существует ряд мнений, дополняющих личностно-качественное ее прочтение социальным, как в случае с концепцией «двойничества». Так, эмигрантский критик А. Дроздов в своей рецензии на издание «Избранного Маяковского» акционерным обществом «Накануне» в Берлине в 1922 году, использовал принципиально иной термин – «многообразный» Маяковский (Дроздов РГАЛИ Ф. 336). Многообразность поэта, в отличие от многоликости, подразумевает не внутренние противоречия личности Маяковского, но множество разных по социальной направленности образов, в которых выступал Маяковский как «советский поэт»: «Литературного ударника, лирика и сатирика» (там же).

Б. Пастернак в «Охранной грамоте» (1930) указывал на *игру* как на основополагающий момент не только творчества, но и жизни Маяковского. «В отличие от игры в отдельное он разом играл во все, в противность разыгрыванью ролей, – играл жизнью, – писал он. – Это-то и приковывало к нему, и пугало» (Пастернак 1991: 216). Споря с теорией многоликого, но

единого образа поэта, Пастернак говорил, что, согласно правилам театральной игры, Маяковский выбрал себе «позу внешней цельности» (там же: 217), что, хотя и было шагом «для художника труднейшим», все же оставалось только «позой».

В. Шкловский видел причину «игры Маяковского в жизнь и жизнью» также в его особенной приверженности к *театру* («Маяковский стремился к театру» (Шкловский 1966: 295)) и приводил в защиту своего вывода в воспоминаниях «Жили-были» слова Чуковского о Маяковском как о «иллюзионисте, визионере, импрессионисте» (там же: 302). Театральность называли источником мотива игры в творчестве Маяковского В. Ховин (Великолепные неожиданности // Очарованный странник. Альманах зимний. Издательство эго-футуристов, 1915 (Ховин РГАЛИ Ф. 2577: 14-16), В. Шершеневич («Великолепный очевидец», 1932 (Шершеневич РГАЛИ Ф. 2145), Ю. Иваск («была ... игра – Маяковский по натуре актер и азартный игрок. В каждое свое занятие он входил «всем своим раскаленным нутром» (Иваск 1969: 174)).

Сходясь в определении игрового начала многообразности поэтического облика Маяковского, критики часто расходились в его оценке. В. Шершеневич сочувственно называл «тон благерства и напускного грубого нахальства» защитной «маской» для «часто смущавшейся души» поэта (Шершеневич РГАЛИ Ф. 2145: 107), а верный себе П. Пильский нарочито избегал нейтрального понятия «маска» в отношении Маяковского и называл его двойственностью «рисовкой»: «Он был не тем, чем казался и хотел быть» (Пильский 1931: 8). Неприязненно окрестив поэта «актером-блужником», Пильский отмечал невозможность усмотреть за вечно сменяющимися друг друга ролями Маяковского его истинную суть: «Одно время /он/ играл в трагический байронизм. Потом хотел слыть футуристом, ... затем примерял ... костюм Герострата, сжигающего литературные храмы, ... теперь Маяковский стал обличителем, большевистским Савонаролой» (Пильский 1927: 3).

Развивая точку зрения Пильского на «многоролевое я» Маяковского как на признак опасного хамелеонства, Ю. Карабчиевский пошел дальше в обличении театральности жизни и творчества поэта. Он сделал вывод, что Маяковский так заигрался, что перестал быть личностью как таковой! «Маяковский личностью не был. Он не был личностью воспринимающей, он был личностью оформляющей, демонстрирующей, – вслед за Чуковским утверждает автор. И поясняет свою мысль – Суть поэзии – личностное восприятие» (Карабчиевский 1990: 46). За многочисленными масками, считает критик, Маяковский потерял свое лицо (там же: 94), и это не может быть оправдано природной застенчивостью поэта, а является «неправдой от искусства» как «единственным способом существования Маяковского» (там же: 116). Приговор Карабчиевского суров: Маяковский не только не имеет своего «многоролевого я», но теряет вследствие постоянной «игры» и самого себя: «Он до конца остался верен себе. Пусть так, но только себе – не подходит. Нет такого себя, ... не может быть такого живого человека... Верность же маске, а точнее, системе масок» (там же: 169).

Думается, что в неприятии многообразности Маяковского Карабчиевский проиллюстрировал ряд подобных мнений, строящих свои доводы на чисто эмоциональной основе. В противовес таковым точкам зрения можно привести пример научного подхода к установлению значения ролей (поз, масок) Маяковского, какими являются исследования саратовских ученых И.Ю. Иванюшиной и Т.А. Мавлиной. В исследовании «От карнавала к празднику. Об изменении характера праздничности в творчестве В. Маяковского» И. Иванюшина сделала попытку возвести бунтарское начало поэзии Маяковского к эстетике праздника как жизни, оформленной игровым способом: «Игра смыслом, словом, рифмой определяет поэтику Маяковского. Играл он и в театре, и в кино. Играл, создавая свой неповторимый образ» (Иванюшина 1991: 16).

Т. Мавлина в эссе «Номо ludens» в ранней лирике В. Маяковского», в противовес мнению Карабчиевского, делает вывод о том, что, играя, сменяя роли, Маяковский *обретал себя* (Мавлина 1991: 25). Свой вывод исследователь основывает на материалах работы Ю.М. Лотмана «Структура художественного текста» (Лотман 1970). «Искусство игры, – писал Лотман, – заключается ... в овладении навыком двупланового поведения... Создавая человеку условную возможность говорить с собой на разных языках, по-разному кодируя ... собственное Я, искусство помогает человеку решить одну из существеннейших психологических задач – определение своей собственной сущности» (Лотман 1970: 83). Эта точка зрения сопоставима с определением особенностей «я» автора новой поэзии И. Анненского. В статье «Бальмонт-лирик» он писал, что в новой поэзии «мелькает я, которое хотело бы стать целым миром, раствориться, разлиться в нем» (Анненский 1987: 304), и желание это как раз и проистекает из осознания этим я своей единственности в этом мире и вызванного ею одиночества. «Я» это замучено «сознанием своего безысходного одиночества, неизбежного конца и бесцельного существования» (там же), и, примеряя разные маски, оно преодолевает замкнутость единственности, воплощает другие «я» в себе и свое в других. При этом в восприятии читателей интуитивно восстанавливается «истинное неразложимое я» поэта (там же).

Таким образом, можно судить о создании Маяковским в процессе множественных перевоплощений своего многообразного, но все же единого во всей полноте проявлений поэтического «я», но не о потере им своего единственного лица.

Подводя итог, можно сказать, что в основе восприятия личности Маяковского литературными современниками лежит представление о ее неоднозначности. Точки зрения на природу поэтического «я» автора в большинстве своем отражают признание наличия его многообразных поэтических проявлений при едином объединяющем начале – общей идее созидания. Несмотря на различия во мнениях касательно двуплановости, многоплановости лирического «я» поэта или же его игрового начала, а также относительно личностно-качественных либо социальных корней подобного разнообразия, можно проследить общую устойчивую тенденцию к определению социально-жертвенной сути «многоликости» поэта и ее роли в становлении личности самого Маяковского.

ЛИТЕРАТУРА

- Альфонсов В. Нам слово нужно для жизни: В поэтическом мире Маяковского. Л.: Советский писатель, 1984. 248 с.
- Анненков Ю. Путь Маяковского // Возрождение. Париж. 1960. №106. С. 62-91.
- Анненский И.Ф. Бальмонт-лирик // Избранное / Сост., вступ. ст. и комм. И. Подольской; Ил. С. Михайлова. М.: Правда, 1987. С. 294-329.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Бердяев Н. Творчество и мистика. Оккультизм и магия // Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х т. М.: Искусство. Лига, 1994. Т. 1. С. 277-296.
- Борев Ю.Б. Художественный процесс (Проблемы теории и методологии) // Методология анализа литературного процесса. М.: Наука, 1989. С. 4-30.
- В. Маяковский в воспоминаниях современников. Сб. М.: Изд-во Гослитиздата, 1963. 731 с.
- Володин В. Роман Якобсон о Маяковском // Грани. 1977. №104. С. 272-279.
- Горбов Я.Н. Литературные заметки. Сергей Косман – «Маяковский. Миф и действительность» // Возрождение. 1969. №208. С. 142-147.
- Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. 384 с.
- Иванюшина И.Ю. От карнавала к субботнику. Об изменении характера праздничности в творчестве В. Маяковского // «Человек играющий» в творчестве В. В. Маяковского. Эстетика праздника. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. С. 3-24.
- Иваск Ю. Цветаева – Маяковский – Пастернак // Новый журнал. Нью-Йорк. 1969. №95. С. 161-185.
- Карабчиевский Ю.А. Воскресение Маяковского. М.: Советский писатель, 1990. 224 с.
- Култышева О.М. Комическое в творчестве В. Маяковского: восприятие современников // Нижневартровский филологический вестник. 2018. №1. С. 42–47.
- Лотман Ю.М. Семиотические исследования по теории искусства. М., 1970. 384 с.
- Луначарский А.В. Вл. Маяковский-новатор // Статьи о литературе: В 2-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 129-146.
- Мавлина Т.А. «Номо ludens» в ранней лирике В. Маяковского // «Человек играющий» в творчестве В.В. Маяковского. Эстетика праздника. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. С. 25-42.
- Машбиц-Веров И.М. Поэмы Маяковского. Изд-е 2-е, доп. М.: Советский писатель, 1963. 511 с.
- Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. /Подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна и др. М.: Гослитиздат, 1955-1961.
- Михайлов А. Восстание против «отдохновенной пантомимы» (Перечитывая «Баню») // Вопросы литературы. 1993. Вып. III. С. 3-12.
- П. [Пильский]. Самоубийца – самоубийце // Сегодня. Рига. 1930. №112 (23 июня).

Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Б. Пастернак. Собр. соч.: В 5 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 4. С. 149-239.

Переписка А.М. Горького с И. А. Груздевым. Письма №110 «Груздев – Горькому» (Ленинград, 14 апреля 1930 г.), №112 «Горький – Груздеву» (Сорренто, 16 мая 1930), №113 «Горький – Груздеву» (мая 1930) // Архив А. М. Горького. М.: Наука, 1966. С. 224-228.

Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (1918-1924). М.: Наука, 1971. 426 с.

Пильский П. Нахалкиканец из-за Ташкенту // Сегодня. Рига. 1927. №144.

Пильский П. Снова заговорили о Маяковском // Сегодня. Рига. 1931. №158 (9 июня).

РГАЛИ. Фонд №1099. Либединский Юрий Николаевич. Опись 1. Ед. хр. 341. Беседа с В. О. Перцовым о В. Маяковском 9 января 1939 г. Стенограмма. Л. 3.

РГАЛИ. Фонд №2145. Шершеневич Вадим Габриэлевич. Опись 1. Ед. хр. 73. «Великолепный очевидец» (Поэтические воспоминания 1910 – 25 гг.). 1932. 288 л.

РГАЛИ. Фонд №2577. Брик Лиля Юрьевна, Катанян Василий Абгарович. Опись 1. Ед. хр. 1303. Статьи, заметки, информация о жизни и творчестве В. Маяковского (1914 – 15). 121 л. Ховин В. Великолепные неожиданности // Очарованный странник. 1915. Альманах зимний. С. 14-16.

РГАЛИ. Фонд №336. Маяковский Владимир Владимирович. Опись 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В. Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 – 17 декабря 1936. 95 л. Кассиль Л. Сплошное сердце // Известия. Дата не установлена.

РГАЛИ. Фонд №336. Маяковский Владимир Владимирович. Опись 7. Ед. хр. 38. Альбом с вырезками из иностранных и эмигрантских газет и журналов со статьями и заметками о В.В. Маяковском и его выступлениях за границей. 1921-1927. 181 л. Дроздов А. Книжный угол. «Избранный Маяковский». Изд-е акц. о-ва «Накануне», Берлин – Москва. 1922 г. // Накануне. Дата не установлена.

РГАЛИ. Фонд №336. Маяковский Владимир Владимирович. Опись 8. Ед. хр. 13. Бромберг А.Г. В.В. Маяковский. Воспоминания. Выставка. Бригада. 1930-1969 гг. 401 л.

Шкловский В.Б. О Маяковском // Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. М.: Советский писатель, 1966. С. 257-414.

Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть В. Маяковского. The Hague – Paris: Mouton, 1975. С. 8-34.

REFERENCES

Al'fonsov, V. (1984). *Nam slovo nuzhno dlya zhizni: V poeticheskom mire Mayakovskogo*. Leningrad. (in Russian).

Annenkov, Yu. (1960). *Put' Mayakovskogo. Vozrozhdenie, Parizh*, (106), 62-91. (in Russian).

Annenskii, I.F. (1987). *Bal'mont-lirik*. In *Izbrannoe*, Moscow. 294-329. (in Russian).

Bakhtin, M.M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow. (in Russian).

- Berdyayev, N. 1994. Tvorchestvo i mistika. Okkul'tizm i magiya. In *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*, Moscow. 277-296. (in Russian).
- Borev, Yu.B. (1989). Khudozhestvennyi protsess (Problemy teorii i metodologii). In *Metodologiya analiza literaturnogo protsessa*, Moscow. 4-30. (in Russian).
- V. Mayakovskii v vospominaniyakh sovremennikov (1963). Moscow. (in Russian).
- Volodin, V. (1977). Roman Yakobson o Mayakovskom. *Grani*, (104), 272-279. (in Russian).
- Gorbov, Ya.N. (1969). Literaturnye zametki. Sergei Kosman – “Mayakovskii. Mif i deistvitel'nost'”. *Vozrozhdenie*, (208), 142-147. (in Russian).
- Gumilev, N.S. (1990). Pis'ma o russkoi poezii. Moscow. (in Russian).
- Ivanyushina, I.Yu. (1991). Ot karnavala k subbotniku. In *Ob izmenenii kharaktera prazdnichnosti v tvorchestve V. Mayakovskogo. “Chelovek igrayushchii” v tvorchestve V. V. Mayakovskogo. Estetika prazdnika*, Saratov, 3-24. (in Russian).
- Ivask, Yu. (1969). Tsvetaeva – Mayakovskii – Pasternak. *Novyi zhurnal, N'yu-Iork*, (95), 161-185. (in Russian).
- Karabchievskii, Yu.A. (1990). Voskresenie Mayakovskogo. Moscow. (in Russian).
- Kultysheva, O.M. (2018). Komicheskoe v tvorchestve V. Mayakovskogo: vospriyatie sovremennikov. *Nizhnevartovskii filologicheskii vestnik*, (1), 42–47. (in Russian).
- Lotman, Yu.M. (1970). Semioticheskie issledovaniya po teorii iskusstva. Moscow. (in Russian).
- Lunacharskii, A.V. (1988). VI. Mayakovskii-novator. In *Stat'i o literature*, Moscow, 2, 129-146. (in Russian).
- Mavlina, T.A. (1991). “Homo ludens” v rannei lirike V. Mayakovskogo. “Chelovek igrayushchii” v tvorchestve V.V. Mayakovskogo. In *Estetika prazdnika*. Saratov, 25-42. (in Russian).
- Mashbits-Verov, I.M. (1963). Poemy Mayakovskogo. Izd-e 2-e, dop. Moscow. (in Russian).
- Mayakovskii, V.V. (1955-1961). Poln. sobr. Soch. Moscow. (in Russian).
- Mikhailov, A. (1993). Vosstanie protiv «otdokhnovennoi pantomimy» (Perechityvaya «Banyu»). *Voprosy literatury*, 3, 3-12. (in Russian).
- P. [Pil'skii] (1930). Samoubiitsa – samoubiitse. *Segodnya*, Riga, (112 (23 iyunya)). (in Russian).
- Pasternak, B.L. (1991). Okhrannaya gramota. In *Sobr. soch.: Moscow*, 4, 149-239. (in Russian).
- Perepiska, A.M. (1966). Gor'kogo s I. A. Gruzdevym. Pis'ma №110 “Gruzdev – Gor'komu” (Leningrad, 14 aprelya 1930 g.), №112 “Gor'kii – Gruzdevu” (Sorrento, 16 maya 1930), №113 “Gor'kii – Gruzdevu” (maya 1930). In *Arkhiv A. M. Gor'kogo*, Moscow. 224-228. (in Russian).
- Pertsov, V.O. (1971). Mayakovskii. Zhizn' i tvorchestvo (1918-1924). Moscow. (in Russian).
- Pil'skii, P. (1927). Nakhalkikanets iz-za Tashkentu. *Segodnya*, Riga. (144). (in Russian).
- Pil'skii, P. (1931). Snova zagovorili o Mayakovskom. *Segodnya*, Riga. (158 (9 iyunya)). (in Russian).

RGALI. Fond №1099. Libedinskii Yurii Nikolaevich. Opis' 1. Ed. khr. 341. Beseda s V. O. Pertsovyim o V. Mayakovskom 9 yanvaryia 1939 g. Stenogramma. L. 3. (in Russian).

RGALI. Fond №2145. Shershenevich Vadim Gabrielevich. Opis' 1. Ed. khr. 73. "Velikolepnyi ochevidets" (Poeticheskie vospominaniya 1910 – 25 gg.). 1932. 288 l. (in Russian).

RGALI. Fond №2577. Brik Lilya Yur'evna, Katanyan Vasilii Abgarovich. Opis' 1. Ed. khr. 1303. Stat'i, zametki, informatsiya o zhizni i tvorchestve V. Mayakovskogo (1914–15). 121 l. Khovin V. Velikolepnye neozhidannosti. Ocharovannyi strannik. 1915. Al'manakh zimnii. S. 14-16. (in Russian).

RGALI. Fond №336. Mayakovskii Vladimir Vladimirovich. Opis' 7. Ed. khr. 39. Stat'i i zametki o V.V. Mayakovskom. Vyrezki iz gazet i zhurnalov. 25 yanvaryia 1927 – 17 dekabrya 1936. 95 l. Kassil' L. Sploshnoe serdtse. Izvestiya. Data ne ustanovlena. (in Russian).

RGALI. Fond №336. Mayakovskii Vladimir Vladimirovich. Opis' 7. Ed. khr. 38. Al'bom s vyrezkami iz inostrannykh i emigrantskikh gazet i zhurnalov so stat'yami i zametkami o V.V. Mayakovskom i ego vystupleniyakh za granitse. 1921-1927. 181 l. Drozdov A. Knizhnyi ugol. "Izbrannyi Mayakovskii". Izd-e akts. o-va "Nakanune", Berlin – Moskva. 1922 g. Nakanune. Data ne ustanovlena. (in Russian).

RGALI. Fond №336. Mayakovskii Vladimir Vladimirovich. Opis' 8. Ed. khr. 13. Bromberg A.G. V.V. Mayakovskii. Vospominaniya. Vystavka. Brigada. 1930-1969 gg. 401 l. (in Russian).

Shklovskii, V.B. (1966). O Mayakovskom. In *Zhili-byli. Vospominaniya. Memuarnye zapisi*, Moscow. 257-414. (in Russian).

Yakobson, R. (1975). O pokolenii, rastrativshem svoikh poetov. In *Svyatopolk-Mirskii D. Smert' V. Mayakovskogo. The Hague – Paris, Mouton*, 8-34. (in Russian).

© Култышева О.М., 2022

УДК 82.0+7.01

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/05>

Марков А.В.

МАНДЕЛЬШТАМ И АЛОИЗИУС БЕРТРАН: ЗАМЕТКА К ТЕМЕ

Аннотация. Стихотворение О. Мандельштама «Как светотени мученик Рембрандт...» соединяет экфрасис, творческое завещание и декларацию социальной позиции, и такое сочетание всегда создавало трудности для интерпретаторов. Ряд темных образов, таких как взятие под стражу, богатство или племя единомышленников, убедительно трактуются как вычитывание Мандельштамом собственной биографии из обстоятельств биографии Рембрандта, но не объясняют до конца ни экспрессивную поэтику стихотворения, ни место сюжета Голгофы среди других жизненных сюжетов. В статье предлагается считать ключом к произведению одно из стихотворений французского романтика Алоизиуса Бертрана «Гаспар из тьмы», которое представляет собой конспект образов готических романов. В этом стихотворении в прозе есть основные образы стихотворения Мандельштама в свернутом виде, и его вполне можно считать если не претекстом текста Мандельштама, то одним из ключей, проясняющих его сюжет. Так, Бертран понимает светотень распятия как впечатление от оконной рамы ночью, жгучую боль – как наступление полночи, стражу и воинов – как присутствие предков и связанного с ними проклятия, а сокровища – как намек на ад и кровосмешение. Тем самым сюжет стихотворения Мандельштама не сводится к готовности отказаться от земных благ и принять мученичество в подражание Христу, равно как и к готовности разделить с друзьями благородную бедность. Этот сюжет, исходя из ключа Бертрана, реконструирован так: полночь грозит кошмарами, и главный из этих кошмаров – ощущение жгучей боли, боли совести или боли несбывшегося, с наступлением полночи. После этого размышление о времени переходит в сновидческое переживание происходящего, в ряд фантазий, указывающих на прежнее богатство и на прежние впечатления от искусства. В этом сновидческом переживании человеческое братство может переживаться только как общение с тенями и потому неизбежное телесное мученичество. В стихотворении Мандельштам пересобрал готически-романтические символы и эмоциональные режимы для различения субъективного отношения к мученичеству и объективного мучения, определяемого автономиями искусства, души и тела.

Ключевые слова: Мандельштам; Алоизиус Бертран; стихотворение в прозе; автономия искусства; телесность в поэзии; экфрасис; готические мотивы.

Сведения об авторе: Марков Александр Викторович, ORCID: 0000-0001-6874-107, д-р филол. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, г. Москва, markovius@gmail.com

Markov A.V.

MANDELSTAM AND ALOYSIUS BERTRAND: A QUESTION OF INTERPRETATION

Abstract. O. Mandelstam's poem "Like chiaroscuro Martyr Rembrandt..." combines ekphrasis, testament of the poet, and declaration of social position: this combination has posed difficulties for interpreters. A number of obscure images, such as imprisonment, wealth, or a tribe of associates, are convincingly interpreted as Mandelstam's deduction of his own biography from the circumstances of Rembrandt's life, but this explain neither the expressive poetics nor the place of the Calvary plot among other life-plots. I suggest that one of the poems by the French Romanticist Aloysius Bertrand, "Gaspard de la nuit," which is a synopsis of the images of Gothic novels, should be considered a key to the poem. Bertrand's poem in prose contains the main images of Mandelstam's poem in a short, and it may well be considered, if not a pretext of Mandelstam's text, then one of the keys that clarify its plot. Thus, Bertrand understands the dark light of the crucifixion as an impression of the window frame at night, the searing pain as the onset of midnight, the guards and warriors as the presence of the ancestors and the curse associated with them, and the treasure as a hint of hell and incest. Thus the plot of Mandelstam's poem is not to be reduced to a willingness to give up earthly goods and accept martyrdom in imitation of Christ, nor to a willingness to share noble poverty with friends. This plot, from Bertrand's key, is reconstructed as follows: midnight threatens with nightmares, and the chief of these nightmares is the sensation of burning pain, the pain of conscience or the pain of the unfulfilled, with the onset of midnight. After this reflection on time passes into a dreamlike experience of what is happening, into a series of fantasies pointing to former treasures of life and to former impressions of art. In this dream experience, human brotherhood can only be experienced as a communion with shadows and therefore an inevitable bodily martyrdom. In the poem, Mandelstam reassembled Gothic Romantic symbols and emotional modes to distinguish between the subjective relationship to martyrdom and the objective martyrdom defined by the autonomies of art, soul, and body.

Key words: Mandelstam; Aloysius Bertrand; poem in prose; autonomy of art; corporeality in poetry; ekphrasis; gothic motifs.

About the author: Markov Alexander Viktorovich, ORCID: 0000-0001-6874-107, Doctor of Philology, Professor, Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow, markovius@gmail.com

Марков А.В. Мандельштам и Алоизиус Бертран: заметка к теме // Нижневартковский филологический вестник. 2022. №1. С. 61-69. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/05>

Markov, A.V. (2022). Mandelstam and Aloysius Bertrand: a Question OF Interpretation. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 61-69. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/05>

Стихотворение О.Э. Мандельштама «Как светотени мученик Рембрандт...» (1937), одно из несомненных творческих завещаний поэта, хорошо изучено как экфрасис (Сурат, 2017: 186–190) в связи с биографическими обстоятельствами жизни поэта, его впечатлениями, как и реакциями первых читателей, начиная с Н.Я. Мандельштам, на сюрреалистическое столкновение образов, не поддающихся расшифровке до конца. В Воронеж во время Первой мировой войны был эвакуирован Дерптский университет вместе с его художественной коллекцией, в которую входило полотно «Шествие на Голгофу», считавшееся тогда произведением Рембрандта – сейчас оно атрибутируется его ученику Якобу Виллемсу де Вету. И.З. Сурат предполагает, что это полотно, увиденное Мандельштамом в Воронежской ссылке, было в то время менее темным, и отсюда стал возможен образ светотени; а подробности и эпизоды, отсутствующие на этом полотне, такие как обнаженное ребро или ларцы, объясняет как впечатлением от других картин Рембрандта, виденных Мандельштамом, так и знанием биографии Рембрандта как руководителя мастерской-предприятия и банкрота, – что и стало главным предметом современного рембрандтоведения благодаря книге Альперс (Alpers, 1990).

Действительно, при всем диапазоне интерпретаций этого стихотворения, в нем принято видеть эхо символистского жизнестроительства, конструирования биографии – Мандельштам словно расстаётся со всеми ценностями прежней эпохи, всеми «ларцами у полночи в гареме», чтобы заново понять, как именно вообще возможен человек с биографией в эпоху катастрофы. Пионер исследования этого стихотворения, филолог-антиковед С.В. Полякова, с некоторым нажимом утверждала, что Мандельштам увидел в Рембрандте *alter ego*, «ведь, как и Мандельштам, Рембрандт половину своей творческой жизни провел, не прижившись к новой обстановке, и всеми корнями был связан со сходящей со сцены эпохой» (Полякова, 1997: 87). Исходя из этого, Полякова понимает «горящее ребро» как саднящее, как указание на пытки, а в страже Голгофы видит указание на арест Мандельштама. При этом Полякова спорит с Н.Я. Мандельштам, уверяя, что Мандельштам не созерцал себя как взошедшего на Голгофу, думал не об изображенном на картине, а о Рембрандте как изображающем в том числе и сюжеты крестной казни.

Этот последний нюанс очень важен: Полякова, ученица О.М. Фрейденберг, переводчица античных романов, средневековых легенд и новелл и профессиональный знаток традиции риторического экфрасиса, относит переживание сюжета картины к употреблению настоящего времени, которое и создает усиленный эффект присутствия; просто она видит в опыте Мандельштама отречение от тех иллюзорности экфрасиса. В отличие от античной установки на подражание природе, а значит, на правдоподобную до неразличимости иллюзию, Мандельштам обращается к судьбе Рембрандта, баловня, банкрота и мученика эпохи одновременно, но при этом отрекается от всех богатств, изображенных на различных его картинах. Мандельштам для Поляковой смотрит «глазами нестяжателя и дервиша» (там же: 90), не принимая стяжательство, создаваемое и картинами Рембрандта, и

подразумеваемое организацией производства в его мастерской. Тем самым, Манделъштам отстывает от иллюзии избытка, создаваемой живописью как предметом экфрасиса, и приходит к ситуации «людей, охваченных темными, несприятельными, отягощающими заботами» (там же). Иллюзорное, согласно Поляковой, Манделъштам сближает с мнимым, – тогда как подлинным оказывается переживание настоящего не только в его грамматической актуализации настоящего времени, но и в действительной актуализации опыта.

Позднейшие интерпретации также настаивают на том, что Манделъштаму интереснее Рембрандт в конкретности его судьбы, чем желание мученичества и собственное действие евангельской символики. Образцовой здесь должна быть признана позиция Б.А. Успенского, который на основе грамматики местоимений, как ее понимает структуралистский подход, делает вывод, что Манделъштам не анализирует ситуацию Голгофы или мученичества за веру, но разворачивает феноменологию творчества. Мученичество, изображенное на холсте – не привилегированный член сравнения, в отличие от тематизированного всем строем стихотворения творческого мученичества, благодаря которому возможны и краски Рембрандта, и голос Манделъштама, от творческих мук, преобразующих материал и делающих его полноценно развернутым перед нами (Успенский, 2018: 236). Для Поляковой Манделъштам – апологет раннего нестяжательного христианства, в духе тогдашних обращений к раннехристианскому вдохновению как примеру преодоления институциональных кризисов переломной эпохи, а для Успенского – представитель авангардной феноменологии, внимательной к самим условиям производства эстетического опыта. При всей убедительности этих трактовок, очевидно, что прояснить собственную позицию Манделъштама, опираясь только на контекстуализирующий разбор стихотворений, невозможно до конца, сколь бы изоциренным ни был лингвистический аппарат разбора.

Не оспаривая выводов, за которыми стоит несколько поколений манделъштамоведения, обратим внимание на существование текста, благодаря которому последовательно расшифровывается большинство темных образов стихотворения. Уже в первой строке стихотворения Манделъштама есть несколько отсылок к французской традиции: ударение в имени Рембрандта, соответствующее привычкам слушателя французских лекций по искусству и нередкое во времена Манделъштама, начинание с «Как» для ввода сравнения, больше отвечающее французскому *Comme...*, чем русской постановке сравнения с «как» после подлежащего (для препозиции такого сравнения обычно употребляются «будто», «словно», «как будто», но не «как», которое будет восприниматься как вводное слово, вроде «Как ныне собирается вещей Олег»), наконец, слово «мученик», которое каждого читателя Манделъштама заставит вспомнить знаменитое рассуждение из статьи «Слово и культура»:

Декаденты были христианские художники, своего рода последние христианские мученики. Музыка тления была для них музыкой воскресения. «Charogne» Бодлэра – высокий пример христианского отчаяния (кстати, назвав Бодлэра, мне хотелось бы помянуть его значение как подвижника, в самом подлинном христианском смысле слова: *martyre*) (Манделъштам 1993, 2: 214).

Некоторая колеблющаяся иноязычность сохраняется и далее: например, оборот «у полночи» можно понять как метафору, олицетворяющую полночь, но можно и как указание на время, что действие происходит к полночи (*vers minuit*), равно как и «под грозою» в значении «во время грозы». Но вообще, темнота этого стихотворения как системы образов противоречит устойчивости мандельштамовских употреблений, например, использованию слова «племя» в значении «человеческий род» (*race humaine, human race*).

Отсюда и наша гипотеза, состоящая в том, что по крайней мере одним из ключей к этому стихотворению должна была быть французская поэзия, где такое смещение значений, например, пространственное переживание времени, с некоторого момента становится нормой. Сам Мандельштам как пример мученика приводил Бодлера, но стихотворение показывает неожиданную сюжетную близость с одним из произведений учителя Бодлера в написании стихов в прозе, Алоизиуса Бертрана. Речь об открывающем третью книгу «Гаспара из тьмы», с подзаголовком «Фантазии в манере Рембрандта и Калло», стихотворении «Готическая комната». Перевод этого стихотворения, выполненный С.П. Бобровым, своеобразным соперником Мандельштама из числа футуристов, не был опубликован вплоть до издания (Бертран, 1981: 137–138), и был ли он известен Мандельштаму, мы сказать не можем, хотя известно, что Бобров пропагандировал Бертрана среди футуристов, таких как Асеев. Но в любом случае, он мог читать французский оригинал, и кроме того, возможно скорее всего здесь было просто совпадение той системы идей, которая двигала и символизмом, и полемикой Мандельштама с символизмом. Приведем сначала текст стихотворения Мандельштама:

* * *

Как светогени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
И резкость моего горящего ребра
Не охраняется ни сторожами теми,
Ни этим воином, что под грозою спят.

Простишь ли ты меня, великолепный брат
И мастер и отец черно-зеленой теми, –
Но око соколиного пера
И жаркие ларцы у полночи в гареме
Смущают не к добру, смущают без добра
Межами сумрака взволнованное племя.

4 февраля 1937 (Мандельштам 1994, 3: 119)

Далее мы цитируем стихотворение в прозе Бертрана по переводу Боброва, обращаясь к оригиналу (Bertrand, 1920: 95–96). «Готическая комната» открывается своеобразной

экспозицией, где повествователь чувствует свое сродство со вселенной и готов к мученичеству:

– О! – шептал я ночи, – земля – это благоуханная чашечка цветка, а звезды и месяц – ее тычинки и пестик!

И со смежающимися от сна глазами я закрыл окно, и рама его вырезалась крестом Голгофы, черным в желтом сиянье стекол (*qu'incrusta la croix du calvaire, noire dans la jaune auréole des vitraux*).

Светотень, упомянутая Мандельштамом, оказалась у Бертрана оптическим эффектом, связанным со взглядом на окно с открытыми и закрытыми глазами. То, что в живописи является приемом, одним из самых сильных приемов динамической иллюзии в истории европейской живописи, здесь оказывается воспроизведено подручными средствами. Тем самым мученичество светотени и оказывается переживанием немого времени, в которое ты ощущаешь сродство со всей природой, уходишь в ее глубину – и тем самым уже ничего не можешь сказать, кроме того, что готов встретить полночь. Далее Бертран переходит к сюжету: галлюцинациям, когда перед взором проходят все основные персонажи и фигуры готической литературы, как бы собственно, к энциклопедии готического воображаемого:

Будь это еще не в самую полночь (*si ce n'était à minuit*), час, отмеченный драконами и дьяволами, – может быть, это просто гном напивается допьяна маслом моей лампы!

Горящее и пьянящее масло выглядит как почти сюрреалистический образ, но вполне отвечающий образности позднего Мандельштама, где горящее и ночное сопряжено: так в переводе из Петrarки (Мандельштам 1994, 3: 81) он понимает звездную ночь как «ночь с горячей пряжей». Тогда «резкость... горящего ребра» означает просто резкое видение его ночью, возможность ощутить свою телесность среди ночных призраков, которые мучают тебя. Растворяясь во времени, в его ужасе, ты впервые вдруг ощущаешь телесность и представленность твоего тела чему-то большему.

Такое понимание полночи как времени покаяния отвечает распространенным во времена Рембрандта и позже (даже если вспомнить «Воспоминание» Пушкина) культурным представлениям, что заснув, можно около полуночи проснуться от страха, и нужны специальные усилия, чтобы победить искушения и дурные мысли. Такая система представлений во многом определена аскетикой, восходящей к монашескому правилу и утверждению Псалма «Полунощи востах, исповедатися тебе о судьбах правды Твоя» (Пс. 118, 62), что нужно понимать как то, что ночная молитва – это готовность принять правосудие Божие, которое только и поможет преодолеть внутренние конфликты. Бертран обыграл этот мотив как мотив напоминания о грехах и о чем-то чудовищном и мучительном, и далее собственно вывел героев, таких как кормилица мертвого младенца, скелет ландскнехта и предок-рыцарь из источенной червями рамы – различная нежить, с которой ты вынужден быть в одном племени, и потому вовремя не способен к покаянию, ты разделяешь

уже с ней произошедшее событие смерти. Стихотворение заканчивается образом адских мук, где за них отвечает Скарбо, некий любимый Бертраном хтонический персонаж, явно перекликающийся с гномом как хранителем сокровищ:

Но нет, это Скарбо, он кусает меня в шею и, чтобы прижечь мою кровоточащую рану, сует (у plonge) в нее свой железный палец, раскаленный докрасна в адском огне.

То есть вампир оказывается одновременно сторожем адских мук, не позволяющим тому, кто видит этот кошмар, мысленно умереть до конца. В таком случае стихотворение Мандельштама приобретает во второй части, где и дается само переживание полночи, особый смысл: племя нежити взволновано, оно должно было сторожить сокровища, но оно не может этого делать, потому что оно сторожит самого повествователя, наводит на него кошмары. И только изображение всех этих мук как уже пережитых может позволить избавиться от этого кошмара, «великолепный брат» Рембрандт как автор ряда образов на холстах может простить в том смысле, что он собственно и явился в полночь, он определяет переход от сна к яви и обратно, и тем самым саму возможность посмотреть на время мучений со стороны.

Тогда стихотворение Мандельштама может интерпретироваться так. В первой части говорится, что при том, что в полночь и ощущаешь настоящую душевную боль, но из отчаяния ты не можешь ощущать эту боль как причиняемую призраками прошлого, той самой готической нежитью, которая нападает на повествователя у Бертрана. Боль у Мандельштама как раз исключает эту охрану со стороны нежити, которая спит под грозой: то есть может быть изгнана только наступлением дня, а не ночной бурей. Сторожа сокровищ и воин-ландскнехт-рыцарь отвечают не столько стражам Голгофы, сколько героям Бертрана, обстоятельствам готического замка больше, чем изображениям Голгофы. «Немеющее время» позволяет уже не говорить о них, а значит, и не видеть их, принимая только иллюзию светотени как единственное объяснение произошедшего. Готический романтизм требовал искать за иллюзиями – олицетворения; Мандельштам, напротив, взыскует сродства с людским племенем.

Вторая часть стихотворения, уже не телесной боли, а обновленной всемирной скорби, как бы посмертной, может быть названа «фантазией» вполне терминологически (Клеро, 2016), не только с отсылкой к подзаголовку книги Бертрана «Фантазии в манере Рембрандта и Калло», в смысле явления роскоши, выставления напоказ, фантазма чего-то на самом деле отсутствующего, как и понималось слово «фантазия» от античности через бытовые употребления («барин с фантазией», то есть с любовью к показной роскоши) к психоаналитическому понятию «фантазма». Оказывается, что символы богатства у Рембрандта волнуют бестелесное племя грешных душ, напоминая им их вину. В отличие от Бертрана, повествователь которого чувствует себя жертвой нежити и ждет рассвета, лирический повествователь Мандельштама, обращающийся к Рембрандту как господину любых фантазий, говорит, что он уже как бы умер, он уже бестелесен, и потому не столько

страдает от фантазий, сколько участвует в них. Тогда автономия искусства только и может поставить границы этого участия.

Романтический писатель исходит из того, что мученичество – это часть авторитетного высказывания о статусе тела, косвенно определяющего и статус тела современников, во всяком случае, ограничения в способности тела переходить от сна к яви. Тогда как искусство XX века, признающее автономию произведения, его собственные законы, как раз превращает и сон, и явь в функции формы. Мандельштам, полностью разделяя те же полуночные муки совести, что были в европейской культуре много веков, иначе понимает героев этих мук – не как призраки прошлого, а как племя людей, с которым он делит настоящее и при жизни, которая и есть Шествие на Голгофу из воронежского музея, и после смерти. Уже не граница между сном и явью, но граница между жизнью и смертью, возможность давать отчет и после смерти, становится предметом поэзии позднего Мандельштама вообще и этого стихотворения в частности.

ЛИТЕРАТУРА

Бертран А. Гаспар из тьмы. М.: Наука, 1981.

Клеро Ж.-П. Фантазия // Европейский словарь философий: словарь непереводимостей. Т. 2. К., 2016. С. 316–319.

Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 4 тт. Т. I, М., 1993–1994.

Полякова С.В. Разбор стихотворения «Как светотени мученик Рембрандт» // Олейников и об Олейникове и другие работы по русской литературе. СПб.: Инапресс, 1997. С. 86–91.

Сурат И.З. Автопортрет, кувшин и мученик Рембрандт. Три экфрасиса Осипа Мандельштама // Новый мир. 2017. №10. С. 178–190.

Успенский Б.А. К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров»: анализ текста) // Slovene. 2018. Vol. 7, №2. С. 227–257.

Alpers S. Rembrandt's enterprise: the studio and the market. Chicago: University of Chicago Press, 1990.

Bertrand Aloysius. Gaspard de la nuit. Paris: Mercure de France, 1920.

REFERENCES

Bertran A. Gaspar iz t'my. M.: Nauka, 1981.

Klero Zh.-P. Fantaziya // Evropeiskii slovar' filosofii: slovar' neperevodimostei. T. 2. K., 2016. S. 316–319.

Mandel'shtam O.E. Sobranie sochinenii: v 4 tt. T. I, M., 1993–1994.

Polyakova S.V. Razbor stikhovtoreniya «Kak svetoteni muchenik Rembrandt» // Oleinikov i ob Oleinikove i drugie raboty po russkoi literature. SPb.: Inapress, 1997. S. 86–91.

Surat I.Z. Avtoportret, kuvshin i muchenik Rembrandt. Tri ekfrasisa Osipa Mandel'shtama // Novyi mir. 2017. №10. S. 178–190.

Uspenskii, B. A. (2018). K poetike pozdnego Mandel'shtama (" Masteritsa vinovatykh vzorov...": analiz teksta). Slověne= Slovĕne. International Journal of Slavic Studies, 7(2), 227-257.

© Марков А.В., 2022

УДК 372. 811. 161. 1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/06>*Митрофанов В.В.***ТВОРЧЕСКИЕ УВЛЕЧЕНИЯ С.Ф. ПЛАТОНОВА-ГИМНАЗИСТА**

Аннотация. Сергей Фёдорович Платонов (1860-1933) – русский и советский историк, педагог. Член-корреспондент Петербургской академии наук по Историко-филологическому отделению, действительный член Российской академии наук. О том, чтобы посвятить себя истории, вначале не помышлял, писал стихи и мечтал о карьере профессионального литератора. Многие в жизни С.Ф. Платонова последних лет гимназического периода остаются неизвестными. Именно к этому периоду сегодня обратились исследователи. И оказалось, что в это время у юного Платонова были разносторонние интересы, прежде всего, в области поэзии, увлечения театром. Именно в эти годы были встречи с людьми, общение с которыми оказало большое воздействие на формирование его мировоззрения и увлечения. К таким знакомствам следует отнести встречи с Е.Н. Калайдович, В.Н. Беркут, В.Ф. Кеневичем – гимназическим учителем словесности, широко известного в научных кругах своими трудами в области крыловедения. Именно о тесном общении с названными людьми, уже будучи зрелым человеком, ученым с мировым именем, С.Ф. Платонов напишет немало теплых строк в своих биографических работах. С В.Ф. Кеневичем велись не только длительные беседы, он был посвящен учеником старших классов гимназии Бычкова в свои поэтические опыты. А знакомство с отдельными стихотворениями вызвали у него восторженные отклики. Кроме того, он подсказывает начинающему поэту, выступает рецензентом, совместно с автором редактирует тексты. Одним из направлений развития творческих способностей подающего надежды Платонова явилось исследование о букве ъ, которое и публикуется в приложении.

Ключевые слова: В.Ф. Кеневич; С.Ф. Платонов; гимназический период; творческая деятельность; буква ъ; полемика об употреблении ъ.

Сведения об авторе. Митрофанов Виктор Владимирович, ORCID: 0000-0003-2094-6883, д-р ист. наук, профессор, Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Россия, г. Санкт-Петербург, viktor-n19621@mail.ru

*Mitrofanov V.V.***CREATIVE HOBBY S.F. PLATONOV-SCHOOL STUDENT**

Abstract. Sergei Fedorovich Platonov (1860-1933) – Russian and Soviet historian, teacher. Corresponding member of the St. Petersburg Academy of Sciences in the Historical and Philological Department, full member of the Russian Academy of Sciences. At first, he did not

think about devoting himself to history, he wrote poetry and dreamed of a career as a professional writer. Much in the life of S.F. Platonov of the last years of the gymnasium period remains unknown. It is to this period that researchers have turned today. And it turned out that at that time young Platonov had diverse interests, primarily in the field of poetry, theater hobbies. It was during these years that there were meetings with people, communication with whom had a great impact on the formation of his worldview and hobbies. Such acquaintances should include meetings with E.N. Kalaidovich, V.N. Berkut, V.F. Kenevich, a high school literature teacher widely known in scientific circles for his works in the field of wing studies. It is about close communication with these people, already being a mature man, a world-renowned scientist, S.F. Platonov will write many warm lines in his biographical works. Not only long conversations were conducted with V.F. Kenevich, he was initiated by a high school student of the Bychkov gymnasium into his poetic experiments. And acquaintance with individual poems caused him enthusiastic responses.

Keywords: V.F. Kenevich; S.F. Platonov; gymnasium period; creative activity; letter ъ; controversy about the use of ъ.

About the author. Mitrofanov Viktor Vladimirovich, ORCID: 0000-0003-2094-6883, Doctor of Historical, Professor, University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC; Russia, St. Petersburg, viktor-n19621@mail.ru

Митрофанов В.В. Творческие увлечения С.Ф. Платонова-гимназиста // Нижневартровский филологический вестник. 2022. №1. С. 70-78. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/06>

Mitrofanov, V.V. (2022). Creative Hobby S.F. Platonov-School Student. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 70-78. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/06>

В последнее время исследователи активно обращаются к юношескому периоду жизни С.Ф. Платонова – будущего академика. Это были его гимназические годы, насыщенные интересными событиями, творческими исканиями и начинаниями, прежде всего, литературными опытами в поэзии, прозе, драматургии. Он устанавливает знакомства, ему встречаются люди, оказавшие в той или иной мере влияние на формировавшуюся личность.

В его «Дневнике» за 25 мая 1878 г. имеется запись о разговоре с В.Ф. Кеневичем – учителем русского языка и словесности: «Вчера говорили о многом. Я спросил у Кеневича, не говорил ли ему Бианки о моих литературных занятиях?

– Нет, а что? Я сказал, что с 13 лет пишу стихи.

Он просил прочесть которое помню. Я прочёл» (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1218. Л.15 об.-16)).

Эта встреча произошла в гимназии Бычкова, о чем Платонов много лет спустя, уже будучи на вершине славы ученого, главы русской историографии, написал о В.Ф. Кеневиче: «Это был умный, образованный и добрый человек, умевший близко подойти к ученикам и

установить с ними интимную близость» (Платонов 2017: 215). Сошлись же они на почве любви к поэзии. «...Кеневич случайно узнал о моих стихотворных опытах. Прослушав два-три моих стихотворения, он нашел, что мною стоит заняться, и позвал меня к себе» (Платонов 2017: 215), – писал С.Ф. Платонов. При этом с высоты прожитых лет заметил: «не скажу, чтобы увлечение Кеневича моей лирикой было для меня полезно» (Платонов 2017: 215), а «его влияние на меня оказалось скоропреходящим и ослабело еще до его кончины» (Платонов 2017: 231). Для выпускника гимназии, Кеневич «настаивал на том, что я обязан для обработки своего “дарования” получить соответствующее образование историко-литературное. Ему казалось, что мне следует идти или на филологический, или на восточный факультет. В долгих, иногда до рассвета шедших беседах знакомил меня Кеневич с предстоящими мне занятиями в университете...» (Платонов 2017: 216).

В 1887 г. произошло знакомство Платонова, определившее на много лет начало плодотворной переписки, – с Е.Н. Калайдович (в замужестве Беркут) и её сестрой Софьей. Они были внучками замечательных людей: известного издателя первой половины XIX в. С.А. Селивановского и выдающегося исследователя древнерусской славянской письменности К.Ф. Калайдовича. Через более чем три десятка лет спустя Платонов написал, что у него «образовались новые знакомства, появились новые влияния» (Платонов 2015: 187). Большая часть этой объемной переписки с Е.Н. Калайдович уже опубликована (Митрофанов 2019: 119-139; Митрофанов 2020: 116-132), правда ответные письма С.Ф. Платонова пока не выявлены или утрачены. Широко образованная женщина, увидевшая в нем будущего профессора, оказывала благотворное влияние на юношу, выступала порой строгим рецензентом его поэтических проб.

Кроме поэтических опытов объемом несколько тетрадей, которые постепенно принимали творческий, профессиональный характер (заметим, что эта сторона увлечений С.Ф. Платонова остается совсем не исследованной), Платонов пробует себя в драматургии, прозе, активно ведет дневник – это объемная рукопись, которая писалась с октября 1876 г. и до 8 июня 1885 г., кроме того, несколько тетрадей с записями были уничтожены автором. Большой интерес представляет и рукопись «Театральные заметки» (Митрофанов 2021: 144-175), раскрывающая в полной мере его серьезное увлечение театром. В них воссоздана запоминающаяся панорама истории театра за 4 сезона, даны глубокие на уровне профессионала характеристики игры актеров.

Следовательно, тяга к перу, выразить себя появилась у Платонова на раннем этапе его юности.

Недавно опубликован ряд работ Платонова студенческой поры, которые были первыми научными трудами: это первый реферат «О местожительстве готов-тетракситов» (Медведев 2011: 392-408), прочитанный в семинарии В.Г. Васильевского. Первой же серьезной темой о «Московских Земских соборах XVI–XVII вв.» он начал заниматься, будучи студентом III курса историко-филологического факультета по рекомендации К.Н. Бестужева-Рюмина. Эта работа, как заметил В.А. Колобков, «увлекла историка» и составила по объему «целую

книгу» (Колобков 2001: 475). А.Н. Цамутали указывает, что над сочинением С.Ф. Платонов работал «напряженно» (Цамутали 1895: 73). Хотя объемный труд не получил одобрения научного руководителя, выдержки из нее были рекомендованы к публикации в авторитетном правительственном журнале (Платонов 1883: 1-20), что свидетельствовало о неординарном таланте молодого исследователя. Этот объемный труд только недавно был опубликован (Платонов 2010: 23-184).

При всем многообразии опубликованных архивных материалов, из фонда академика, оказывается, что самым ранним исследованием было не историческое. Это, как значително из названия архивного дела «Заметка об употреблении Ъ, писанная для В.Ф. Кеневича по поводу статьи в “Др[евней] и новой России”». 17 февраля 1878 г. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1240. Л. 1-1 об.). Стоит заметить, что проблема, затронутая в ней, имеет давнюю историю (Брандт 1855: 347-352; Грот 1876: 318-319; Благовещенский 1900: 131-138), которая продолжает время от времени подниматься и в наше время (Зализняк 2002: 577-613; Каверина 2005: 208-224; Лавошников 2017: 1-17).

Во втором номере журнала «Древней и новой России» в разделе «Заметки и новости» была опубликована небольшая статья, затронувшая тему употребления ъ (Гильтебрант 1879, а: 165-166). Её автором был Петр Андреевич Гильтебрант (1840-1905) – русский литератор, историк, археограф, палеограф, фольклорист, член археографической комиссии. Статья имела полемический характер и явилась ответом М.А. Колосову (1839-1881) – филологу, историку славянских языков, члену-корреспонденту императорской Санкт-Петербургской Академии наук, издателю (с 1879 г.) «Русского филологического вестника».

Колосов отвечал в своей публикации категорично, порой грубо. Касаясь проблемы о конечном ъ писал, что «... буква давным-давно потеряла всякий смысл и значение» (Колосов 1879б: 318). Апеллируя к Востокову, Срезневскому, Буслаеву, Гроту, Потебне, Миклошичу, Ягичу обвиняет оппонента в «искажении фактов», «наивном невежестве», «болтовне» и пишет, что «ъ был когда-то известною звуковою величиною, теперь же = 0» (Колосов 1879б: 318). По при этом обращает внимание, что речь идет исключительно только о «конечном ъ» (Колосов 1879б: 318). Следует заметить, что Колосов разъяснил, что его журнал будет печатать материалы без конечного ъ (Колосов 1879а: III-VI).

Начавшаяся журнальная полемика была продолжена. Гильтебрант подготовил новую заметку (Гильтебрант 1879б: 346-347) и ответил не менее жестко своему оппоненту: «Мы имели печальную обязанность указать на новейшую «нелепость» г. Колосова – на изгнание им буквы ъ, и объяснили это тем, что г. Колосов не уяснил себе, не вник в вопрос о происхождении и мягкости звука. «Для Варшавского издателя физиология звука – дело темное, что он собрался разыграть роль маленького Герострата и сжечь букву ъ в своем издании... Но вот что курьезно: гоняясь с обухом за буквою ъ, рубя её направо и налево, г. Колосов, в пылу фанатизма, посек и поранил рядом стоящие, ни в чем не повинные буквы и даже целые слова...», писал Гильтебрант (Гильтебрант 1879б: 346). Гильтебрант эту тему

продолжил и в статье, появившейся в печати в следующем году (Гильтебрант: 1880: 374-378).

Эта непримиримая полемика заинтересовала Кеневича, который и предложил с опорой на известную литературу изложить своё мнение выпускнику гимназии Платонову. Как свидетельствует дата на рукописи, она была готова 17 февраля 1878 г. Платонов против употребления ъ на конце слов. Для нас представляет интерес аргументация юного исследователя. Среди продуманных доводов указываются параллель с французским языком, традиция, общая разговорная практика и экономическая целесообразность. На последний аргумент, как оказалось, указал еще Кеневич, а О.И. Сенковский, услышав его, быстро изложил в печатном виде.

Забегая вперед напомним, что созданная в 1904 г. Орфографическая комиссия под руководством Ф.Ф. Фортунатова в 1912 г. представила свои предложения, но они не были утверждены. Итогом продолжительной дискуссии (с конца XIX в.) известных филологов и лингвистов о судьбе ъ в конце слова была решена орфографической реформой 1917-1918 гг.

Публикация выявленного в архиве документа с первой научной работой гимназиста Платонова, выполненной по инициативе известного ученого и учителя словесности Кеневича, позволяет расширить наши представления о его увлечениях до поступления в университет. Публикация же «Заметки» расширит наши представления о раннем творчестве будущего академика и пополнит список его трудов в несвойственной ему научной сфере.

С.Ф. Платонов

Заметка об употреблении Ъ
(писанная для В.Ф. Кеневича по поводу статьи в «Др[евней] и новой России»).
17 февраля 1878 г.

Буква Ъ по значению равна, или лучше, должна идти в параллель с французскими *e muet* при произношении слова. Оба эти звука обыкновенно не произносятся, хотя француз более нашего ощущает при говоре присутствие своего *e*. Во франц[узском] языке *e muet* иногда (слышится) даже ясно выговаривается (при скандовке речи¹) и получает (в пении) право гласной. У нас ъ слышен менее, слышен лишь при твердом произношении согласной пред мягкой гласной: объявлять, объезжать и пр[очее] (с гласной и слив[ается] с *ы*); значит тоже слышится. На конце слов он обуславливает твердое произношение конечных согласных. Если принимать за правило, что в русск[ом] яз[ыке] произношение согласных твердое (у нас даже Л произносится твердо, а при мягком Л ставится Ъ), то нужно признать, что Ъ в конце слов не слышен. Таково и мое воззрение.

Стоит ли оставить правописание с Ъ? Что говорит в пользу этого?

Старые традиции, по к[ото]рым Ъ состоит в русской азбуке, т[а]к сказать, на пенсии; историческая привычка делать лишнюю закорючку в конце слова, которая по очень остроумному, но

¹ Скандовка от (латин. «scandere») – чтение метрических стихов с отчетливым разделением их на степени и с подчеркиванием тезисов и арсисов, т. е. сильных и слабых долей стопы. – Примеч. В.М.

подлежащего еще критической проверке возражению Сенковского², стоит России 4 000 000 рублей в год³. Наконец, третьим адвокатом буквы Ъ является все-таки некоторая необходимость знака для обозначения твердого произношения согласных в середине слов. На эту должность и выставляют кандидатом знак Ъ.

На эти три пункта можно ответить, что, во-первых, память о букве Ъ можно сохранить, и удалив её из рядов современной русской азбуки, и поставив на одну доску с юсами, к[ото]рых уже нет, но к[ото]рые еще чтутся филологами за их значение, равное в сущности со значением Ъ (Следы деятельности обоих целы в языке). Юсы исчезли без ущерба для полноты алфавита по воле Петра, к[ото]рый простым силлогизмом, а не специально-диалектологическими изысканиями постиг ненужность их. Думаю, что филология⁴, если бы она тогда у нас существовала, заступилась бы за юсы и была бы не права.

Против механической привычки – писать лишний знак и спорить нечего: по своей сущности, она не может оправдываться никакой логической необходимостью. Это второе.

В-третьих, говорят: буква Ъ необходима, например, в слове «объединять» и т. п., необходима и в конце слова, когда следующее слово начинается мягкой гласной, напр[имер], ему часто изменяет/Ъ/ юмор». Что из этого? Действительно, нужно какое-либо означение твердости согласной; так пишете здесь Ъ или в какой-нибудь более простой значок, выдумать к[ото]рый у русских хватит же остроумия. В конце слова перед мягкой следующей гласной даже и писать не нужно.

Дитя учится говорить по слуху, а не по письму, читает по выговору, а не по тому к[а]к написано: «другого», напр[имер], будет оно читать «другова» и т. д. А иностранцу лучше сообщить правило, что «согласная произносится твердо если за ней нет или мягкой согласной, или ...гласной», чем заставлять его привыкать писать лишнюю букву.

Таким образом, по моему мнению, Ъ должен быть оставлен за штатом, изгнан оттуда, где его написание не прибавляет ни одного звука и сохранен или заменен более простым знаком там, где он слышен.

Будет, может быть, ещё одно возражение, что Ъ лучше де оставить, потому что писали же его прежде нас и мы де без всякого труда его пишем, не замечая ни траты времени, ни пресловутых 4 000 000, а отвыкать от этой привычки трудно де, гораздо труднее, чем её держаться.... Но само это возражение показывает, что его источник уже по своему складу не способен к восприятию каких-либо логических доказательств. По словам г. Владиславлева⁵, «на область бессмысленного мышления принцип здравой мысли простираться не может». 17 февраля 1878 г.

(ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1240. Л. 1–1 об.)

² Сенковский Осип-Юлиан Иванович (наиболее известный псевдоним – Барон Брамбеус; 1800-1858) – русский и польский востоковед, полиглот, писатель, критик, редактор, журналист. Член-корреспондент императорской Академии наук (1828). – Примеч. В.М.

³ Выслушав это, Кеневич заявил мне, что это он, Кеневич, сделал такой вывод по наблюдениям в Публ[ичной] Библ[иотеке]; Сенковский же узнал это, поспешил высказать печатно. – Примеч. С.Ф. Платонова.

⁴ Филология – совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве. – Примеч. В.М.

⁵ Владиславлев Михаил Иванович (1840-1890) – русский философ, профессор, декан историко-филологического факультета и ректор императорского Санкт-Петербургского университета.

Источники

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1218. Л.15 об.-16.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1240. Л. 1-1 об.

ЛИТЕРАТУРА

Благовещенский Н. О необходимости уничтожения буквы «ять» // Русская мысль. 1900. Отд. 2. С. 131-138.

Брандт Р.Ф. Об устранении ъ. Ответ на заметку редакции «Филологических записок» // Русский филологический вестник. 1855. Т. 14. С. 347-352.

Гильтебрант П.А. По поводу изгнания буквы ъ // Древняя и новая Россия. 1879а. Т.1. №2. С. 165-166.

Гильтебрант П. А. Ответ г. Колосову // Древняя и новая Россия. 1879б. Т. I. №4. С. 346-347.

Гильтебрант П. Князь Петр Андреевич Вяземский о букве ъ // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16. №2. С. 374-378.

Зализняк А.А. Древнерусская графика со смешением ъ – О и Ъ – Е // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 577-613.

Каверина В.В. Орфография русских периодических изданий XVII-XIX вв.: правописание букв Ъ и Ь // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 9. Вып. 3. С. 70-75.

Колобков В.А. Жизненный путь историка // С.Ф. Платонов. Под шапкой Мономаха. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 467-502.

Колосов М.А. (а) От редакции // Русский филологический вестник. 1879. Т. 1. №1. С. III-VI.

Колосов М.А. (б) (Г. Гильтебранту) // Русский филологический вестник. 1879. Т. 1. №2. С. 317-320.

Лавошников Э.К. «Лишняя буква» русского алфавита: возможен ли секвестр? // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2016. №1. С. 1-17.

Медведев И.П. Студенческий реферат С. Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетракситов» // Античная древность и средние века. 2011. Вып. 40. С. 390-408.

Митрофанов В.В. О московских знакомствах С.Ф. Платонова в гимназические годы: побратим и посестрима // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. №2. С. 119-139.

Митрофанов В.В. Маркиз и маркиза: письма Е.Н. Калайдович гимназисту С.Ф. Платонову // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. №1. С. 116-132.

Митрофанов В.В. «Театральные заметки. Часть I» Сергея Федоровича Платонова (вступ. ст. публик. коммент.) // Вестник «Альянс-Архео». 2021, Вып. 34. С. 144-175.

Платонов С.Ф. Заметки по истории московских земских соборов // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. №3. С. 1-20.

Платонов С.Ф. Некролог Граф А.С. Уваров // Российская археология. 2008. №4. С. 168–169.

Платонов С.Ф. Московские земские соборы XVI и XVII вв. // Собрание сочинений: В 6 т. М.: Наука, 2010. Т. 1. С. 23-184.

Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Собрание сочинений: В 6 т. М.: Наука, 2017. Т. 5. С. 214-252.

Платонов С.Ф. Автобиография // Собрание сочинений в 6 т. М.: Наука, 2017. Т. 5. С. 187-213.

Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л.: Наука, 1986. 336 с.

REFERENCES

Blagoveshchenskii, N. (1900). O neobkhodimosti unichtozheniya bukvy «yat'». *Russkaya mysl'. Otd, 2*, 131-138. (in Russian).

Brandt, R.F. (1855). Ob ustranении ". Otvet na zametku redaktsii "Filologicheskikh zapisok". *Russkii filologicheskii vestnik, 14*, 347-352. (in Russian).

Gil'tebrant, P.A. (1879a). Po povodu izgnaniya bukvy ". *Drevnyaya i novaya Rossiya, 1(2)*, 165-166. (in Russian).

Gil'tebrant, P.A. (1879b). Otvet g. Kolosovu. *Drevnyaya i novaya Rossiya, 1(4)*, 346-347. (in Russian).

Gil'tebrant, P. 1880. Knyaz' Petr Andreevich Vyazemskii o bukve ". *Drevnyaya i novaya Rossiya, 16(2)*, 374-378. (in Russian).

Zaloznyak, A.A. (2002). Drevnerusskaya grafika so smesheniem " – O i " – E. In "Russkoe imennoe slovoizmenenie" s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu, Moscow, 577-613. (in Russian).

Kaverina, V.V. (2005). Orfografiya russkikh periodicheskikh izdaniy XVII-XIX vv.: pravopisanie bukv "" i ". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya, 9(3)*, 70-75. (in Russian).

Kolobkov, V.A. (2001). Zhiznennyi put' istorika. In S.F. Platonov. *Pod shapkoii Monomakha*, Moscow, 467-502. (in Russian).

Kolosov, M.A. (1879a) Ot redaktsii. *Russkii filologicheskii vestnik, 1(1)*, III-VI. (in Russian).

Kolosov, M.A. (1879b) (G. Gil'tebrantu). *Russkii filologicheskii vestnik, 1(2)*, 317-320. (in Russian).

Lavoshnikova, E.K. (2016). “Lishnyaya bukva” russkogo alfavita: vozmozhen li sekvestr? *APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki*, (1), 1-17. (in Russian).

Medvedev, I.P. (2011). Studencheskii referat S. F. Platonova “O mestoprebyvanii gotov-tetraksitov”. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 40, 390-408. (in Russian).

Mitrofanov, V.V. (2019). O moskovskikh znakomstvakh S.F. Platonova v gimnazicheskie gody: pobratim i posestrima. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, (2), 119-139. (in Russian).

Mitrofanov, V.V. (2020). Markiz i markiza: pis'ma EN Kalaidovich gimnazistu SF Platonovu. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, (1), 116-132. (in Russian).

Mitrofanov, V.V. (2021), “Teatral'nye zametki. Chast' I” Sergeya Fedorovicha Platonova (vstup. st. publik. komment.). *Vestnik “Al'yans-Arkheo”*, 34, 144-175. (in Russian).

Platonov, S.F. (1883). Zametki po istorii moskovskikh zemskikh soborov. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, (3), 1-20. (in Russian).

Platonov, S.F. (2008). Nekrolog Graf A.S. Uvarov. *Rossiiskaya arkheologiya*, (4), 168–169.

Platonov, S.F. (2010). Moskovskie zemskie sobory XVI i XVII vv. In *Sobranie sochinenii*, Moscow, 23-184. (in Russian).

Platonov, S.F. (2017). Neskol'ko vospominanii o studencheskikh godakh. In *Sobranie sochinenii*, Moscow. 214-252. (in Russian).

Platonov, S.F. (2017). Avtobiografiya. In *Sobranie sochinenii*, Moscow, 187-213. (in Russian).

Tsamutali, A.N. (1986). Bor'ba napravlenii v russkoi istoriografii v period imperializma: Istorigraficheskie ocherki. Leningrad. (in Russian).

© Митрофанов В.В., 2022

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/07>*Терехова З.С.***ТЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПОЭМЕ А.А. АХМАТОВОЙ «РЕКВИЕМ»**

Аннотация. На рубеже прошлого и позапрошлого столетий, хотя и не буквально хронологически, накануне революции, в эпоху, потрясенную двумя мировыми войнами, в России возникла и сложилась, может быть, самая значительная во всей мировой литературе нового времени «женская» поэзия – поэзия Анны Ахматовой. Ближайшей аналогией, которая возникла уже у первых ее критиков, оказалась древнегреческая певица любви Сапфо: русской Сапфо часто называли молодую Ахматову. Однако свести все творчество Ахматовой к любовной теме нельзя. Есть в нем и явственно выраженная патриотическая направленность. Поэма Анны Ахматовой «Реквием» – это народная трагедия, которая по своей тематике и проблематике актуальны и в наши дни. В них отражены чувства всех людей, которые когда-либо теряли родного человека и переживали тяжелые исторические события. Это жгучая боль от несправедливости и протест против насилия над людьми, в частности над заключенными и пережившими войну людьми. В строках данного произведения – страдания от разлуки, однако они позволяют разделить свою печаль с другими, дают увидеть, что ты в своем горе не один, а значит, добро победит и тьма не вечна. В центре поэмы «Реквием» лирическая героиня – женщина, которая простаивает в тюремных очередях, ожидая приговора для сына, ища встречи с ним. Известно, что сына Анны Андреевны арестовывали два раза. Во второй раз его приговорили к ссылке в Сибирь на 10 лет. Очереди под тюрьмами свидетельствовали о том, что матерей, жен, сестер, переживших потерю, было очень много. Описывая свои переживания, Анна Андреевна показала горе всех женщин.

Ключевые слова: А. Ахматова; историческая память; жертвы репрессий; женщины; тюремные очереди.

Сведения об авторе: Терехова Зинаида Сергеевна, учитель русского языка и литературы, МБОУ «Средняя школа №5» г. Нижневартовска, Россия, г. Нижневартовск, zina.yares@mail.ru

*Terekhova Z.S.***THE THEME OF HISTORICAL MEMORY
IN A POEM A.A. AKHMATOVA “REQUIEM”**

Abstract. At the turn of the last and the century before last, although not literally chronologically, on the eve of the revolution, in an era shaken by two world wars, perhaps the most significant “female” poetry in the entire world literature of the new time, the poetry of Anna

Akhmatova, arose and developed in Russia. The closest analogy that arose already among her first critics was the ancient Greek love singer Sappho: young Akhmatova was often called Russian Sappho. However, it is impossible to reduce all of Akhmatova's work to a love theme. There is also a clearly expressed patriotic orientation in it. Anna Akhmatova's poem "Requiem" is a folk tragedy, which, in terms of its subject matter and issues, is still relevant today. They reflect the feelings of all people who have ever lost a loved one and experienced difficult historical events. This is a burning pain from injustice and a protest against violence against people, in particular against prisoners and people who survived the war. The lines of this work contain suffering from separation, but they allow you to share your sadness with others, let you see that you are not alone in your grief, which means that good will win and darkness is not eternal. In the center of the poem "Requiem" the lyrical heroine is a woman who stands idle in prison lines, waiting for her son's sentence, looking for a meeting with him. It is known that the son of Anna Andreevna was arrested twice. The second time he was sentenced to exile in Siberia for 10 years. The queues under the prisons testified that there were a lot of mothers, wives, sisters who survived the loss. Describing her experiences, Anna Andreevna showed the grief of all women.

Keywords: A. Akhmatova; historical memory; victims of repression; women; prison lines.

About the author: Terekhova Zinaida Sergeevna, teacher of the Russian language and literature of the Municipal Budgetary Educational Institution "School No. 5", Nizhnevartovsk, Russia, Nizhnevartovsk, zina.yares@mail.ru

Терехова З.С. Тема исторической памяти в поэме А.А. Ахматовой «Реквием» // Нижневартровский филологический вестник. 2022. №1. С. 79-85. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/07>

Terekhova, Z.S. (2022). The Theme of Historical Memory in a Poem A.A. Akhmatova "Requiem". *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 79-85. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/07>

Изучив понятие исторической памяти в специальных источниках и произведениях художественной литературы, мы обнаружили, что каждый из исследователей (В. Давыдов (Давыдов 2013: 91), П. Нора (Нора 2011: 75), Я. Ассман (Ассман 2004: 163) и др.) имел свою точку зрения на данное понятие. Проанализировав каждое из них, мы систематизировали мысли исследователей в определение, которое звучит так: историческая память – это то, что все мы должны оберегать, ведь так важно помнить наше прошлое, чтобы уберечься от ошибок в будущем.

Тема исторической памяти всегда освещалась творцами слова, преследуя цель донести до людей важность помнить происходившее когда-то, находя в истории решение проблем современности.

Анна Андреевна Ахматова была пронизана чувством патриотизма, Н.В. Банников говорил, что она «тесно связана с дворянской культурой, с бытом привилегированных слоев

царской России, Ахматова благодаря своему глубокому чувству патриотизма осталась после Октября на родине и прошла затем долгий творческий путь» (Банников 1986: 423). Это в очередной раз доказывает, что поэтесса не могла оставить без внимания такой переломный период в нашей стране.

Близкие А.А. Ахматовой стали жертвами репрессий, которые массово осуществлялись в первой половине XX века. Мужа поэтессы Николая Гумилева расстреляли, а сына Льва приговорили к заключению на десять лет. Эти события отобразились в творчестве Анны Андреевны, в том числе в поэме «Реквием».

Первые наброски произведения появились в 1934-1935 гг., но на некоторое время А. Ахматова оставила работу над ним. В 1935 г. впервые арестовали её сына. Женщина написала письмо (<https://clck.ru/hGjxK>) Сталину, и Льва, которого обвиняли в создании террористической организации, освободили. В 1938 г. его снова арестовали, но теперь уже приговорили к десяти годам лишения свободы с ссылкой в Сибирь. В этом году Анна Андреевна начала воплощать замысел «Реквиема», но несколько изменила его, так как изменились её взгляды на эпоху. Когда сын поэтессы ждал приговора, она выстаивала в очередях под тюрьмой по 17-19 часов. В этих очередях и были рождены строки «Реквиема».

Работа над поэмой продолжалась более двух десятков лет. Под каждой её частью поэтесса обозначила дату создания. Интересно, что до 1962 г. не было рукописного варианта произведения. Тогда хранить такие стихи дома было опасно, ведь можно было стать жертвой репрессий. А. Ахматова нашла выход. Она писала части на клочках бумаги, заучивала строки, а потом сжигала черновики. Поэму тогда слышали только самые близкие друзья женщины. Она не решалась декламировать стихи в своей комнате, потому что была уверена, что там спрятали подслушивающее устройство.

Только когда репрессии утихли, Анна Андреевна решилась перенести строки «Реквиема» на бумагу и опубликовать его. 27 мая 1962 г. текст был напечатан на машинке. В 1960-х г. поэму активно распространяли в самиздате. Перед тем как появился первый печатный вариант, поэтесса в парке прочитала поэму по памяти Лидии Чуковской. Для Анны Ахматовой это было настоящим событием, позже она будет вспоминать: «Она слушала, а я читала вслух стихи, которые столько раз твердила про себя. Она развязала узел платка, распахнула пальто. ... Молчала. Я прочла все до единого» (Чуковская 1997: 34).

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом» (Аламдарова 1994: 289).

Впервые «Реквием» опубликовали в 1963 г. за границей – в Мюнхене. Издано оно было в «Товариществе Зарубежных писателей». Первое издание было осуществлено без ведома и согласия автора, о чем было заявлено в книге, где разместили поэму. Русский прозаик Б.К. Зайцев один из первых получил эту книгу. Он был впечатлен, открыв для себя «новую» Ахматову: «Я-то видел Ахматову «царскосельской веселой грешницей», и «насмешницей», но Судьба поднесла ей оцет Распятия» (Зайцев 2000: 3).

В 1987 г. в журналах «Октябрь» (№3) и «Нева» (№6) был опубликован полный вариант поэмы А. Ахматовой «Реквием».

Таким образом, история создания поэмы А. Ахматовой «Реквием» тесно связана с политической обстановкой эпохи и обстоятельствами жизни поэтессы.

Анна Андреевна Ахматова оставила богатое литературное наследие и заняла в истории мировой литературы достойное место. Но «Реквием» занимает в нем свое особое положение. Предшественником написания поэмы можно назвать стихотворение «Привольем пахнет дикий мед» тысяча девятьсот тридцать третьего года.

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль – солнечным лучом,
Фиалкою – девичий рот,
А золото ничем.
Водою пахнет резеда
И яблоком любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь (Ахматова 2011).

Поэма А. Ахматовой «Реквием» напоминает читателю о сталинских репрессиях начала XX века. В произведении раскрыто несколько тем, но тема исторической памяти проявляется в нем с особой силой. Анна Ахматова стала непосредственной участницей событий, о которых нельзя забывать, чтобы не допустить новых трагедий.

К великому горю, Ахматова застала время колоссальной трагедии своего народа. Тридцатые-сороковые годы двадцатого века – самая страшная страница истории России. Она затронула и поэтессу. Как человек искусства она не могла молчать, хотя в то время ее голос не был услышан (поэма публикуется в нашей стране только после ее смерти в 1987 году). Все покрываемые правительством преступления подло умалчивались и засекречивались. Расстреливали, сажали в тюрьмы, ссылали в лагеря ни в чем не повинных людей, а их близкие были обречены на жизнь с клеймом: родственник «врага народа». Поэма во многом автобиографичная, но, по словам поэтессы, она была подслушана у народа. Ведь в то время это было проблемой всего народа и каждого отдельного человека одновременно. В «Реквиеме» нет имен, лишь единожды там упоминается о Магдалине.

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
И туда, где молча Мать стояла,

Так никто взглянуть и не посмел (Аламдарова 1994: 294).

Образ Марии Магдалины – образ вселенской матери. Упоминание о нем в поэме говорит о том, что «Реквием» – это скорбь всех матерей по своим детям. Плач по сыну – тема, пришедшая из глубины веков: это библейский сюжет, рассказ о «стрелецких женках». Этот кровавая дорога тянулась очень долго, и, к сожалению, никогда не прерывалась. По чьим-то решениям все злодеяния скрывались, но оставалась лишь одна помеха: трагедия матери, которая не позволяла забыть. Историю можно переписать, но нельзя переписать боль, слёзы, и любовь. Все эти чувства нашли отражение в «Реквиеме».

В центре поэмы лирическая героиня – женщина, которая простаивает в тюремных очередях, ожидая приговора для сына, ища встречи с ним.

В посвящении поэтесса окунает читателя в мрачную атмосферу своей эпохи. Она рассказывает о тюрьмах («каторжных норах») (Аламдарова 1994: 289), о том, как вокруг слышались лишь шаги солдат, а люди жили в ожидании приговоров. Это все описывается так выразительно и эмоционально, что мы не можем оставаться равнодушными. Не оставляет поэтесса без внимания и те моменты, когда поезда увозили приговоренных к ссылке: «короткую песню разлуки паровозные пели гудки». Неоднократно употребляется слово «маруся» или словосочетание «черная маруся» (Аламдарова 1994: 295). Это разговорное слово сегодня – историзм, маркер сталинских репрессий. Так в те времена называли закрытые автомобили, в которых перевозили арестованных. Более известное название – воронок. Образ «черной маруси» также помогает Анне Андреевне раскрыть тему исторической памяти.

На протяжении всего произведения А. Ахматова показывает свое отношение к эпохе, в которую ей пришлось жить. Например, в пятой части вступления она пишет: «мне не разобрать теперь, кто зверь, кто человек» (Аламдарова 1994: 291). Действительно, в то время предателем, который отдает другого в лапы власти, мог оказаться каждый, даже близкий человек.

Особенно выразительно тема исторической памяти звучит в эпилоге поэмы А. Ахматовой «Реквием». В нем лирическая героиня вспоминает про трагичные события спустя некоторое время. Мы понимаем, что многие женщины так же, как и она не могут забыть того ужаса. Героиня рассказывает, что приблизился поминальный день, и она вспоминает о том, как когда-то стояла в тюремных очередях, о её «невольных подругах». Она молится за каждую женщину, которая пережила потерю в те времена.

В последних строфах появляется символ исторической памяти – памятник женщине, потерявшей сына. Лирическая героиня предполагает, что у людей может возникнуть желание воздвигнуть монумент в её честь. И она не возражает, вот только не ради славы.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием – не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов» (Аламдарова 1994: 295).

История – лишь записанные события. Главное – сохранить память, особенно там, где ее пытаются уничтожить. В «Реквиеме» нет обвинений, время расставит все по местам, но страшная память должна быть не забыта, и безвинно погибшим будет сыгран заслуженный реквием.

Поэма соткана из подслушанных у народа-мученика слов. Эти кровоточащие слова приносят мучение героине-повествовательнице поэмы, однако она мужественно и самоотверженно их произносит, поскольку «в этом самоотречении, по Маяковскому, и состоит призвание современного поэта, что сближает его с евангельским Искупителем» (Култышева 2016: 46). И сколько бы ни зажимали рот основательной Клио, правда никогда не умрёт, ведь ее хранят люди. Нельзя рассказать по-другому, сделав черное белым. «Реквием» – траурная песня о том, что кровью пахнет только кровь.

Резюмируя, важно отметить, что поэма А.А. Ахматовой «Реквием» не просто художественное произведение, а настоящий памятник, увековечивший всех тех, кто пострадал в то жестокое время. Не имея имен, герои поэмы скорбят, борются и страдают, словно между строк произведения. Ахматова сделала невероятное, сквозь время она пронесла такую важную тему, о которой нельзя было говорить тогда, везде были «глаза и уши». Мы должны быть благодарны ей за то, что можем прочувствовать в этом произведении. Помня о таком страшном периоде, обо всей той боли, которую от ужасной несправедливости пережил наш народ, мы можем и обязаны сделать все, чтобы такого больше не было в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

Аламдарова Э.Н., Безрук Ю.Л., Евдокимова Л.В. Хрестоматия по литературе для средней школы. Астрахань: Изд-во Астраханского педагог. ин-та, 1994. 699 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. 558 с.

Банников Н.В. Три века русской поэзии. М.: Просвещение, 1986. 750 с.

Давыдов В.В., Самойлова О.В. Физиология с основами анатомии. СПб.: СПХФА, 2013. 182 с.

Зайцев Б.К. Дни. М.: Русская книга, 2000. 560 с.

Култышева О.М. В. Маяковский и В. Нарбут: противники быта и сторонники будущего // Нижневартковский филологический вестник. 2016. №1. С. 44-51.

Нора П. Проблематика мест памяти. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. 176 с.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. М.: Согласие, 1997. 563 с.

REFERENCES

Alamdarova, E.N., Bezruk, Yu.L., & Evdokimova, L.V. (1994). Khrestomatiya po literature dlya srednei shkoly. Astrakhan'. (in Russian).

Assman, Ya. (2004). Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. Per. s nem. Moscow. (in Russian).

Akhmatova, A.A. (1976). Stikhotvoreniya i poemy. Leningrad. (in Russian).

Bannikov, N.V. (1986). Tri veka russkoi poezii. Moscow. (in Russian).

Davydov, V.V., & Samoilova, O.V. (2013). Fiziologiya s osnovami anatomii. St. Petersburg. (in Russian).

Zaitsev, B.K. (2000). Dni. Moscow. (in Russian).

Kultysheva, O.M. (2016). V. Mayakovskii i V. Narbut: protivniki byta i storonniki budushchego. *Nizhnevartovskii filologicheskii vestnik*, (1), 44-51. (in Russian).

Nora, P. (2011). Problematika mest pamyati. St. Petersburg. (in Russian).

Chukovskaya, L.K. (1997). Zapiski ob Anne Akhmatovoi. Moscow. (in Russian).

© Терехова З.С., 2022

УДК 81-114.4

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/08>

Хомиченко О.В.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В настоящей статье мы исходим из того, что понятие «лингвистическая экспертиза» можно рассматривать в двух аспектах, лингвистическом и правовом. Различение указанных аспектов важно, как в научном, так и в практическом смысле, поскольку на каждом из этих уровней лингвистическая экспертиза различается по задачам, методам и методикам, объектам исследования и статусу субъекта исследования. Лингвистическая экспертиза как процесс исследования языковых феноменов, неразрывно связанный с новыми знаниями о языке, имеет эвристический, инициативный, изыскательский характер, поэтому не способна решать конкретные экспертные задачи. Разграничение лингвистического и юридического уровней в судебной лингвистической экспертизе обеспечит соответствие результата исследования требованиям относимости, допустимости и достоверности, предъявляемым законом к доказательству. Сущность судебной лингвистической экспертизы раскрывается через понятие специальных лингвистических знаний. Под специальными знаниями традиционно понимаются знания, полученные в результате профессионального образования (обучения) и практического опыта, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта, знания, не являющиеся общеизвестными и общедоступными, не имеющие всеобщего, массового распространения, которыми располагает ограниченный круг сведущих людей, получивших специальную подготовку. В результате влияния научных знаний на повседневную жизнь людей и развития общества соотношение общеизвестных и специальных знаний постоянно меняется. Совокупность специальных знаний определяет границы экспертной специальности в рамках профессиональной подготовки экспертов. В настоящее время обычным делом стало использование в следственной и судебной практике неквалифицированных и недобросовестных лингвистических экспертиз, авторы которых, не располагая специальными знаниями и не владея методикой и процедурами экспертного анализа, выносят суждения по вопросам, от которых зависят человеческие судьбы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, процессуальное законодательство, специальные знания.

Сведения об авторе: Хомиченко Оксана Викторовна, ORCID: 0000-0002-9218-7719, магистрант, Нижневартровский государственный университет, Россия, г. Нижневартовск, khomichenko.ov@gmail.com

*Khomichenko O.V.***THE CONCEPT AND ESSENCE OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE**

Abstract. In this article, we proceed from the fact that the concept of "linguistic expertise" can be considered in two aspects, linguistic and legal. The distinction of these aspects is important both in a scientific and practical sense, since at each of these levels linguistic expertise differs in tasks, methods and techniques, objects of research and the status of the subject of research. Linguistic expertise as a process of studying linguistic phenomena, inextricably linked with new knowledge about the language, has a heuristic, proactive, exploratory nature, therefore it is not able to solve specific expert tasks. The differentiation of linguistic and legal levels in forensic linguistic expertise will ensure that the result of the study meets the requirements of relevance, admissibility and reliability imposed by law on evidence. The essence of forensic linguistic expertise is revealed through the concept of special linguistic knowledge. Special knowledge is traditionally understood as knowledge obtained as a result of professional education (training) and practical experience that goes beyond general education and everyday experience, knowledge that is not well-known and generally available, does not have universal, mass distribution, which is available to a limited circle of knowledgeable people who have received special training. As a result of the influence of scientific knowledge on people's daily lives and the development of society, the ratio of well-known and specialized knowledge is constantly changing. The totality of special knowledge defines the boundaries of an expert specialty within the framework of professional training of experts. Currently, it has become commonplace to use unqualified and unscrupulous linguistic expertise in investigative and judicial practice, the authors of which, without special knowledge and without knowledge of the methodology and procedures of expert analysis, make judgments on issues on which human destinies depend.

Keywords: linguistic expertise, procedural legislation, special knowledge.

About the author: Khomichenko Oksana Viktorovna, ORCID: 0000-0002-9218-7719, master's student, Nizhnevartovsk State University; Russia, Nizhnevartovsk, khomichenko.ov@gmail.com

Хомиченко О.В. Понятие и сущность судебной лингвистической экспертизы // Нижневартровский филологический вестник. 2022. №1. С. 86-98. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/08>

Khomichenko, O.V. (2022). The Concept and Essence of Forensic Linguistic Expertise. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 86-98. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/08>

Особенностью языка юриспруденции является многозначность одних терминов, а также отсутствие определения других терминов в нормативно-правовых актах. Например,

термин «семья» имеет различное значение в семейном и жилищном законодательстве, термин «защита» употребляется в разных смыслах в уголовном и гражданском процессе. В связи с этим актуальным является уточнение значения основных понятий судебной лингвистической экспертизы в лингвистическом и юридическом аспектах. Это поможет в решении типовых задач судебной лингвистической экспертизы и в целом может быть востребовано в практике судебного процесса по делам о безопасности общения в Интернете, о защите чести и достоинства личности, противодействии терроризму и экстремизму.

Для раскрытия понятия лингвистической экспертизы в лингвистическом аспекте мы обратились к работам признанных авторитетов в области филологии, разрабатывающих различные аспекты лингвистической экспертизы.

Е.И. Галяшина приходит к выводу, что лингвистическая экспертиза в широком смысле обозначает «разнообразные прикладные языковедческие исследования» (Галяшина 2021: 16). Она направлена на поиск, получение и применение новых знаний о языке для развития науки лингвистики, изучающей систему языка, правила его функционирования и развития, а также для сравнения языков в целях определения генетических и типологических связей между ними.

А.Н. Баранов также не приравнивает область лингвистических экспертиз исключительно к экспертизам в судебной сфере, понимая под лингвистической экспертизой «зафиксированное в той или иной форме (в письменном документе, устной консультации) мнение лингвиста о тех или иных языковых феноменах» (Баранов 2009: 11).

Проанализировав работы таких специалистов в лингвистике, как Н.Д. Голев, К.И. Бринев, Е.С. Кара-Мурза, мы можем сделать вывод, что они рассматривают лингвистическую экспертизу в широком понимании как любой анализ текста с использованием лингвистом знаний о функционировании языка (Голев 2002: 15, Бринев 2013: 34, Кара-Мурза 2009: 48: 15).

Таким образом, лингвистическая экспертиза с точки зрения учёных – это процесс исследования языковых феноменов, неразрывно связанный с новыми знаниями о языке, имеющий такие признаки научного направления, как эвристический, инициативный, изыскательский характер.

Обладая указанными характеристиками, теоретическая лингвистика не способна решать конкретные экспертные задачи. В частности, по мнению К.И. Бринева научная категория «факт» практически в ней отсутствует, вместо этого имеется так называемый «материал» (Бринев 2009: 15).

Когда речь идет о судебной лингвистической экспертизе, указанные признаки (эвристический, инициативный, изыскательский характер) не могут присутствовать в принципе, поскольку данный феномен ограничен жесткими рамками процессуального законодательства. Для раскрытия его сущности обратимся к нормам права.

В соответствии со ст. 9 Федерального Закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О

ГСЭД») судебная экспертиза – предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла (<https://clck.ru/hGjZv>).

Гражданский процессуальный кодекс РФ в ч. 1 ст. 79 и Кодекс об административных правонарушениях РФ в ч. 1 ст. 26.4 устанавливают назначение экспертизы при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла (<https://clck.ru/DDzqf>).

Согласно ч. 1 ст. 77 Кодекса административного судопроизводства РФ и части 1 статьи 82 Арбитражного процессуального кодекса РФ назначение экспертизы лаконично обусловлено возникновением вопросов, требующих специальных знаний (<https://clck.ru/EcSYf>).

Хотим отметить, что в уголовном процессе вопрос назначения экспертизы не регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации призваны разрешить правовой пробел в вопросе назначения экспертизы. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» обращено внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле (<https://clck.ru/auaYU>).

Из определений, данных лингвистической экспертизе и судебной лингвистической экспертизе, мы можем сделать вывод, что между указанными экспертизами недопустимо ставить знак равенства. Они отличаются по задачам, методам и методикам, статусу субъекта исследования, объектам исследования.

Задачей лингвистической экспертизы в широком смысле слова является получение новых знаний о языке, задачей судебной лингвистической экспертизы является не познание нового явления, а использование в ходе судебного разбирательства научно признанных знаний о речи и языке для решения проблемных ситуаций. Мы поддерживаем мнение К.И. Бринева, что задачи эксперта-лингвиста ограничены «способностью/неспособностью лингвистики описывать конкретную группу фактов» (Бринев 2013: 34). Следует также согласиться с указанным автором, который, ссылаясь на К. Поппера, утверждает, что в любой теории неизбежны неопределяемые термины, ведь определение термина предполагает бесконечный регресс в процессе определения (Бринев 2011: 395). Лингвист-эксперт пытается установить, какое определение истинно. Применительно к оскорблению это означает, что обсуждается вопрос о том, когда же имел место реальный факт оскорбления: а) когда говорящий хотел оскорбить и слушающий оскорбился, б) когда говорящий не хотел

оскорбить, но слушающий оскорбился, в) когда говорящий хотел оскорбить, а слушающий не оскорбился» (Бринев 2011: 397), то есть выясняется, что именно из указанных вариантов следует назвать словом «оскорбление». При проведении лингвистической экспертизы речевого произведения на предмет наличия или отсутствия в его содержании признаков экстремизма поставленной перед экспертом-лингвистом задачей является, как верно указывает Л.В. Коростелева, «выявление фактов, свидетельствующих о наличии или отсутствии в содержании речевого произведения признаков вербальной экстремистской деятельности» (Коростелева 2015: 20). Следовательно, в обоих примерах авторы приходят к выводу о том, что перед экспертом-лингвистом в суде ставится задача установления конкретного факта.

С особенностями задач судебной лингвистической экспертизы связаны и особенности методов судебной лингвистической экспертизы: это не методы научного исследования, а сплав практики и науки. К ним предъявляются специальные требования.

Прежде всего, отметим, что ни ФЗ «О ГСЭД», ни положениями процессуального законодательства, регулирующего вопросы назначения и производства судебной экспертизы, не предусмотрена регистрация в каком-либо органе или учреждении методов и (или) методик экспертного исследования, используемых при производстве судебных экспертиз. В соответствии с ч. 6 ст. 11 ФЗ «О ГСЭД» государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов (<https://clck.ru/auaYU>).

Другими словами, для метода и (или) методика, которые были избраны экспертом, достаточно признания специалистами практической деятельности или соответствующей отрасли знаний, не требуется их регистрация где-либо (Ефремов 2013: 51). Считаем, что применительно к судебной лингвистической экспертизе указанная норма закона означает, что её методы и методики должны быть признаны подавляющим большинством специалистов, осуществляющих производство лингвистических экспертиз.

Важным требованием к методам судебной лингвистической экспертизы является законность. Законность вообще является системообразующим методологическим принципом судебной лингвистической экспертизы, который предопределяет выбор алгоритмов и приемов исследования. В свете приведенных выше ссылок на нормы законодательства при раскрытии понятия «судебная экспертиза» очевидно, что в судебной лингвистической экспертизе требование законности реализуется при проведении экспертизы независимым экспертом, обладающим специальными познаниями в науке лингвистике. Сведения о том, какие методы и методики были использованы при проведении экспертизы, дают возможность воспроизвести экспертное исследование и делают возможным лицу, назначившему экспертизу, проверить их допустимость для целей судопроизводства, оценить всесторонность, полноту и объективность экспертизы, достоверность полученных результатов.

Другим основным требованием является научность, предполагающая повторяемость результата исследования при использовании одинаковых методов исследования разными экспертами (Галяшина 2021: 23). Кроме того, научность означает опору на результаты научных исследований и исключает возможность субъективного толкования результатов исследования. Требование научности закреплено в абзаце 2 с. 8 ФЗ «О ГСЭД», согласно которой заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных (<https://clck.ru/auaYY>). Научность обеспечивает объективность, всесторонность и полноту исследований, которые являются требованиями, предъявляемыми к деятельности эксперта согласно ФЗ «О ГСЭД».

Е.Р. Россинская относит к значимым требованиям также эффективность, предполагающую достижение цели за минимальное время, и пригодность применения метода в конкретных условиях решения поставленной перед экспертом задачи (Россинская 2017: 85).

Считаем необходимым осветить основные требования к методам судебной экспертизы, закреплённые в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно п. 3 ч. 4 ст. 57 УПК РФ эксперт не вправе проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное изменение внешнего вида или основных свойств объектов (<https://clck.ru/ZEo2Z>). На первый взгляд, указанное требование не имеет отношения к лингвистической экспертизе, однако попробуем поспорить с данным утверждением. Применительно к лингвистической экспертизе данная норма права означает запрет применения методов, изменяющих смысл текста как объекта судебной лингвистической экспертизы. К таким методам относятся метод синонимических преобразований, метод ассоциативного эксперимента, прием объединения нескольких текстов в сложный отдельный текст, метод реферирования. Считаем, что указанный запрет не влечет исключение из объектов судебной лингвистической экспертизы креолизованных текстов, структура которых «включает в себя вербальный и иконический элемент, объединяющие информацию в единое целое» (Безбородова, Коростелева 2019: 160), поскольку иллюстративный элемент задает контекст вербального элемента. Убеждены, что запрет не распространяется и на тексты-конгломераты, к которым можно отнести переписку в мессенджерах мгновенных сообщений, поскольку в данном случае тексты-сообщения создаются самими авторами, а не механически соединяются экспертами, в результате чего возможно установить принадлежность каждой части сообщения к единому коммуникативному целому с использованием криминалистического подхода установления целого по частям.

Не ограниченный жесткими процессуальными рамками, лингвист-ученый всегда является инициатором проводимого им научного исследования, в то время как инициатором судебной лингвистической экспертизы, в зависимости от особенностей процессуальной деятельности, выступает иное лицо (суд, следователь, сторона правового спора). Для

судебной лингвистической экспертизы, в отличие от экспертизы в широком смысле этого слова, характерно наличие обязательного юридического основания для производства, каковым может служить определение суда либо постановление лица, производящего дознание, производство по делу об административном правонарушении, или следователя. Считаем, что к особенностям статуса эксперта, осуществляющего судебную лингвистическую экспертизу, следует отнести закрепленный в ст. 16 ФЗ «О ГСЭД» запрет на разглашение сведений, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну (<https://clck.ru/hGjcx>). Вместе с тем следует признать, что законодатель не поясняет, что конкретно следует относить к разглашению сведений. С одной стороны, запрет на разглашение сведений экспертом закреплен в ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, ч. 6 ст. 49 КАС РФ, ч. 5 ст. 57 УПК РФ, но санкций за нарушение указанного запрета данным нормативно-правовыми актами не установлено. С другой стороны, запрет на разглашение сведений экспертом отсутствует в АПК РФ и в КоАП РФ. На основании изложенного нам представляется, что правовой статус судебного эксперта-лингвиста требует уточнения в целях соблюдения принципа равенства всех перед законом. В российском законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, данных предварительного расследования, за нарушение неприкосновенности частной жизни. При этом статус эксперта не влечет специальных правовых последствий для нарушителя запрета.

С понятием статуса эксперта-лингвиста неразрывно связана норма ст. 307 Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ), согласно которой он несет уголовную ответственность за заведомо ложное заключение или показание в суде или в ходе досудебного производства (<https://clck.ru/E3U3k>). Процессуальными нормами предусматривается обязательное предупреждение эксперта об этом, отсутствие письменной расписки эксперта о таком предупреждении влечет недопустимость использования его заключения и (или) показания в качестве доказательства. Целью введения нормы ст. 307 УК РФ является предупреждение недобросовестного отношения судебного эксперта к выполнению возложенных на него обязанностей. Однако мы вынуждены констатировать, что формулировка нормы ст. 307 УК РФ фактически исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности, поскольку предусматривает ответственность только при доказанности наличия у него умысла на дачу ложного заключения и (или) показания и не предусматривает уголовной ответственности за ошибочное заключение эксперта. Доказывание умысла, то есть отсутствия ошибки, добросовестного заблуждения эксперта, полагающего, что он мыслит и действует правильно, зачастую невозможно. Тем более что, несмотря на использование надлежащих научных методов, даже высококвалифицированный специалист иногда не в состоянии добиться успеха ввиду некачественности или неполноты представленных на экспертизу материалов и других причин. Считаем, что в таких случаях этичным будет вывод

о невозможности решения поставленного вопроса. В противном случае существует опасность возникновения ситуации, описанной А.Д. Черновым в пособии «Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия», когда одним и тем же экспертом Краснодарской лаборатории судебной экспертизы МЮ РФ при исследовании одной и той же книги «Свидетельствуем о Царстве Бога» на предмет признания ее экстремистским информационным материалом было дано два противоположных заключения по двум разным делам. Данный факт был установлен в судебном заседании и послужил поводом к назначению повторной экспертизы (Цит. по: Симонов 2013: 12).

Исходя из изложенного следует согласиться с К.И. Бриневым в том, что «экспертиза, с одной стороны, – процессуальное действие, предназначенное для установления фактов с целью разрешения дела по существу, с другой стороны, экспертиза является исследованием, которое позволяет или не позволяет установить эти факты. С первой стороны экспертиза – вид деятельности, регулируемый процессуальными нормами, предметом регулирования которых являются общественные отношения, складывающиеся в сфере отправления правосудия. Со второй стороны в экспертизе нет ничего юридического, в ней используются научные теории, которые описывают фрагменты реальности, изучение которых входит в предмет конкретной науки, то есть в ней используются научные теории и специально созданные методики, направленные на решение конкретных исследовательских задач. Таким образом, выделенные стороны экспертного исследования, в общем, независимы друг от друга» (Бринев 2009: 13). Поскольку судебная лингвистическая экспертиза – это в первую очередь процессуальное действие, квалифицированная подготовка, проведенная судом перед назначением экспертизы, исключит проведение повторных и дополнительных экспертиз. А это в свою очередь позволит суду рассмотреть дело в сроки и принять по делу законный и обоснованный судебный акт. Для достижения этих важных с точки зрения правосудия целей считаем актуальным в рамках настоящей работы провести разграничение лингвистического и юридического уровней в судебной лингвистической экспертизе, что обеспечит соответствие результата исследования требованиям относимости, допустимости и достоверности, предъявляемым законом к доказательству.

Судебная лингвистическая экспертиза, по определению Е.И. Галяшиной, это «процессуально регламентированное исследование высказывания или текста, завершающееся дачей письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний, которая востребована по широкому спектру дел в уголовном, гражданском судопроизводстве, по делам об административных правонарушениях. Это – оскорбление, клевета, призывы к экстремистским действиям, вымогательство, мошенничество, возбуждение национальной или религиозной ненависти или вражды, незаконная реклама и пропаганда наркотиков и т.п.» (Галяшина 2013: 32).

Таким образом, сущность судебной лингвистической экспертизы раскрывается через понятие специальных лингвистических знаний. Понятие «специальные знания» используется в диспозициях ст.ст. 57, 58 УПК РФ, определяющих процессуальное положение сведущих

лиц (эксперта и специалиста), однако ни ст. 5 указанного нормативно-правового акта, содержащая основные понятия, используемые в кодексе, ни какие-либо другие нормативно-правовые акты расшифровку исследуемой дефиниции не дают. Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 79) и Федеральный закон «О ГСЭД» (ст. 9) указывают на состав специальных знаний, закрепляя то, что судебная экспертиза проводится по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, ремесла или искусства (<https://clck.ru/hGjde>). Однако подобная трактовка специальных знаний представляется неприемлемой в силу необоснованного сужения их сфер. Считаем, что следует согласиться с А.Ю. Гарашко, что правоприменителю могут потребоваться сведения и умения, относящиеся не только к науке, искусству, технике или ремеслу, но и, например, к спорту, обычаям или коллекционированию. (Гарашко 2011: 17). На наш взгляд данная позиция вполне справедлива, так как согласно толковому словарю под термином «специальный» как раз и понимается «особый, исключительно для чего-нибудь предназначенный; относящийся к отдельной отрасли чего-нибудь, присущий той или иной специальности».

Поиск ответов в данной ситуации является необходимым как для судебной практики, призванной содействовать решению задач судопроизводства на единых правовых основаниях, так и для теории, особенно ввиду существующего в специальной литературе различия взглядов на характеристику понятия «специальные знания» и конкретных его носителей в уголовном и гражданском процессе.

Согласно определению Е.И. Галяшиной под специальными знаниями традиционно понимаются «знания, полученные в результате профессионального образования (обучения) и практического опыта, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта, знания, не являющиеся общеизвестными и общедоступными, не имеющие всеобщего, массового распространения, которыми располагает ограниченный круг сведущих людей, получивших специальную подготовку» (Галяшина 2021: 23).

Очевидно, что в результате влияния научных знаний на повседневную жизнь людей и развития общества соотношение общеизвестных и специальных знаний постоянно меняется. Так, поскольку в Интернете сейчас можно найти практически любую информацию по интересующему вопросу, постольку сфера обыденных знаний обогащается, а сфера специальных знаний дифференцируется. Знания о каком-либо процессе, явлении, предмете становятся системными и доступными всё более широкому кругу лиц.

Одновременно с этим происходит и обратный процесс. В связи с более глубоким научным познанием предметов, процессов и явлений на первый взгляд обыденные представления о них отвергаются, возникают новые научные обоснования, приобретающие характер специальных знаний.

При анализе характера требуемых знаний к специальным лингвистическим знаниям нельзя отнести обыденные знания о языке, которые имеет его носитель, владеющий и пользующийся языком в повседневном общении. Другими словами, если для понимания

прямых значений тех или иных русских слов достаточно открыть словарь современного русского языка, то для этого не требуется назначения экспертизы, поскольку это не специальные, а общеизвестные, то есть обыденные языковые знания. Таким образом, когда смысловое содержание текста понимается однозначно, исходя из денотативных значений слов, зафиксированных в энциклопедиях, толковых словарях и справочниках, специальные лингвистические знания не требуются. Это привело к тому, что стороны судебного спора и профессиональные правоприменители неоправданно часто стали обращаться за помощью к лингвистам, ставя перед ними задачу толкования и интерпретации слов русского языка. Г.М. Резник, размышляя о лингвистической экспертизе, отмечает: «Сейчас, пожалуй, нет ни одного дела о криминализованных словах – клевете, оскорблении, возбуждении национальной или религиозной вражды, призывах к экстремистской деятельности, – по которым не назначалась бы лингвистическая экспертиза. «Специальные познания», о необходимости которых заявляют следователи и судьи, содержатся в двух-трех словарях русского языка. И можно только присоединиться к А.Н. Баранову, когда он честно констатирует, что значительная часть лингвистических экспертиз посвящена доказательству очевидного» (Резник 2007: 4). Обоснованный скепсис у ученых-лингвистов вызывают юристы, требующие научного разъяснения очевидных по смыслу высказываний («да, значит, некий, похитил»). Считаем, что во избежание подобных ситуаций назначать и проводить судебную лингвистическую экспертизу следует только в тех случаях, когда юрист не может без лингвиста решить, нарушают ли определенную правовую норму те или иные слова или речевые действия.

Е.А. Галяшина отмечает и иную проблему: правоприменитель, находясь часто в условиях неопределенности правовых категорий, считает возможным переложить ответственность в решении вопроса о признании или непризнании речевого действия правонарушением на экспертов-лингвистов, а эксперты часто не способны выявить лингвистический диагностический комплекс признаков того или иного криминогенного речевого действия» (Галяшина 2021: 15). Можем согласиться с Е.А. Галяшиной в том, что указанная проблема существует, и считаем, что она требует решения общими усилиями лингвистов и юристов.

Экспертное исследование актуально, когда контекст не снимает языковой неопределенности, не позволяет однозначно оценить смысл слова или высказывания – если речь насыщена неологизмами, ассоциациями и оценочными коннотациями, идиомами, метафорами, намеками, жаргонизмами, иносказаниями, если она имеет сложную стилистическую или структурную организацию. При этом задача эксперта заключается в выявлении смысла текста путем тщательной аналитической работы, извлечении из контекста и подтекста, намеков и вопросов, разоблачении приемов манипулирования сознанием респондентов. Именно в таких случаях требуется профессиональная работа эксперта, его тщательная исследовательская работа, требуется привлечение профессиональных экспертных знаний и современных технологий экспликации текста и его декомпозиции.

Роль научной основы специальных лингвистических знаний, доказавших свою бесспорность и состоятельность, играют общепринятые научно обоснованные положения теоретической и прикладной лингвистики. Они являются постулатами, которые не подвергаются сомнению и составляют фундамент, на котором развивается знание о речи и языке как базис судебной лингвистической экспертизы. Специальные знания о русском языке, культуре, литературе, о русском народе и его истории также входят в этот фундамент.

Совокупность указанных специальных знаний у судебного эксперта-лингвиста – это необходимое условие производства экспертизы, костяк, на котором формируются экспертно-лингвистические навыки и умения. Эти компетенции определяют границы экспертной специальности в рамках профессиональной подготовки экспертов.

Таким образом, в лингвистическом аспекте под лингвистической экспертизой понимается прикладное языковое исследование, зафиксированное в письменной или устной форме. В юридическом аспекте лингвистическая экспертиза – это предусмотренное законодательством Российской Федерации процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Задачей лингвистической экспертизы на лингвистическом уровне является получение новых знаний о языке, а на юридическом уровне – использование в ходе судебного разбирательства научно признанных знаний о речи и языке для решения проблемных ситуаций. К общим требованиям, предъявляемым к методам лингвистической экспертизы на лингвистическом уровне (общепризнанность и единство научно-методического подхода) на юридическом уровне добавляются законность и эффективность. Оценивая различия в статусе субъекта исследования на лингвистическом и юридическом уровне, мы пришли к выводу, что инициатором проводимого научного исследования всегда является лингвист-ученый, в то время как инициатором судебной лингвистической экспертизы, в зависимости от особенностей процессуальной деятельности, всегда выступает иное лицо (суд, следователь, сторона правового спора).

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2009.

Безбородова Ю.В., Коростелева Л.В. Креолизованный текст в структуре пропагандистского дискурса // Политическая лингвистика. 2019. №6. С. 159-163.

Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Книжный дом Либроком, 2013.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.

Бринев К.И. Теоретический принцип эссенциализма при описании оскорбления в юридической лингвистике // Культура и текст. 2011. №12. С. 394-412.

Бринев К.И. Теоретический принцип эссенциализма при описании оскорбления в юридической лингвистике // Культура и текст. 2011. №12. С. 395.

Галяшина Е.И. Ошибки судебной лингвистической экспертизы. Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия. М.: ФЗГ, 2013.

Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Проспект, 2021.

Гарашко А.Ю. Некоторые аспекты отнесения знаний к специальным в уголовном процессе // Мировой судья. 2011. №4. С. 16-19.

Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2002. №3. С. 15-30.

Ефремов И.А. Некоторые заблуждения о судебной экспертизе при осуществлении уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура. 2013. №3 (4). С. 47-51.

Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. №27. С. 47-71.

Коростелева Л.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллокуция, прагматика // Юрислингвистика. 2015. №4. С. 19-27.

Коростелева Л.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллокуция, прагматика // Юрислингвистика. 2015. №4(15). С. 19-27.

Резник Г.М. Предисловие юриста // Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007. С. 4.

Россинская Е.Р. Эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экспертологии // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №2. С. 85-90.

Россинская Е.Р., Зинин А.М. История становления и развития института судебной экспертизы в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №12. С. 18-37.

Симонов А.К. Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия: Пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников. М.: Фонд защиты гласности, 2013.

REFERENCES

Baranov, A.N. (2009). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika*. Moscow. (in Russian).

Bezborodova, Yu.V., & Korosteleva, L.V. (2019). *Kreolizovannyi tekst v strukture propagandistskogo diskursa*. *Politicheskaya lingvistika*, (6), 159-163. (in Russian).

Brinev, K. I. (2013). *Spravochnik po sudebnoi lingvisticheskoi ekspertize*. Moscow. (in Russian).

Brinev, K.I. (2009). Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza. Barnaul. (in Russian).

Brinev, K.I. (2011). Teoreticheskii printsip essentsializma pri opisani oskorbleniya v yuridicheskoi lingvistike. *Kul'tura i tekst*, (12), 394-412. (in Russian).

Brinev, K.I. (2011). Teoreticheskii printsip essentsializma pri opisani oskorbleniya v yuridicheskoi lingvistike. *Kul'tura i tekst*, (12), 395. (in Russian).

Galyashina, E.I. (2013). Oshibki sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy. Ekspertizy – nereshennyi vopros rossiiskogo pravosudiya. Moscow. (in Russian).

Galyashina, E.I. (2021). Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza. Moscow. (in Russian).

Garashko, A.Yu. (2011). Nekotorye aspekty otneseniya znani k spetsial'nym v ugovnom protsesse. *Mirovoi sud'ya*, (4), 16-19. (in Russian).

Golev, N.D. (2002). Ob ob"ektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvisticheskoi ekspertizy. *Yurislingvistika*, (3), 15-30. (in Russian).

Efremov, I.A. (2013). Nekotorye zabluzhdeniya o sudebnoi ekspertize pri osushchestvlenii ugovnogo sudoproizvodstva. *Evraziiskaya advokatura*, (3 (4)), 47-51. (in Russian).

Kara-Murza, E.S. (2009). Lingvisticheskaya ekspertiza kak protsedura politicheskoi lingvistiki. *Politicheskaya lingvistika*, (27), 47-71. (in Russian).

Korosteleva, L.V. (2015). Ekstremistskii diskurs: priznaki, illokutsiya, pragmatika. *Yurislingvistika*, (4), 19-27. (in Russian).

Korosteleva, L.V. (2015). Ekstremistskii diskurs: priznaki, illokutsiya, pragmatika. *Yurislingvistika*, (4(15)), 19-27. (in Russian).

Reznik, G.M. (2007). Predislovie yurista. In *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. Teoreticheskie osnovaniya i praktika*, Moscow. 4. (in Russian).

Rossinskaya, E.R. (2017). Effektivnost' sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti skvoz' prizmu sudebnoi ekspertologii. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (2), 85-90. (in Russian).

Rossinskaya, E.R., & Zinin, A.M. (2015). Istoriya stanovleniya i razvitiya instituta sudebnoi ekspertizy v Rossii. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, (12), 18-37. (in Russian).

Simonov, A.K. (2013). Ekspertizy – nereshennyi vopros rossiiskogo pravosudiya: Posobie dlya sudei, a takzhe nachinayushchikh yuristov, zhurnalistov i pravozashchitnikov. Moscow. (in Russian).

© Хомиченко О.В., 2022

**ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ /
FOREIGN PHILOLOGY AND TEACHING METHODS**

УДК 372.881.111.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/09>*Емельянова С.А.***ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ:
НОВАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ)**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты инновационных процессов в обучении иностранному языку для специальных целей. Основным предметом анализа является изучение возможностей применения современных цифровых технологий. Использование специализированных онлайн-платформ позволяет расширить возможные форматы работы по формированию и развитию навыков речевой деятельности. Задачи использования актуальной специальной профессионально-ориентированной лексики при отработке навыков монологической и диалогической речи, чтения и аудирования на иностранном языке определяют необходимость поиска преподавателем профильных ресурсов. Эффективным решением является работа обучающихся с платформами, позволяющими работать в режиме интервального повторения лексики при наличии функции подбора персональных ассоциативных рядов в виде картинок, аудио- и видеоматериалов. Платформы массовых открытых онлайн-курсов (МООК) направлены как на обучение иностранному языку через изучение профильных профессионально-ориентированных курсов, так и на освоение знаний по соответствующим профильным областям посредством иностранного языка. Отдельные популярные Интернет-площадки позволяют преподавателю размещать собственные лингводидактические курсы, которые можно создавать не только для внутреннего использования, но и для продажи на платформе. Имитация эффекта погружения в языковую среду достигается путем введения в процесс обучения иностранному языку для специальных целей элементов использования социальных сетей, создаваемых внутри ресурсов профессионально-ориентированных лингводидактических онлайн-платформ. Коммуникация на иностранном языке осуществляется в соответствии с профессиональными интересами обучающихся в условиях, приближенных к реальному социокультурному взаимодействию. В качестве примера рассматривается лингводидактический контент цифровой платформы Englishdom.com. В работе описывается структурная характеристика компонентов данного цифрового ресурса и потенциал использования предлагаемого дидактического инструментария.

Ключевые слова: цифровые технологии; иностранный язык для специальных целей; лингводидактика.

Сведения об авторе: Емельянова Светлана Алексеевна, ORCID: 0000-0001-7686-1358, аспирант, Нижевартовский государственный университет, Россия, г. Нижевартовск, svemelianova0110@gmail.com

Emelyanova S.A.

TEACHING ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES: INNOVATIONS AND PERSPECTIVES (USING ONLINE PLATFORMS)

Abstract. The article is devoted to the review of innovations in teaching English for specific purposes (ESP). The analysis is focused on implementing new digital technologies. Specialized online platforms make it possible to widen opportunities to implement new modes of language teaching techniques. Online resources can help the ESP teacher find some effective ideas to train students with new professional vocabulary while speaking, reading and listening. Internet platforms give a good chance for the time-set repeating of the vocabulary through personally oriented audio and video scenarios. Mass open online courses (MOOC) can both assist to teach-learn ESP by researching professional fields and to get professional skills by using foreign language platforms. Some popular online platforms allow the ESP teacher to create their own courses not only for education purposes but also for sale. A proper language environment can be set by integrating teaching-learning the language with elements of social networking at the ESP online platforms. The students' professional communication here goes in some very realistic sociocultural conditions. A good example is the Englishdom.com platform. The peculiarities of the platform are revealed through observing its structure, key components and the potential to use the didactic tools.

Keywords: digital technologies; English for specific purposes (ESP); teaching languages.

About the author: Emelyanova Svetlana Alekseevna, ORCID: 0000-0001-7686-1358, PhD student, Nizhnevartovsk State University; Russia, Nizhnevartovsk, svemelianova0110@gmail.com

Емельянова С.А. Обучение иностранному языку для специальных целей: новации и перспективы (на примере онлайн-платформ) // Нижевартовский филологический вестник. 2022. №1. С. 99-107. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/09>

Emelyanova, S.A. (2022). Teaching English for Specific Purposes: Innovations and Perspectives (Using Online Platforms). *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 99-107. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/09>

Активные процессы цифровизации затрагивают различные сферы жизни современного человека. Образование становится одной из быстро изменяющихся в технологическом отношении областей, предполагающих интенсивное внедрение цифровых продуктов.

Профессионально-ориентированное иноязычное образование, в основе которого заложена идея формирования устойчивых знаний в области иноязычного профессионального

и академического дискурса, позволяет апробировать наиболее актуальные лингводидактические инструменты и материалы (Плеханова 2020: 146).

Компьютерные технологии – одни из наиболее значимых технологических достижений современной цивилизации. Мультимедийные средства сегодня существенно изменяют способы освоения и усвоения информации, открывают новые возможности для интеграции различных действий, тем самым способствуют достижению социально значимых и актуальных целей обучения (Ахметова, Бейсханова, Когай 2015). Важно отметить, что Интернет-ресурсы не являются панацеей, ведь эффективность применения зависит от способов и форм применения таких ресурсов, от того, насколько грамотно преподаватель владеет методикой работы с ними, а также от качества используемых им электронных ресурсов.

Одной из серьезных задач для преподавателя является корректный отбор продуктивной лексики по профилю, которая была бы полезна для коммуникации в монологической и диалогической форме в различных сферах устно-речевого общения, а также рецептивной лексики, которая необходима для понимания специализированных текстов при чтении и аудировании. Со стороны студента существует не менее серьезная проблема в этой связи – отсутствие должной отработки лексики для последующего запоминания и употребления. Выходом в данной ситуации могут служить специализированные сайты и приложения, направленные на решение таких проблем.

Таблица 1

Онлайн-ресурсы для отработки лексических материалов

Ресурс	Функциональные возможности
Easy Ten http://www.easyten.ru/en	Работа с лексическими единицами через выполнение упражнений. Пользователь выбирает тематику/группу слов. Приложение оснащено системой ежедневного оповещения с напоминанием об отработке.
Quizlet https://quizlet.com/ru	Сайты для изучающих английский язык с любым уровнем подготовки с эффективными методами запоминания слов. Пользователь может выбрать как готовые наборы, так и создать сам. Данный ресурс может быть использован педагогом (создание тематической папки лексических единиц) и студентом (отработка) в совместной работе.
Anki https://apps.ankiweb.net	
Memrise https://www.memrise.com	Современная платформа с системой интервального повторения лексики. Обучающимся доступна функция подбора персональных ассоциативных рядов в виде картинок, аудио и видео.

В ходе исследования было выявлено, что существует ряд платформ массовых открытых онлайн-курсов (МООК), работающих в двух дидактических направлениях:

- обучение иностранному языку через изучение профильных курсов;
- обучение профильным отраслям посредством иностранного языка.

Отметим, что платформу и курс преподавателю стоит выбирать самостоятельно, предварительно произведя апробацию. Не все курсы однозначно подходят по качеству содержания, что может отразиться на мотивации обучающихся, а впоследствии и на их

академических успехах. На сегодняшний день в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 вопрос дистанционного обучения приобретает всё большую актуальность. Вследствие вынужденного перехода высших учебных заведений на дистанционное обучение, система образования и сам образовательный процесс претерпели значительные изменения. Неизвестно, претерпят ли впоследствии изменения аудиторские занятия, перейдя в плоскость онлайн-уроков через Skype, Zoom и других платформ, однако важно отметить, что современные конструкторы онлайн-курсов уже готовы для подобных изменений.

Таблица 2

МООК для изучения иностранного языка в рамках курса
«Иностранный язык для специальных целей»

Платформа МООК	Описание	Доступность создания преподавателем собственных курсов
EdX https://www.edx.org Coursera https://www.coursera.org	Размещение курсов от 200 ведущих университетов (Стэнфордский университет, компания Microsoft, Университет штата Аризона). Полноценные комплексные курсы разной длительности как общих, так и узкоспециализированных направлений.	Размещение собственных курсов недоступно.
FutureLearn https://www.futurelearn.com	Англоязычная платформа, насчитывающая около 700 курсов в основном от университетов и компаний Великобритании. Данный ресурс – часть проекта The Open University. Каждый курс имеет различные режимы взаимодействия для отработки языкового материала.	Размещение собственных курсов недоступно.
Udemy https://www.udemy.com	Платформа с большим количеством как платных, так и бесплатных курсов. Udemy предоставляет широкий выбор курсов разной тематики, но наиболее хорошо проработаны и популярны программы, связанные с IT-сферой, экономикой и бизнесом.	Самая популярная площадка для размещения собственных курсов, которые можно создавать не только для внутреннего использования, но и для продажи на платформе.
Openlearning https://www.openlearning.com	Ресурс с детально проработанными курсами в основном для инженеров, IT-специалистов, врачей, юристов и математиков. Подходит для профильных занятий на старших курсах университета.	Размещение собственных курсов доступно с условием, что курс будет размещен от лица университета.

Говоря о дистанционном обучении, следует отметить, что некоторые исследователи указывают на необходимость трансформации части аудиторных занятий в вебинары. Существуют определенные преимущества использования данного формата:

- возможность одновременно собрать полную аудиторию, вне зависимости от местонахождения студентов;
- доступность представления информации с помощью звука, визуализации через демонстрацию экрана;
- интерактивный характер связи со слушателями;
- более комфортное состояние слушателей от присутствия на расстоянии;
- представление онлайн-презентаций, тренингов, синхронизация действий ведущего и слушателя (Хромов 2015).

Преподаватель иностранного языка для специальных целей может не только самостоятельно проводить вебинар, но и использовать чужие наработки из открытого доступа, приглашая своих студентов вместе посетить такое занятие для последующего обсуждения.

В ходе нашего исследования были выявлены современные эффективные виды деятельности, направленные на развитие речевых видов деятельности обучающихся. К ним относятся:

- разговорные уроки (englishdom.com), позволяющие отработать коммуникативные навыки через обсуждение профессиональных тем;
- мини-социальные сети внутри курсов (openlearning.com), где пользователь может не только рассказать о себе другим участникам, но и письменно поддержать открытые темы, такие как: «Какие последствия загрязнения воды кажутся вам наиболее вероятными в вашем регионе?» в курсе «Surface Water Quality: management and modeling»;
- интерактивный тематический видеоматериал с возможностью работать с текстом содержания во время просмотра (FluentU.com).

Современный мир уже невозможно представить без использования электронных устройств, которые применимы как для личного общения, так и для организации рабочего пространства через различные социальные сети. В этой связи было бы логичным провести интеграцию социальных сетей в учебный процесс, подстроив их функционал под нужды процесса обучения. Различные форматы работы с подобными ресурсами позволяют значительно расширять возможности знакомства обучающихся с реалиями социокультурного взаимодействия на изучаемом языке. Процессы формирования и развития лингвокультурной компетенции являются неотъемлемым элементом овладения системой языковых знаний. Эффективность коммуникации, в том числе профессионально-ориентированной, зачастую зависит именно от понимания особенностей иной культуры (Степанова 2008; Степанова 2011; Степанова 2013).

Использование социальных сетей и сайтов создает имитацию эффекта погружения в среду. С помощью данных ресурсов можно осуществлять коммуникацию на иностранном языке в соответствии с профессиональными интересами студентов и именно в социальных сетях можно познакомиться с живым языком в современном его состоянии.

Так, лингводидактические возможности платформы EnglishDom (<https://www.englishdom.com>) предполагают несколько форматов обучения:

- самостоятельное изучение материала с помощью основной платформы в режиме онлайн-тренажера;
- выбор языкового курса по специальности;
- участие в работе разговорных клубов;
- изучение материала с использованием мобильного приложения-словаря ED Words.

Таблица 3

Функционал социальных сетей при обучении иностранному языку для специальных целей

Социальная сеть	Функционал	Возможности использования
YouTube	Размещение видео контента на странице «канала» с возможностью комментирования, добавления материала в закладки и последующего сохранения.	Загрузка преподавателем тематических видео.
ВКонтакте	Общение через приватные и групповые чаты, размещение текстовых, фото- и видеопостов, записи коротких онлайн «историй», ведение онлайн видеотрансляций, создание групп и публичных страниц со личным контентом (приватные и открытые).	Создание приватной группы с профильным контентом. Возможность загрузки преподавателем текстового, аудио- или видеопоста с закрепленными материалами для занятий или для самообразования.
Одноклассники / Facebook	Платформы поддерживают создание групповых и приватных чатов, позволяет размещать посты с прикрепленным аудио- и видеоматериалами на неопределенный срок. Возможно создание групп и публичных страниц.	
Skype	Социальная сеть для аудио- и видеосвязи в режиме онлайн. Доступны как приватные, так и групповые чаты. По времени звонки не ограничены.	Создание онлайн-сессий для проведения вебинаров.
Twitch	Видеостриминговый сервис.	
WhatsApp	Мессенджеры с чатами. В чатах можно прикреплять голосовые сообщения, короткие видеосообщения, документы текстового, аудио- и видеоформата. Количество пользователей в чатах неограниченно.	Чаты в мессенджерах – наиболее частотное пространство для рабочих обсуждений. Высокая эффективность для моделирования коммуникативных ситуаций.
Google+		
Viber		
Facebook Messenger		

При регистрации предлагается пройти тест на определение уровня знания английского языка, как результат пользователь получает дидактические рекомендации по выбору соответствующего курса и контента. В рамках данного исследования интересным представляется обзор курса “English for IT”, рассчитанного на 15 занятий.

На приветственной странице указано, что курс полезен в командной работе над проектами, при совершенствовании навыков деловой переписки, составлении техзаданий и в других ситуациях, требующих знаний иностранного (английского) языка в данной сфере.

Словарь, предлагаемый для изучения на каждом занятии, является интерактивным и имеет возможность переключения в режим тренировки указанных лексических единиц. Тренировка заключается в подборе правильного перевода к русскоязычному аналогу слова и прослушивании произношения лексической единицы. Несомненно, подобного рода упражнения оказывают положительное влияние на формирование навыков аудирования.

Контент раздела «Теория» предлагает несколько поэтапных просмотров видео с предоставлением профильным преподавателем теоретической информации по тем или иным языковым аспектам. Под каждым видео представлена возможность оставить пользовательский комментарий, возможно обсудить тему как с консультантом по курсу, так и с другими участниками-обучающимися.

“Life story” – раздел, содержащий ссылку, которая перенаправляет обучающегося на специально созданный YouTube канал платформы для просмотра видео, к которому прикреплено задание, направленное на отработку навыка аудирования. После просмотра видео пользователю предлагается заполнить в тексте пробелы, вставить нужную по смыслу лексическую единицу. Упражнения, подобные этому, давно зарекомендовали себя в методике обучения иностранным языкам, их можно встретить в системах подготовки к международной сертификации, таких как KET, IELTS и др.

Разделы «Диалог» и «Разговорный урок» предполагают работу с упражнениями, где от пользователя требуется выбрать правильный ответ на вопрос и произнести его в микрофон. На платформе представлены общие темы для обсуждения, при этом «разговорные комнаты» ограничивают число находящихся там студентов и принимают только тех, кто заранее записался на определенную дату и время. Ведущим дискуссии является преподаватель, который задает вопросы, корректирует направление беседы, вносит новую информацию для обсуждения.

Одним из важных структурных элементов платформы является вкладка, обеспечивающая возможность стать участником вебинара, онлайн семинара, организуемого посредством Интернет в режиме реального времени. Помимо запланированных онлайн вебинаров, обучающийся может также посмотреть записи прошлых занятий. Подобный способ получения информации, безусловно, приемлем, однако, на наш взгляд, не дает чувства полной вовлеченности в процесс реальной коммуникации.

Заключительным разделом курса является «блог», где преподаватели и обучающиеся, имеющие высокий рейтинг, размещают статьи с функцией обсуждения. Статьи, как правило,

касаются некоторых аспектов изучения языка, описывают культурные особенности других стран и т. д.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что этот ресурс Endlishdom.com органично сочетает возможности для активной тренировки всех видов иноязычной речевой деятельности, что обуславливает его популярность среди пользователей сети Интернет. Для студентов технических направлений подготовки данный цифровой продукт может стать удобным сервисом, способствующим продуктивному формированию иноязычной компетенции в профильной профессиональной области.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметова Д.Р., Бейсханова С.А., Когай О.А. Использование мультимедийных средств на занятиях английского языка // Евразийский Союз Ученых. 2015. №4-5.

Плеханова Ю.В. Интернет-ресурсы как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции «Информационно-телекоммуникационные системы и технологии». Кемерово, 2020. С. 146-147.

Степанова М.А., Волкова Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода // Вестник Нижевартовского государственного гуманитарного университета. 2011. №4. С. 87-89.

Степанова М.А., Мильруд Р.П. Символы культуры // Вестник Нижевартовского государственного университета. 2013. №2. С. 87-89.

Степанова М.А. Разрушение стереотипов: лингводидактические цели (на материале английского языка) // Вестник Нижевартовского государственного гуманитарного университета. 2008. №4. С. 47-52.

Хромов С.С., Гуляева Н.А., Зеленецкая И.С. Интеграция информационно-коммуникативных средств в процесс обучения языку специальности иностранных студентов в экономическом университете // Статистика и экономика. 2015. №2. С. 8-15. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-2-8-15>

REFERENCES

Akhmetova D.R., Beiskhanova S.A., Kogai O.A. Ispol'zovanie mul'timediinykh sredstv na zanyatiyakh angliiskogo yazyka // Evraziiskii Soyuz Uchenykh. 2015. №4-5.

Plekhanova Yu.V. Internet-resursy kak sredstvo formirovaniya inoyazychnoi kommunikativnoi kompetentsii // Materialy XIX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Informatsionno-telekommunikatsionnye sistemy i tekhnologii». Kemerovo, 2020. S. 146-147.

Stepanova M.A., Volkova T.A. Diskursivno-kommunikativnaya model' perevoda // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. 2011. №4. S. 87-89.

Stepanova M.A., Mil'rud R.P. Simvoly kul'tury // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №2. S. 87-89.

Stepanova M.A. Razrushenie stereotipov: lingvodidakticheskie tseli (na materiale angliiskogo yazyka) // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2008. №4. S. 47-52.

Khromov S.C., Gulyaeva N.A., Zelenetskaya I.S. Integratsiya informatsionno-kommunikativnykh sredstv v protsess obucheniya yazyku spetsial'nosti inostrannykh studentov v ekonomicheskom universitete // Statistika i ekonomika. 2015. №2. S. 8-15. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-2-8-15>

© Емельянова С.А., 2022

УДК 811.111

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/10>*Филистова Н.Ю., Позднякова С.Д.*

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «PANDEMIC» В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ (НА ОСНОВЕ СТАТЕЙ
МЕДИЦИНСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)**

Аннотация. В данной статье исследуются лексические средства вербальной репрезентации концепта «Pandemic» на материале англоязычных газетных статей медицинской тематики. Актуальность статьи заключается в самом предмете – пандемии, которая появилась в конце 2019 начале 2020 года и продолжается до сих пор. Данное явление представляет интерес для лингвистических исследований, так как важные общественные явления всегда имеют отражение в языке и речи как отдельной страны, так и всего человечества. Пандемия коронавируса стала именно таким явлением. Целью нашей работы является установление единиц вербализации концепта «Pandemic» в англоязычных газетных статьях коронавирусной тематики, которые посвящены медицине. Для достижения поставленной цели в нашем исследовании были задействованы следующие методы исследования: сбор и анализ полученной информации, метод дефиниционного анализа, метод сплошной выборки, описательный метод, статистический метод, а также элементы концептуального анализа. В теоретической части нашей статьи мы рассматриваем важнейшие понятия, которые важны для дальнейшего понимания содержания: газетная разновидность публицистического-дискурса и концепт. В практической части представлено собственно исследование: выделение концепта «Pandemic», приведение дефиниций значения данного концепта, отбор и описание фреймов концепта «Pandemic» из газетных статей, проведение статистического анализа и подведение итогов проделанного исследования. Новизна исследования состоит в том, что лингвистические труды по изучаемому аспекту концепта «Pandemic» ранее не были представлены в научных публикациях. Практическая значимость данной статьи заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в дальнейшем изучении вербализации концепта «Pandemic» в других сферах общественной жизни. Статья является попыткой описания средств языковой вербализации изучаемого концепта.

Ключевые слова: концепт; газетный дискурс; фрейм; пандемия; медицина.

Сведения об авторах: Филистова Наталья Юрьевна, ORCID: 0000-0003-3342-905X, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут, nataliafilistova@yandex.ru; Позднякова Софья Дмитриевна, студентка, Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут, sofya.pozdniakowa@yandex.ru

Filistova N. Yu., Pozdnyakova S.D.

LINGUISTIC PECULARITIES OF THE CONCEPT “PANDEMIC” IN THE ENGLISH-LANGUAGE NEWSPAPER DISCOURSE (BASED ON MEDICAL ARTICLES)

Abstract. This article examines the lexical means of verbal representation of the concept “Pandemic” on the basis of English-language newspaper medical articles. The relevance of the article lies in the subject itself – the pandemic, which appeared in late 2019 and early 2020 and continues to these days. This phenomenon is of interest for linguistic research, since important social phenomena are always reflected in the language and speech of both an individual country and the whole of humanity. The coronavirus pandemic has become just such a phenomenon. The purpose of our work is to establish verbalization units of the concept “Pandemic” in English-language newspaper articles on coronavirus topics that are devoted to medicine. To achieve this goal, the following research methods were used in our study: collection and analysis of the receiving information, the method of definitional analysis, the method of continuous sampling, descriptive method, statistical method, and also elements of conceptual analysis. In the theoretical part of our article, we consider the most important terms that are important for further understanding of the content: the newspaper kind of journalistic discourse and the concept. In the practical part, the research itself is presented: highlighting the concept of “Pandemic”, giving definitions of the meaning of this concept, selecting and describing frames of the concept of “Pandemic” from newspaper articles, conducting statistical analysis and summarizing the results of the research done. The novelty of the study lies in the fact that linguistic works on the studied aspect of the concept “Pandemic” have not been previously presented in scientific publications. The practical significance of this article lies in the fact that its materials and conclusions can be used in the further study of the verbalization of the concept “Pandemic” in other spheres of public life. The article is an attempt to describe the means of linguistic verbalization of the concept under study.

Keywords: concept; newspaper discourse; frame; pandemic; medicine.

About the authors: Filistova Natalia Yuryevna, ORCID: 0000-0003-3342-905X, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Russia, Surgut, nataliafilistova@yandex.ru; Pozdnyakova Sofya Dmitrievna, student, Surgut State University, Russia, Surgut, sofya.pozdniakowa@yandex.ru

Филистова Н.Ю., Позднякова С.Д. Лингвистические особенности концепта «Pandemic» в англоязычном газетном дискурсе (на основе статей медицинской направленности) // Нижневартовский филологический вестник. 2022. №1. С. 108-115. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/10>

Filistova, N. Yu. & Pozdnyakova. S.D. (2022). Linguistic Peculiarities of the Concept “Pandemic” in the English-Language Newspaper Discourse (Based on Medical Articles). *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 108-115. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-1/10>

Различные газетные издания продолжают широко освещать в медиапространстве тему коронавирусной инфекции – респираторного вируса, который без исключений в короткие сроки захватил весь земной шар.

Языком СМИ является публицистический дискурс, который используется для передачи информации обществу из различных сфер жизни. Зачастую публицистический дискурс реализует две важнейшие функции языка: манипулятивную и агитационную, потому что имеет большую аудиторию и способен влиять на восприятие информации читателями. В нашей статье мы будем рассматривать газетную разновидность публицистического дискурса, так как материалом нашего исследования стали газетные статьи (Казак 2012).

В своем исследовании мы выделили газетные англоязычные статьи, которые имеют медицинскую направленность для того, чтобы выяснить, как пандемия коронавируса вербализуется в данной сфере, какие комментарии дают медицинские работники, работники медицинских организаций и медицинских департаментов, как они описывают сам вирус и его новые штаммы, какие делают прогнозы относительно пандемии. Выявленный языковой материал позволил рассмотреть особенности репрезентации концепта “Pandemic”.

Понятие концепта включает в себя экстралингвистические составляющие, оно достаточно объемно и многогранно и, прежде всего, представляет собой чувственно-образное восприятие объекта действительности. В.А. Маслова утверждает, что «концепт – это когнитивный слепок с объекта действительности». Важно отметить, что концепт не тождественен слову, так как слова не могут отразить всю глубину его составляющих, однако выражение концептов лучше всего происходит языковыми средствами (Маслова 2004: 36).

Для корректной интерпретации концепта и его фреймов в нашем исследовании необходимо выяснить, как термин «pandemic» трактуется в словарях английского языка, так как важно понимать, что вкладывается в данное понятие представителями иноязычной культуры. Для объективности нашего исследования мы рассмотрели толкования данной лексической единицы в нескольких словарях. Базой нашего лексико-графического толкования стали следующие словари: Dictionary.com, Oxford Learner's Dictionaries, The Cambridge English Dictionary и The dictionary by Merriam-Webster. Мы получили следующие дефиниции лексемы “Pandemic”:

1) *a disease prevalent throughout an entire country, continent, or the whole world* (<https://www.dictionary.com/>);

2) *an outbreak of a disease that occurs over a wide geographic area (such as multiple countries or continents) and typically affects a significant proportion of the population: a pandemic outbreak of a disease* (<https://www.merriam-webster.com/>);

3) an occurrence in which *a disease spreads very quickly* and affects a large number of people over a wide area or throughout the world (<https://www.merriam-webster.com/>);

4) a *disease* that exists in almost all of an area or in almost all of a group of people, animals or plants (<https://dictionary.cambridge.org/>);

5) a *dangerous disease* that infects many people at one time (<https://dictionary.cambridge.org/>);

6) a *disease* that spreads over a whole country or the whole world (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>).

Исходя из вышеприведенных дефиниций, можно резюмировать, что «pandemic» (пандемия) – в широком смысле, это опасное заболевание, которое имеет широкую географию распространения: по всей стране, по всему континенту или по всему миру, а также, затрагивает значительную часть живых организмов, как людей, так и животных, растений. Более того, проявляться такое заболевание может внезапно, вспышкой.

В нашем исследовании при поиске ключевых слов и фреймов концепта «pandemic», пристальное внимание мы уделили словам со значением: *disease, illness, infection, virus, coronavirus, coronavirus infection, coronavirus disease, coronavirus surge, COVID-19, lockdown, isolation, quarantine* и др.

Коронавирусная инфекция заставляет беспокоиться в первую очередь врачей и ученых, в частности, когда появляется новый штамм или мутация вируса, потому что это усложняет их работу по исследованию уже существующих вариантов. Поэтому одним из первых фреймов можно выделить “**new variant**”, который вербализуется через такие лексические единицы как “variant of concern”, “strain”:

- *Now PHE has confirmed **the variant’s new designation**, adding evidence so far suggests it is at least as **transmissible** as B.1.1.7 (the Kent **variant**)...* (<https://www.theguardian.com/international>).

- *Department of Health and Social Care suggested the variant was poised to be upgraded to a “**variant of concern**”* (The Guardian).

- *On 6 May 2021, British scientists declared B.1.617.2 as a “**variant of concern**” and **Delta variant**, labelling it **VOC-21APR-02*** (<https://www.washingtontimes.com>).

Ученые занимаются решением проблемы с вирусом комплексно, потому что они обязаны её решить, от этого зависят жизни людей по всей планете. Они каждый день оценивают ситуацию, происходящую в мире, и обеспокоены определенными факторами, которые четко называют журналистам. Работники здравоохранения озвучивают свои причины беспокойства и объясняют, почему это может быть опасным, используя единицу “mutation”:

- *...there were a “**striking**” number of mutations in the new variant, compared to the one or two he’s seen in other **strains*** (<https://nypost.com>).

- *...the **614G variant** that contains a spike protein **mutation** overtook the 614D variant in the spring* (<https://www.washingtontimes.com>).

- *COG-UK scientists stress that **mutations are very common*** (<https://www.brookings.edu>).

Поскольку коронавирус – это инфекционное заболевание, медицинские учреждения периодически комментируют некоторые статистические данные по количеству заболевших, обсуждается численное количество мутаций в новом варианте вируса с применением вышеназванной единицы “mutation” и единицы “variant”:

- *1,108 COVID-19 cases **with the new variant** had been identified... High numbers of cases of the variant virus have been observed in some areas where there is also a high **incidence** of COVID-19* (<https://www.theguardian.com/international>).

- *Scientists detected **17 mutations in the variant**, which scientists have named “VUI – 202012/01”* (<https://www.washingtontimes.com>).

- *The pressure on the virus to evolve is increased by the fact that so **many millions** of people have now been infected* (<https://nypost.com>).

Вышеперечисленные примеры подчеркивают масштаб и трудность проблемы, которая предстала перед медициной в целом: огромное количество случаев заражений новым вирусом, быстрое приспособление вируса к лекарствам и условиям пребывания – 17 мутаций в одном варианте. Все это приводит к осложнению в исследованиях, которые уже ведутся, потому что нельзя оставить без внимания изучения предыдущих штаммов вируса, но точно так же опасно медлить с изучением новых, которые не перестают появляться:

- *In the fall, another variant that scientists feared could be less sensitive to antibodies took hold in mink farms* (<https://www.theguardian.com/international>).

- *The Omicron variant, known as lineage B.1.1.529, was declared a **variant of concern** by the World Health Organization on 26 November 2021* (<https://nypost.com>).

Чем опаснее заболевание, тем строже оно описывается, и тем конкретнее даются указания врачей о действиях пациентов. Коронавирус является таковым вирусом – опасным и очень заразным. В последующих примерах учеными обсуждаются новые появившиеся варианты вируса, их мутации и к чему они могут привести. Далее, мы выделяем следующий фрейм “contagiousness”, который передается через семантическую единицу “transmission”:

- *Most of the **mutations** will not be significant, but some may give the virus an evolutionary advantage, which may lead to higher transmission or mean it is more harmful* (The Washington Post).

- *The **mutation** does not appear to cause more severe cases of COVID-19, but multiple studies indicate that it could be more contagious* (<https://www.nbcnews.com>).

- *These variants have worried scientists as they have **mutations** in their spike protein that may help the virus to evade the body’s immune responses and be more transmissible* (<https://nypost.com>).

- *Figures show cases of B.1.617.2 on the rise, with scientists worried it may be more transmissible* (<https://www.theguardian.com/international>).

Степень исследованности новых вариантов вируса крайне мала, на данный момент ученые могут лишь предполагать последствия их появления, являются ли новые варианты

коронавируса более опасными и заразными, и будет ли распространяться на них влияние уже существующих вакцин. При описании инфекции используется следующая лексическая единица “severity”:

- ... *if **mutation** carries any implications for the **transmissibility** of the virus, **severity of infection**, and success of a **vaccine**, though experts say it is unlikely to hamper **vaccination** efforts* (The New York Post).

- *Still, he notes that **there is no proof yet that this variant is spreading faster or causing more severe illness*** (<https://www.washingtontimes.com>).

В добавок ко всему, скорость распространения инфекции и ее увеличение, широкая заболеваемость вирусом вызывает ужас в медицинских сообществах, потому что нет ясности, как можно остановить распространение данного процесса. Вербализация происходит через фрейм «rapid spreading» и его репрезентативные единицы “spread grows”, “increasing of cases”, “sudden prevalence”, “across the country”, “spreads more quickly”:

- ***The variant B.1.617.2, also known as VOC-21APR-02, has caused particular consternation as its numbers have risen rapidly in the UK*** (<https://www.theguardian.com/international>).

- *The figures suggest that cases of B.1.617.2 are **on the rise, having increased** from 202 to 520 over the last week* (<https://www.washingtontimes.com>).

- *The cases **are spread across the country**; however, the majority of the cases are in two areas – the north-west (predominantly Bolton) and London – and this is where we are seeing the greatest **transmission*** (<https://www.washingtonpost.com>).

- ***The Delta variant, also known as B.1.617.2 is a globally dominant variant that spread to at least 185 countries*** (<https://www.brookings.edu>).

- *...they flagged that **Delta spreads more quickly than the original version of the virus and could spread quicker or as quickly as Alpha*** (<https://www.nbcnews.com>).

Наличие всех вышеперечисленных проблем, заставляет ученых искать пути их разрешения, а именно, исследовать вирус и его новые варианты. В следующих примерах подчеркивается, что исследования специалистов находятся в процессе, новые варианты вируса и их характеристики все еще на стадии изучения, некоторые данные будут пересматриваться для подтверждения и перепроверки. Такой фрейм как “investigation” передает труды медицинских исследователей, используя следующие единицы языка “monitoring”, “surveillance”:

- ... *leading scientists **investigate** new variant* (<https://www.claimsjournal.com>).

- ... *characteristics of **new variant are still being investigated*** (<https://www.brookings.edu>).

- ***“We are monitoring all of these variants extremely closely”, said Dr Susan Hopkins, Covid-19 strategic response director at PHE*** (<https://www.theguardian.com/international>).

Следующая мера, которую предпринимают специалисты здравоохранения – это попытка предотвращения распространения вируса путем вакцинации. Однако в свободной форме обсуждается неизвестность того фактора, будет ли распространяться действие вакцины на некоторые новые штаммы коронавируса. Отдельные эксперты считают, что

эффективность вакцины будет распространена и на новые варианты вируса. В данных обсуждениях мы выделяем фрейм “vaccination”, который вербализуется через единицы “protection against transmission”, “vaccine efficacy”:

- *The significance of the **variant** remains unclear, but experts remain confident that it will not evade **the protection** offered by a **COVID-19 vaccine*** (<https://www.nbcnews.com>).

- ... *experts say **new variants** is unlikely to hamper **vaccination** efforts* (The New York Post).

- ... *the implications for transmission of **the novel virus** and **the efficacy of vaccines** were still **unclear*** (<https://www.theguardian.com/international>).

- *While it seems that the **vaccines** may not have provided the level of **protection against transmission** that we may have hoped for, we still don't know how well their protection against **disease** is maintained, but that will become apparent over the coming days and weeks* (The Guardian).

- *It seems hard to see that this **virus** is going to be able to evolve its way away from **vaccine efficacy*** (<https://nypost.com>).

Газетные статьи, которые в своем исследовании мы отнесли к медицинской сфере, транслируют слова медицинских специалистов, язык которых очень лаконичен. Они дают комментарии исключительно по теме коронавируса, перечисляют его новые варианты и возможные опасности, связанные с ними, делают прогнозы, будет ли сохранен эффект от вакцинации против них.

Языковые единицы, вербализующие концепт «pandemic», тесно переплетаются между собой, например, в одном предложении может находиться более трех примеров репрезентации фрейма. Мы связываем данное явление с особенностью медицинского дискурса: он краток, но в то же время, максимально информативен, так как нацелен на передачу основной информации без лишних слов.

Рассмотрев газетные статьи, которые были нами отнесены к медицинской сфере, мы выделили следующие фреймы (рис.).

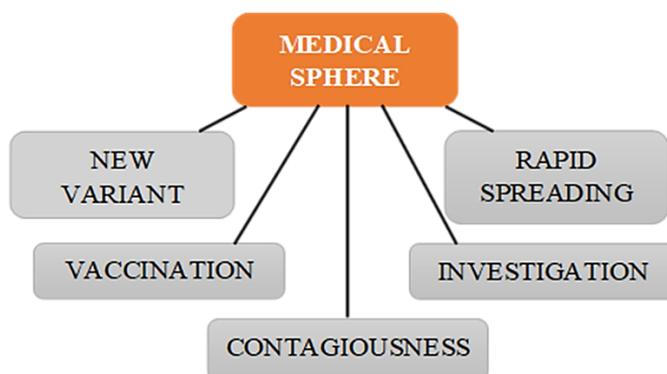

Рис. Фреймы концепта “PANDEMIC” в медицинской сфере

Проведя статистический анализ частотности употребления фреймов концепта ‘pandemic’, можно сделать вывод, что наиболее часто встречающимся фреймом является

“contagiousness” (33%), затем следуют “new variant” (24%), “rapid spreading” (19%), “vaccination” (14%) и “investigation” (10%).

В рассмотренных нами примерах вербализации концепта “Pandemic” мы можем выделить доминантные фреймы: “contagiousness”, “new variant”, и дополнительные: “rapid spreading”, “investigation”, “vaccination”. Мы связываем доминирование этих фреймов с тем, что коронавирус – это инфекционное заболевание и, в первую очередь, приводятся его характеристики, непосредственно связанные с характеристиками вирусов.

ЛИТЕРАТУРА

Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. 2012. №1 (6). С. 30-41.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

REFERENCES

Kazak, M.Yu. (2012). Spetsifika sovremennogo mediateksta, *Sovremennyi diskurs-analiz*, (1 (6)), 30-41. (in Russian).

Maslova, V.A. (2004). *Kognitivnaya lingvistika*. Minsk. (in Russian).

© Филистова Н.Ю., Позднякова С.Д., 2022

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ